

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER ONE

JANUARY – FEBRUARY

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2018

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачев**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д. ф. н., проф. **А. Аматицци** (Италия, Туринский ун-т); д. ф. н., проф. **М. Бёмиг** (Италия, Неаполитанский ун-т); д. ф. н., проф. **Я. Вавжинчик** (Польша, Варшавский ун-т); д. ф. н., проф. **А.Л. Верлинский** (Россия, СПбГУ); д. ф. н., проф. **Ю. Вольф** (Германия, Марбургский ун-т, Ин-т немецкой филологии Средних веков); д. ф. н., проф. **А.А. Гугнин** (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); д. ф. н., проф. **В.З. Демьянков** (Россия, ИЯ РАН); д. ф. н., проф. **Дж. Дэйч-Корнблатт** (США, Колумбийский ун-т); д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН **А.В. Дыбо** (Россия, ИЯ РАН); д. ф. н., проф. **В.И. Заботкина** (Россия, РГГУ); д. ф. н., проф. **Т.А. Золотова** (Россия, Марийский гос. ун-т); д. ф. н., проф. **О.Ю. Инькова-Манзотти** (Швейцария, Женевский ун-т); д. ф. н., проф. **Т. Йованович** (Сербия, Белградский ун-т); д. ф. н., проф. **М.К. Лейте** (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); д. ф. н., проф. **Г.В. Медведева** (Россия, Иркутский гос. ун-т); д. ф. н., проф. **Б. Мирчевская-Бошева** (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); д. ф. н., проф. **Э. Моттирони** (Швейцария, Женевский ун-т); д. ф. н., проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский ун-т); д. ф. н., **А.Л. Налепин** (Россия, ИМЛИ РАН); д. ф. н., проф. **Д.О. Немец-Игнашева** (США, Карлтон колледж); д. ф. н., проф., акад. **Х.Г. Нессельрат** (Германия, Геттингенский ун-т); д. ф. н., проф., акад. **Ж. Нива** (Франция, Европейская академия); д. ф. н., проф. **А. Орlando Кавальере** (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); д. ф. н., проф. **Н.Ф. Палмер** (Великобритания, Оксфордский ун-т); д. ф. н., проф. **В.В. Полонский** (Россия, ИМЛИ РАН); д. ф. н., проф. **Э. Раскини** (Франция, Эколь Нормаль); д. ф. н., проф. **Дж. Робертс** (Великобритания, Лондонский ун-т); д. ф. н., доц. **М. Ухлик** (Словения, ун-т Любляны); д. ф. н., проф. **С. Цэрэнчимэдийн** (Монголия, Монгольский гос. ун-т)

Адрес редакции:

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, к. 902

Телефон: +7 495 939-53-80, +7 499 391-28-31. E-mail: edit@philol.msu.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 09.04.2018. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 16,8. Тираж экз. Изд. № . Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Крейчи С.А., Кривнова О.Ф., Тихонова Е.А.</i> Слоговые контрасты как фактор помехоустойчивости и разборчивости речи в шуме	9
<i>Лукашевич Н.В., Герасимова А.А.</i> Определение устойчивых словосочетаний методом ассоциативного эксперимента	23
<i>Савельев В.С.</i> Функции обращений в прямой речи героев «Повести временных лет» (статья 1)	43
<i>Забудская Я.Л.</i> Античные истоки пятиактного деления драмы	74
<i>Соколова В.М.</i> Магия повествовательной журналистики Габриэля Гарсия Маркеса	85

Литература в контекстах культурной коммуникации

<i>Венедиктова Т.Д.</i> Жанрообразование в контексте	99
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> «Романы городских тайн», или «Промышленная литература» в социокультурном контексте «промышленной эпохи»	103
<i>Зубов А.А.</i> «Роман с научной подкладкой»: научная фантастика и конструирование социального воображения в России начала XX в.	116

Материалы и сообщения

<i>Гурьев А.С.</i> Прагматические и когнитивные аспекты переформулирования	128
<i>Привизенцева М.Ю.</i> Эллипсис существительного в бурятском языке	143
<i>Тарелкина Т.И.</i> Семантический потенциал однозначных междометий и способы его реализации в тексте	159
<i>Кулькина В.М.</i> Пространство – время в прозе Пола Остера (роман «Измышление одиночества»)	173
<i>Демичева Н.А.</i> Московские летописные произведения о новгородском походе Ивана III 1475–1476 гг.: проблематика и текстология	179

Критика и библиография

<i>Кульпина В.Г., Татаринцов В.А.</i> Рецензия на кн.: Wawrzyn-czyk J., Wierzchoń P. 300 tysięcy polskich słów: Indeks a fronte. Poznań: DM Sorus, 2016	190
<i>Федотов А.С.</i> Рецензия на кн.: Балакин А. Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. Статьи 1997–2017 годов. СПб: Пальмира; М.: Книга по требованию, 2017	199
<i>Темиришина О.Р.</i> Рецензия на кн.: Русские литературоведы XX века: Библиографический словарь. Т. I: А–Л / Сост. А.А. Холиков; под общей редакцией О.А. Клинга и А.А. Холикова; редколл.: О.А. Клинг (гл. ред.), А.А. Холиков (зам. гл. ред.), В.И. Масловский, О.В. Никандрова, Е.И. Орлова. М.; СПб: Нестор-История, 2017	208

Научная жизнь

<i>Ивинский Д. П.</i> А.П. Сумароков и русская литература	218
<i>Васильев Е. М.</i> Актуальные проблемы литературоведческой терминологии	224
<i>Черепанов Д. Д.</i> Международная конференция «Я же останусь темен»: Я.М.Р. Ленц в России (1780–1792)» (Регенсбург, 24–25 ноября 2017 г.)	230

Памяти...

Андрей Анатольевич Зализняк	234
-----------------------------------	-----

CONTENTS

Articles

<i>Kreychi, S.A., Krivnova, O.F., Tikhonova, E.A.</i> Syllabic Contrasts as a Factor of Speech Immunity during Perception in Noise	9
<i>Loukachevitch, N.V., Gerasimova, A.A.</i> Detecting Conventionalized Multiword Expressions by Using a Word Association Experiment	23
<i>Savelyev, V.S.</i> The Functions of Addresses in the Direct Speech of the Heroes of “The Tale of Bygone Years” (Article 1)	43
<i>Zabudskaya, Y.L.</i> Ancient Sources of the Five-act Division in Drama	74
<i>Sokolova, V.M.</i> The Magic of Narrative Journalism by Gabriel Garcia Marquez	85

Literature in the Contexts of Cultural Communication

<i>Venedictova, T.D.</i> Genre Formation in Context	99
<i>Pakhsaryan, N.T.</i> The City Mysteries Novels or “The Industrial Literature” in the Social and Cultural Context of “The Industrial Epoch”	103
<i>Zubov, A.A.</i> “Scientific Novel”: Science Fiction and the Social Imaginary in the Early 20 th Century Russia	116

Communications and Materials

<i>Guryev, A.</i> Pragmatic and Cognitive Aspects of Reformulation	128
<i>Privizentseva, M.Ju.</i> Nominal Ellipsis in Buryat	143
<i>Tarelkina, T.I.</i> The Semantic Potential of Monosemantic Interjections and the Means of Its Realization in a Text	159
<i>Kulkina, V.M.</i> The Space/Time in Paul Auster’s Prose (the novel “Invention of Solitude”)	173
<i>Demicheva, N.A.</i> Muscovite Works on Ivan III’s 1475–1476 Novgorod Campaign in Chronicles (problems and textual criticism)	179

Critique and Bibliography

<i>Kulpina, V.G., Tatarinov V.A.</i> Review of the book: W a w r z y ń c z y k J., W i e r z c h o ń P. 300 tysięcy polskich słów: Indeks a fronte. Poznań: DM Sorus, 2016	190
<i>Fedotov, A.S.</i> Review of the book: B a l a k i n A. Yu. Approaching the Text: Investigations and Hypotheses. Articles of 1997–2017. Saint-Petersburg: Palmyra; Moscow: Book on Demand, 2017	199
<i>Temirshina, O.R.</i> Review of the book: ‘20th Century Russian Literary Critics: Biobibliographic Dictionary. V.1: A–Л / Compiled by A.A. Kholikov; under the general editorship of O.A. Kling and A.A. Kholikov; the editorial board: O.A. Kling (Ed.-in-Chief), A.A. Kholikov (Deputy Ed.-in-Chief), V.I. Maslovsky, O.V. Nikandrova, E.I. Orlova. M.; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017	208

Scholarly Life

<i>Ivinsky, D.P.</i> A.P. Sumarokov and Russian Literature	218
--	-----

<i>Vasilyev, E.M.</i> Currently Important Issues of Literary Terminology	224
<i>Cherepanov, D.D.</i> “Ich aber werde dunkel sein’: J.M.R. Lenz IN Russia (1780–1792)” International conference (Regensburg, 24–25 th of November 2017)	230
In Memoriam	
Andrey A. Zaliznyak	234

СТАТЬИ

С.А. Крейчи, О.Ф. Кривнова, Е.А. Тихонова

СЛОГОВЫЕ КОНТРАСТЫ КАК ФАКТОР ПОМЕХОУСТОЙЧИВОСТИ И РАЗБОРЧИВОСТИ РЕЧИ В ШУМЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Данная работа посвящена исследованию акустики слоговых контрастов в слогах типа СГ как основного фактора помехоустойчивости и разборчивости речи при ее маскировке шумом. Во вводном разделе 1 и разделе 2 рассматривается понятие слогового контраста, дается оценка потенциальной помехоустойчивости разных типов контраста, формулируются основные задачи исследования. В разделе 3 описана методика составления тестовых диагностических таблиц с разной степенью потенциальной помехоустойчивости слогов для исследования их восприятия в шуме, в частности, для выявления наиболее устойчивых к шуму акустико-фонологических признаков фонем в составе слога. В разделе 4 описаны дизайн и результаты перцептивного эксперимента, проведенного авторами для анализа помехоустойчивости составленных слоговых таблиц при маскировке речевого сигнала шумом. Результаты перцептивного анализа диагностических таблиц показали, что интегральная помехоустойчивость (разборчивость) составленных слоговых таблиц примерно одинакова в отсутствии шумовой помехи и значительно отличается при маскировке белым и розовым шумом. В заключение подводятся итоги исследования и обсуждаются перспективные направления, в которых можно было бы продолжить данную работу.

Ключевые слова: слоговой контраст; слоговая акустика; помехоустойчивость; восприятие устной речи; перцептивное тестирование; шумовая помеха; белый шум; розовый шум.

1. Введение. Исследования слухового восприятия речевых сообщений в шуме не перестают быть актуальными при решении многих задач в области разработки новых средств связи, а также с

Крейчи Станислав Антонович — научный сотрудник филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kreychi@mail.ru).

Кривнова Ольга Федоровна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: okrivnova@mail.ru).

Тихонова Екатерина Александровна — бакалавр филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tikhonova.k.012@gmail.com).

общефонетической точки зрения, так как помогают расширить наши представления о восприятии речи, детализировать и уточнить существующие модели слуховой обработки речевого сигнала человеком [Венцов, Касевич, 1994]. Общие положения этих моделей сводятся к тому, что минимальные звуковые единицы языка (фонемы) хранятся в памяти носителя языка в виде целевых артикуляций, которые необходимы для их произнесения при порождении речи. Механизм восприятия речи обрабатывает только те звуки/фрагменты речевого сигнала, которые могут быть соотнесены с целевыми артикуляциями и их различительными признаками. Предполагается, что неречевые сигналы обрабатываются отдельно, другими механизмами. Независимость работы этих механизмов позволяет отделять речь от помех в зашумленных условиях восприятия.

Смысловая интерпретация речевого сигнала строится на идентификации входящих в него слов и установлении синтаксических и семантических связей между ними [Кодзасов, Кривнова, 2012]. Распознаванию слова в сообщении предшествует распознавание его фонемного состава, полного или частичного. Однако распознавание отдельных фонем не осознается слушающим, в связи с чем возникает вопрос о том, на каком этапе восприятия, каким образом и в какой мере оно влияет на восприятие и распознавание слова. Одна из популярных гипотез состоит в том, что в памяти носителя языка каждой фонеме, наряду с целевой артикуляцией, соответствует свой слуховой образ, представляющий собой определенную конфигурацию полезных акустических признаков-параметров, на формирование которой в речевом сигнале и направлена целевая артикуляция фонемы (мы говорим, чтобы быть услышанными и понятыми). В рамках данного подхода слуховой образ фонемы (или, иначе, ее акустическая модель) рассматривается либо как результат усреднения по всем акустическим признакам всех когда-либо слышанных вариантов данной фонемы, либо как ее вариант, наиболее часто встречающийся в речи. При этом предполагается, что при восприятии речи фонема опознается не как целостная единица, а через распознавание ее фонологически значимых признаков [Ягунова, 1994]. Если для определения точного значения признака недостаточно акустической информации, то определяется не отдельная фонема, а класс фонем, различающихся по данному неопознанному признаку. Такой принцип является основополагающим для большинства моделей восприятия речи. Они имеют между собой некоторые различия, касающиеся, например, набора полезных акустических признаков, имеющих фонологическую нагрузку, но тем не менее их можно объединить под общим названием «модели, использующие дифференциальные признаки», или сокращенно «признаковые модели».

В признаковых моделях активно используется также понятие акустических ключей. Акустические ключи, или дескрипторы, — это «сведения о наличии/отсутствии в речевом сигнале релевантных для каждого фонологического признака акустических событий, об отношениях следования между ними, а также сведения об их временных, частотных и энергетических модификациях» [Зиновьева, 1989]. Различные акустические ключи в разной степени подвергаются искажению под воздействием помех [Елкина, Юдина, 1964], что и определяет помехоустойчивость соответствующих фонологических признаков и ассоциированных с ними речевых единиц. Кроме акустических факторов, на восприятие речи могут также влиять и другие факторы (статистические, общелингвистические, контекстные, стилистические и пр.).

2. Задачи исследования. В работе экспериментально исследовалось восприятие речи в условиях внешнего шума. Цель исследования — выявить наиболее устойчивые к шуму акустико-фонологические признаки, а также проанализировать влияние шумовой помехи на стратегию восприятия речевого сигнала. Основная задача исследования была направлена на анализ влияния акустических и частотных факторов на качество распознавания речевого сигнала в нормальных условиях и в шуме в условиях минимального использования неакустической информации при идентификации речевых единиц. В качестве материала для исследования были выбраны бессмысленные единицы речи (отдельные слоги). В составленные нами артикуляционные таблицы были включены слоги структуры *согласный-гласный* (СГ). Фонемы в слоге этой структуры характеризуются наибольшей произносительной слитностью по сравнению с другими звукосочетаниями. Из этого следует, что в сочетаниях СГ сильнее всего проявляется контекстное влияние целевых артикуляций фонем друг на друга, что приводит к изменению звучания как гласного, так и согласного по сравнению с их возможным изолированным произнесением и произнесением в других контекстах. С учетом этого целесообразно в качестве акустической характеристики слога СГ рассматривать не только собственные признаки входящих в него фонем, согласного и гласного, а признак слога как такового, который заключается в степени фонетического сходства/различия входящих в него фонем, т.е. в степени слогового контраста [Бондарко, 1977].

Согласно Л.В. Бондарко, в интегральном признаке «слоговой контраст» можно выделить следующие акустические составляющие¹:

1. Контраст по частоте основного тона (ЧОТ): реализуется в наибольшей степени в сочетаниях глухих согласных с гласным (так как

¹ Приводимые ниже данные относятся прежде всего к отдельно произнесенным слогам и к ударным слогам отдельно произнесенного слова.

на участке согласного тон отсутствует, а на участке гласного присутствует), а в сочетаниях со звонкими шумными согласными заключается в изменении ЧОТ при переходе от согласного к гласному.

2. Контраст по длительности: реализуется максимально в слогах с твердыми глухими смычными (взрывными) согласными, длительность которых намного меньше длительности гласного.

3. Контраст по формантной структуре: реализуется во всех слогах, кроме слогов с начальными сонорными согласными, имеющими, как и гласные, четко выраженную формантную структуру.

4. Контраст по интенсивности: в слоге типа СГ гласный характеризуется, как правило, большей интенсивностью, чем согласный, хотя в слогах с сонорными согласными этот контраст ослабляется.

5. Контраст по частоте F2: количественно характеризуется величиной перепада частоты второй форманты (F2) на начальном переходном участке гласного (табл. 1).

Таблица 1

Значения контраста по F2 в слогах СГ (С — любой согласный), по данным [Бондарко, 1977: 146]

Величина перепада между значением F2 в начале и в конце переходного участка, Гц с учетом знака	Слог
–400	па, ба, ма, фа, ва, ла
0... — 100	ка, га, ха
100	та, да, на, са, за, ца, ра, ша
500	все слоги С'а
–100	по, бо, мо, фо, во, ло
400	то, до, но, со, зо, ро, то
1000	п'о, б'о, м'о, ф'о, в'о
1100	т'о, д'о, н'о, с'о, з'о, л'о, р'о, к'о, г'о, х'о
0... — 100	ко, го, хо
0	бу, му, фу, ву, ку, гу, ху, лу
500	ту, ду, су, зу, ну, шу, жу
1100	п'у, б'у, м'у, ф'у, в'у
1200	т'у, д'у, с'у, з'у, л'у, р'у, г'у, н'у
–500	ле
–400	пе, бе, ме, фе, ве
0	те, де, се, зе, не, ше, же, ре
100	С'е
–900	пы, бы, мы, фы, вы, лы, ты, ды, сы, зы, ны, ры
0	С'и

При восприятии речи в шуме наблюдается так называемый эффект маскировки — изменение слуховой чувствительности к маскируемому сигналу под воздействием маскирующего [Алдошина, 2000]. В нашем эксперименте мы использовали следующие виды шума:

- **белый шум** — стационарный шум, спектральные составляющие которого равномерно распределены по всему диапазону частот;
- **розовый шум** — стационарный шум, равномерно убывающий по логарифмической шкале частот.

Эффект маскировки слоговых контрастов под воздействием указанных типов шумов должен проявляться, по-видимому, следующим образом:

- маскировка наиболее выражена, когда частоты маскируемого и маскирующего звука близки. Таким образом, можно ожидать, что эффект маскировки белым шумом не будет зависеть от частотных характеристик маскируемого звука, в то время как эффект маскировки розовым шумом будет сильнее для звуков с низкими частотами;
- степень маскировки увеличивается с увеличением интенсивности маскирующего звука. В наших экспериментальных условиях, когда интенсивность шума будет постоянной, а интенсивность участков речевого сигнала разной (в зависимости от собственных акустических свойств произносимого слога), этот принцип можно переформулировать так: «степень маскировки увеличивается с уменьшением интенсивности маскируемого звука относительно шума»;
- при условии большой интенсивности маскера, маскировка заметно более выражена по отношению к звукам высокой частоты. Речевой сигнал в принципе имеет относительно небольшой диапазон частот, однако можно предположить, что те акустические ключи, которые расположены в более низкой частотной области, будут подвергаться маскировке в меньшей степени, чем те, которые располагаются в более высокой частотной области.

При составлении тестовых слоговых таблиц с разной степенью потенциальной помехоустойчивости мы руководствовались следующими соображениями:

- речевые единицы, характеризующиеся большей интенсивностью, можно считать более помехоустойчивыми;
- такие акустические ключи, как наличие/отсутствие основного тона и наличие/отсутствие формантной структуры можно считать более помехоустойчивыми, так как они находятся в области более низких частот, и, следовательно, в меньшей степени подвергаются маскировке;
- F-картину гласного можно считать помехоустойчивым («надежным») акустическим ключом для распознавания слога;

- конфигурационные характеристики формант (формантные треки) также можно считать надежным акустическим ключом для распознавания слога;
- шумные согласные, у которых наибольшая и достаточно выраженная интенсивность шума приходится на область низких частот, можно считать потенциально более помехоустойчивыми, чем согласные, у которых при прочих равных условиях наибольшая интенсивность шума приходится на область высоких частот.

На основании изложенных соображений для проведения перцептивного эксперимента нами были составлены три тестовые таблицы, одна из которых содержала потенциально наиболее помехоустойчивые слоги, вторая — средние по помехоустойчивости и третья — наименее помехоустойчивые. При этом мы руководствовались следующими критериями относительно конкретных акустико-фонетических характеристик компонентов слога:

1) шумность-сонорность согласного.

Сонорные согласные обладают ярко выраженной формантной структурой и в целом являются более надежными акустическими ключами для восприятия слога, чем шумные согласные. Однако восприятие слога в этом случае может зависеть от фонемного состава слога, величины перепада частоты F2 и веса других признаков слогового контраста. К сонорным по данному признаку примыкают согласные [в] и [й], которые также обладают выраженной формантной структурой;

2) интенсивность шумового компонента шумного согласного.

Глухие и звонкие шумные согласные отличаются друг от друга по наличию основного тона, который маскируется шумом в меньшей степени. Однако для того, чтобы различать глухие согласные между собой, так же, как и звонкие, необходимо располагать и акустической информацией о шумовом компоненте согласного. Степень маскировки шумового компонента согласного зависит как от области его частотной локализации в спектре, так и от его интенсивности и длительности. Слоги с более интенсивными шумными согласными можно считать наиболее помехоустойчивыми по этому признаку. К ним относятся прежде всего слоги, содержащие сибиллянты: [с], [с'], [з], [з'], [ш], [ш'], [ц], [ч'] и аффрицированные смычные типа [т'], [д']. Наименьшей интенсивностью шумных участков и, следовательно, наименьшей помехоустойчивостью должны обладать в русском языке прежде всего глухие согласные [х], [х'], [ф], [ф'], [т], [п], [п'], [к], [к'];

3) интенсивность гласного.

Участки гласных содержат большое количество акустических ключей, важных для распознавания слогов. По критерию интенсив-

ности к наиболее помехоустойчивым будут, скорее всего, относиться слоги с гласным [a], который является наиболее интенсивным из гласных. К наименее помехоустойчивым — слоги с гласными компонентами [и] и [y], наименьшими по интенсивности;

4) слоговой контраст по F2.

F-картина гласного является надежным акустическим ключом для распознавания речи в шуме. Слоги, в которых перепад F2 максимально информативен, должны быть наиболее помехоустойчивыми по данному признаку. Однако надо учитывать не только степень выраженности данного контраста, т.е. величину перепада между значением F2 на начальном и стационарном участке, но и информативность F-картины. Под информативностью мы понимаем количество контекстов, для которых характерен тот или иной тип переходного участка: чем меньше это количество, тем более информативной считается F-картина.

Например, F-картина гласного одинакова для всех слогов типа С'и, а также для всех слогов типа С'е и всех слогов типа С'а, см. табл. 1. В подобных случаях мы будем считать ее малоинформативной.

Таким образом, слоги, в которых перепад F2 максимально информативен, мы будем считать наиболее помехоустойчивыми по данному признаку;

5) частота встречаемости слога в речи.

В условиях недостаточности акустической информации для однозначной идентификации сообщения при отсутствии контекстной информации слушающий принимает решение в пользу наиболее частотного варианта из возможных. В связи с этим более помехоустойчивыми являются более частотные слоги русского языка, а менее помехоустойчивыми — менее частотные.

Ниже приведена сводная таблица потенциально помехоустойчивых и помехонеустойчивых слогов по каждому из описанных критериев в отдельности.

3. Методика подготовки артикуляционных (слоговых) таблиц с тремя типами помехоустойчивости. На основе табл. 2.1 была проведена дальнейшая работа по подготовке слоговых таблиц трех степеней помехоустойчивости, которые служили материалом для перцептивного эксперимента.

Интегральная помехоустойчивость таблицы определяется помехоустойчивостью входящих в нее элементов. Показателем помехоустойчивости элемента таблицы является относительно высокий уровень его разборчивости в шуме, и наоборот, элементы, имеющие низкий уровень разборчивости в шуме, мы называем помехонеустойчивыми.

Помехоустойчивость разных типов слогов

Критерии	Устойчивые	Неустойчивые
Шумность-сонорность согласного	слоги с согласными [м], [н], [р], [л], [й], [в]	слоги с шумными согласными (кроме [в])
Интенсивность шумового компонента шумного согласного	слоги с согласными [ш], [с], [ш']', [с'] [ч], [щ]	слоги с согласными [п], [б], [ф], [х] и их мягкими аллофонами
Интенсивность гласного	слоги с относительно широкими гласными неверхнего подъема [а], [е], [о]	слоги с узкими гласными верхнего подъема [у], [и], [ы]
Слоговой контраст по частоте F2	па, ба, ма, фа, ва, ла ка, га, ха по, бо, мо, фо, во, ло п'о, б'о, м'о, ф'о, в'о ко, го, хо п'у, б'у, м'у, ф'у, в'у ле пе, бе, ме, фе, ве	С'и С'е С'а
Частотность	наиболее частотные	наименее частотные

Элементами таблиц в нашем исследовании являются слоги русского языка структуры СГ. Всего было составлено три тестовые таблицы, одна из которых содержала потенциально наиболее помехоустойчивые слоги (1), вторая — средние по помехоустойчивости (2) и третья — наименее помехоустойчивые (3).

При подготовке таблиц все слоги были условно разделены по каждому из критериев табл. 2.1 на помехоустойчивые (+) и помехоустойчивые (–). Для критериев «интенсивность шумового компонента согласного», «контраст по F2» и «частотность» была также введена оценка «±», так как по этим критериям выделяются единицы, которые трудно однозначно отнести к той или иной группе. По совокупности оценок, установленных по каждому отдельному критерию, для каждого слога была определена та артикуляционная таблица (из трех), к которой он был отнесен в соответствии с *суммарной* оценкой прогнозируемой помехоустойчивости (табл. 2.2).

При отнесении слога в ту или иную группу мы руководствовались некоторыми дополнительными соображениями относительно потенциальной значимости отдельного признака для восприятия речи в шуме:

- признак шумности-сонорности согласного имеет наибольший вес, так как его важность для распознавания в шуме была доказана в экспериментальных исследованиях [Phatak, Lovitt, Allen 2008; Wang, Bilger 1973];

- признак слогового контраста по F2 имеет большой вес, так как мы исходим из предположения, что акустические ключи, находящиеся на участках гласных, наиболее устойчивы к шуму;
- критерий частотности оказывается решающим в тех случаях, когда по остальным (акустическим) признакам слоги относятся к помехоустойчивым.

Таблица 2.2

Влияние критериев помехоустойчивости на включение слога в артикуляционную таблицу определенной степени помехоустойчивости

Шумность—сонорность	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Интенсивность шумового компонента шумного согласного	—	—	—	+	+	±	±	±	—	—	—	—
Слоговой контраст по F2	+	-	±	±	±	+	±	±	+	-	-	-
	±		-	-	-		-	-	±			
Частотность	+	+	-	+	±	+	+	-	+	+	±	-
	±	±			-		±				-	
	-											
Интенсивность гласного	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Тип (номер) таблицы	1	2	2	1	2	1	2	3	1	2	3	3

В результате все возможные слоги СГ с полноартикулируемым гласным (180 единиц) были размещены в артикуляционные таблицы с определенной степенью помехоустойчивости (разборчивости). Ниже в качестве иллюстрации приводится таблица слогов с потенциально минимальной степенью разборчивости в условиях шума (в табл. 2.3 слоги записаны в широкой фонетической транскрипции, т.е. с различием основных звукотипов русского языка).

Таблица 2.3

Слоги с низкой степенью помехоустойчивости

де	ф'о	пе	х'е	бо	зе	ху	г'и	б'у	з'а
х'о	ф'а	г'о	фо	з'у	г'у	ф'е	б'о	г'у	хы
к'а	фе	т'а	фы	д'а	пы	к'у	те	х'а	ды
ф'и	п'о	ф'у	зо	к'е	бе	хе	п'а	з'о	х'и
к'о	п'у	х'у	б'а	т'о	г'е				

4. Перцептивный анализ помехоустойчивости составленных слоговых таблиц. Помехоустойчивость составленных таблиц исследовалась посредством аудитивного тестирования на разборчивость в нормальных условиях и в шуме. Слоговые элементы каждой таблицы были начитаны диктором (женский голос) — носителем орфоэпической нормы русского языка. Каждый слог в таблице повторялся два раза. Пауза между повторами составляла две секунды, а пауза

между вторым повтором и следующим слогом — три секунды. На оцифрованные записи в звуковом редакторе Adobe Audition CS6 накладывался белый или розовый шум в соотношении 0 Дб². Каждая таблица предъявлялась слушателям в трех вариантах записи: без наложения шума, с наложением белого шума и розового шума.

Экспериментальные комплекты аудиозаписей были составлены таким образом, чтобы внутри одного комплекта присутствовали все три таблицы и все три режима. Таким образом, получилось шесть экспериментальных комплектов. Испытуемыми были 15 студентов от 19 до 23 лет с нормальным слухом, девять женского пола и шесть мужского пола. Родной язык для всех испытуемых — русский, все они являлись носителями стандартного московского произношения.

Каждому испытуемому предлагался для прослушивания один из экспериментальных комплектов. Задача испытуемого состояла в том, чтобы записать в протокол в русской орфографии слоги, которые он слышит на аудиозаписи. В случае затруднения ставился знак «0». Перед прослушиванием экспериментального материала предлагался тренировочный материал из пяти слогов — элементов «средней» таблицы в нормальных условиях. Тренировочный материал можно было прослушивать неограниченное количество раз. Громкость устанавливалась таким образом, чтобы испытуемый чувствовал себя комфортно. Каждая тестовая запись предъявлялась один раз в присутствии экспериментатора.

Всего в результате эксперимента было получено 2700 реакций. Разборчивость каждого слога рассчитывалась как процент правильного распознавания от общего количества предъявлений слога в данном режиме. Ниже приводится средний интегральный показатель разборчивости составленных нами слоговых таблиц, полученный с учетом показателей разборчивости каждого отдельного слога в таблице.

Таблица 3

Средний интегральный показатель разборчивости слоговых таблиц

	Таблица 1	Таблица 2	Таблица 3
Без шума	0,98	0,97	0,95
Розовый шум	0,90	0,72	0,47
Белый шум	0,89	0,70	0,48

В результате тестирования было установлено, что слоговая разборчивость слоговых элементов составленных таблиц примерно одинакова при отсутствии шумовой помехи и значительно отличается

² При соотношении «сигнал/шум», равном 0 Дб, средний амплитудный уровень наложенного шума равен среднему уровню сигнала.

при белом и розовом шуме. Это говорит о том, что учитываемые в таблицах признаки слога, такие как шумность-сонорность согласного, интенсивность шумового компонента шумного согласного, слоговой контраст по частоте F2, интенсивность гласного и частотность слога, являются значимыми для оценки помехоустойчивости слога. Обнаружено также, что слоги, содержащие сочетания мягких заднеязычных согласных с гласными среднего и заднего ряда обладают в условиях шумовой помехи разборчивостью, близкой к нулю, а слоги с сонорными согласными в целом оказались наиболее помехоустойчивыми. Среди сонорных следует выделить носовые согласные, которые испытуемые часто путали между собой. Это происходило в тех слогах, где данные согласные были мягкими. Объясняется это тем, что некоторая часть информации о формантной картине, осложненной к тому же влиянием назальных антиформант на переходном участке гласного всё же теряется в условиях шумовой помехи, а при наличии и-образного перехода на гласном не так заметно на слух понижение формант, вызванное соседством губного согласного, которое и является основным отличием в акустической картине слогов с носовыми [м'] и [н'].

В ходе эксперимента также выяснилось, что в шуме слоги с фрикативными согласными часто опознаются как слоги со взрывными или аффрикатами того же места образования. Так, в ответах испытуемых [с] исходного слога часто заменяется на [ц], [ш'] на [ч'], [з'] на [д'] и т.п. В реальной речи относительно долгий шумный участок фрикативного согласного часто неравномерен по своей интенсивности. Возможно, что из-за эффекта маскировки менее интенсивные участки фрикативного согласного не прослушиваются, а следующий за ними краткий пик интенсивности шума воспринимается как короткий по длительности шумовой участок, характерный для взрывных или аффрикат. Таким образом, к описанным выше критериям помехоустойчивости можно добавить критерий способа образования, где «фрикативный» будет относиться к помехоустойчивым признакам. Исключение составляют шипящие согласные [ж] и [ш], для которых в русском языке нет взрывных того же места образования.

5. Заключение. Основная цель данного исследования заключалась в том, чтобы по определенной методике построить и произвести перцептивный анализ артикуляционных слоговых таблиц, в которых учитывалась бы разная степень потенциальной помехоустойчивости к шумовым помехам открытых слогов русского языка с разными типами акустического слогового контраста.

Несмотря на то что выработанная нами система критериев оказалась достаточной для составления нужных слоговых таблиц, полноту

решения этой задачи можно увеличить. С учетом использованных нами критериев, а также результатов перцептивного анализа, можно разработать более детальную систему оценок помехоустойчивости слогов рассматриваемого нами типа. С ее использованием, возможно, удастся создать таблицы, которые будут еще более существенно отличаться по помехоустойчивости друг от друга, и достичь большей однородности элементов внутри каждой таблицы с точки зрения их помехоустойчивости к определенным шумам. Можно отметить еще несколько направлений, в которых целесообразно продолжать данное исследование.

1. Слоговой материал таблиц можно расширить слогами другой структуры и слогами, в которых используются не только ударные аллофоны гласных фонем. Кроме того, материалом для исследований подобного рода могут служить не только слоги. Интересно также проанализировать восприятие речи в шуме на материале более крупных единиц речи.

2. В нашем исследовании была сделана попытка выявить зависимость эффекта маскировки, который оказывает шум на восприятие речи, от спектральных характеристик шума — белого и розового. Значимых отличий для распознавания речи с наложением этих видов шума выявлено не было, но, возможно, если экспериментировать с разным соотношением «сигнал/шум» и различными спектральными характеристиками шума, могут быть получены более яркие и значимые результаты.

3. Наконец, восприятие в шуме можно сравнивать с другими видами помех и выяснить, какие свойства речевых единиц обеспечивают их общую перцептивную устойчивость, а какие обеспечивают устойчивость только к какому-то конкретному виду помех.

Список литературы

- Алдошина И.* Основы психоакустики. М., 2000.
- Бондарко Л.В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- Венцов А.В., Касевич В.Б.* Современные модели восприятия речи: критический обзор. Проблемы восприятия речи. СПб., 1994.
- Елкина В.М., Юдина Л.С.* Статистика слогов русской речи // Вычислительные системы. Новосибирск, 1964.
- Зиновьева Н.В.* Система акустических ключей к распознаванию фонетических единиц русского языка // Экспериментальная фонетика. М., 1989.
- Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Общая фонетика. М., 2001.
- Штерн А.С.* Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб., 1992.
- Ягунова Е.В.* Восприятие согласных фонем и их дифференциальных признаков (экспериментально-фонетическое исследование на ма-

териале русского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.

Phatakhatatak S., Lovitt A., Allen J. Consonant confusions in white noise // J. Acoust. Soc. Am. 124. 2008.

Wang M.D., Bilger R.C. Consonant confusions in noise: a study of perceptual features // J. acoust. Soc. Am. 54. 1973.

Stanislav A. Kreychi, Olga F. Krivnova, Ekaterina A. Tikhonova

SYLLABIC CONTRASTS AS A FACTOR OF SPEECH IMMUNITY DURING PERCEPTION IN NOISE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper is devoted to a study of the syllabic acoustic contrasts in CV syllables as the main factor of speech immunity when being masked by noise. In the introduction and section 2 the concept of syllabic contrast is discussed, as well as an assessment of the potential noise immunity of different types of acoustic contrasts, and the main objectives of the study are also formulated. Section 3 describes a method of preparation of test syllabic tables with different degrees of potential noise immunity for the study of their perception in noise, in particular with the goal to identify the most robust to noise acoustic-phonological phonemes' features in the structure of the syllable. Section 4 describes the design and the results of the perceptual experiment conducted in this study for the analysis of noise immunity of the composed syllabic tables when speech signal is masked by noise. Three types of test tables were used in the perception test: with syllables, that are potentially most proof against noise, with syllables of average stability and with syllables of the least stability. For noise masking of speech signals two types of noise were used: white — stationary noise spectral components which are evenly distributed over the entire range of frequencies and pink — stationary noise, uniformly decreasing on a logarithmic frequency scale. The results of perception tests show that noise immunity (intelligibility) of the composed tables is about the same in the absence of noise interference and significantly different when being masked with white and pink noise. The conclusion summarizes the research and discusses promising directions in which it would be possible to continue the study.

Key words: test pattern production; audio testing; noise immunity; white noise; pink noise; syllable intelligibility; acoustic and phonological syllable characteristics.

About the authors: *Stanislav A. Kreychi* — researcher at the faculty of Philology of Moscow Lomonosov state University (e-mail: kreychi@mail.ru); *Olga F. Krivnova* — doctor of Philology, leading researcher of the faculty of Philology of Moscow Lomonosov state University (e-mail: okrivnova@mail.ru); *Ekaterina A. Tikhonova* — bachelor of the faculty of Philology of Moscow Lomonosov state University (e-mail: tikhonova.k.012@gmail.com).

References

- Aldoshina I. (2000) *Fundamentals of psychoacoustics* [Osnovy psihoakustiki]. M.
- Bondarko L.V. *The Sound system of the modern Russian language* [Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo jazyka]. M., 1977.
- Ventsov A.V., Kasevich V.B. Modern models of speech perception [Sovremennyye modeli vosprijatija russkoj rechi]: a critical review. *Problems of speech perception*. SPb, 1994.
- Elkina V.M., Yudina, L.S. *Syllable statistics of Russian speech* [Statistical slogov russkoj rechi]. The Computing systems [Kompjuternyye sistemy]. Novosibirsk, 1964.
- Zinovieva N.V. A system of acoustic keys to recognition of phonetic units of the Russian language [Sistema akusticheskikh rliuchej k raspoznavaniju foneticheskikh edinit russkogo jazyka]. *Experimental phonetics* [eksperimental'naja fonetika]. M., 1989.
- Kodzasov S.V., Krivnova O.F. *General phonetics* [Obschaja fonetika]. M., 2001.
- Stern A.S. *Perceptual aspect of speech activity* [Pertsepivnyj aspect rechevoj dejatel'nosti]. SPb, 1992.
- Yagunova E.V. Perception of consonant phonemes and their distinctive features [Vosprijatie soglasnyh fonem i ih differentsialnyh priznakov]. *The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of philological Sciences*. SPb, 1994.
- Phatak S., Lovitt A., Allen J. Consonant confusions in white noise. *J. Acoust. Soc. Am.* 124. 2008.
- Wang M.D., Bilger R.C. Consonant confusions in noise: a study of perceptual features. *J. acoust. Soc. Am.* 54. 1973.

Н.В. Лукашевич, А.А. Герасимова

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ МЕТОДОМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

Государственное научное бюджетное учреждение

«Академия наук Республики Татарстан»

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

Статья¹ посвящена исследованию косвенных признаков устойчивости словосочетания, которые можно обнаружить при помощи ассоциативных экспериментов. В результате сбора ассоциаций к словосочетаниям и их компонентам было установлено два типа нерегулярности устойчивых словосочетаний: во-первых, устойчивость проявляется в том, что слова-компоненты словосочетания становятся частотными ассоциациями друг к другу; во-вторых, для устойчивого словосочетания характерно относительно малое разнообразие ассоциаций, которое измеряется путем вычисления энтропии, а также малое количество совпадений ассоциаций к словосочетанию и к словам-компонентам. Использование перечисленных признаков нерегулярности позволяет с высокой точностью определить, является ли словосочетание устойчивым и нужно ли включать его в тезаурусы для автоматической обработки текстов.

Ключевые слова: устойчивые словосочетания; ассоциация; нерегулярность; тезаурус; русский язык.

1. Введение. В настоящее время одним из видов востребованных компьютерных ресурсов для автоматической обработки текстов, анализа документов являются так называемые тезаурусы, представляющие лексические или терминологические системы в форме семантических сетей, которые описывают формализованные отношения между значениями слов (словосочетаний). Известнейшим лексическим ресурсом такого рода является тезаурус английского

Лукашевич Наталья Валентиновна — доктор технических наук; ведущий научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Академии наук Республики Татарстан (e-mail: louk_nat@mail.ru).

Герасимова Анастасия Алексеевна — студентка магистратуры отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник Академии наук Республики Татарстан (e-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com).

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-02074.

языка WordNet [Miller, 1998]. Для русского языка существует аналог WordNet — тезаурус RuWordNet² [Loukachevitch et al., 2016]. В конкретных предметных областях создаются специализированные тезаурусы, например, медицинский тезаурус MESH³ или тезаурус в авиационно-космической области NASA⁴. Тезаурус русского языка РуТез включает как лексическую информацию, так и термины широкой общественно-политической области (экономика, финансы, политика и др.) [Лукашевич, 2011]. Тезаурусы используются для различных приложений автоматической обработки текстов: автоматического определения семантического сходства слов и фрагментов текстов, автоматического реферирования текстов, информационного поиска и др.

Существенной проблемой при ведении таких тезаурусов является вопрос о том, какие словосочетания должны включаться в качестве отдельных единиц, каковы критерии включения. Например, стандарты по ведению информационно-поисковых тезаурусов обычно содержат разделы с описанием принципов включения многословных терминов в состав создаваемых тезаурусов [ANSI/NISO, 2005]. Критерии включения словосочетаний обсуждаются и для тезаурусов типа WordNet [Maziarz et al., 2015; Piasecki et al., 2015; Vincze, Almasi, 2014]. Изначально в синонимические ряды тезауруса WordNet (синсеты) предлагалось включать только «лексикализованные» выражения [Miller, 1998], однако границы лексикализации оказалось трудно определить [Agirre et al., 2006]. Авторы работы [Bentivogli, Pianta, 2004] обсуждают необходимость включить в итальянский WordNet и нелексикализованные (композиционные) выражения, называемые *фразеты*, которые имеют лексикализованные соответствия в других языках.

В качестве кандидатов на включение в тезаурусы часто обсуждаются устойчивые выражения, которые охватывают большое множество разнообразных типов словосочетаний: идиомы, составные существительные, имена собственные, фразовые глаголы, конструкции с вспомогательным глаголом и др. [Calzolari et al., 2002; Sag et al., 2002; Baldwin, Kim, 2010]. Необходимость включения в тезаурусы некоторых из перечисленных языковых выражений, например идиом, не вызывает сомнения. Для других типов устойчивых словосочетаний решение задачи о включении в ресурс менее очевидно. В частности, необходимо проанализировать, обладает ли словосочетание нерегулярностью какого-либо типа: лексической, синтаксической, семантической (например, некомпозиционностью значения)

² URL: <http://ruwordnet.ru/ru/>

³ URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/mesh>

⁴ URL: <https://www.sti.nasa.gov/thesvoll.pdf>

или статистической. Статистической нерегулярностью называют свойство словосочетания, когда частота совместной встречаемости его компонентов выше случайной [Church, Hanks, 1990; Manning, Schütze, 1999; Farahmand, Nivre, 2015]. Этот вид нерегулярности проявляется еще и в том, что компонент словосочетания не может быть заменен на синоним без изменения значения словосочетания, если же такая замена возможна, то полученное словосочетание встречается значительно реже⁵.

Наличие нерегулярности, т.е. неподчинение словосочетания каким-либо языковым правилам (синтаксическим, семантическим) как раз и делает необходимым внесение словосочетания в компьютерные словари. В данной статье нас будут интересовать словосочетания со статистической нерегулярностью, которые не имеют ни лексической, ни семантической нерегулярности, из-за чего бывает трудно решить, нужно ли включать их в компьютерные лингвистические ресурсы.

Цель статьи — с помощью соответствующих диагностик показать два типа проявления нерегулярности устойчивых словосочетаний. Во-первых, мы покажем, что нерегулярность проявляется в том, что компоненты устойчивых словосочетаний часто выступают в качестве ассоциаций друг к другу в ответах участников ассоциативных экспериментов. Во-вторых, оказывается, что устойчивые словосочетания демонстрируют специфику распределения ассоциаций: для таких языковых единиц характерно относительно низкое значение вариативности ассоциаций, а также малое количество пересечений ассоциаций к словосочетанию с ассоциациями к словам-компонентам, т.е. словосочетания имеют специфические частотные ассоциации, которые отсутствуют у их компонентов.

Указанные свойства устойчивых словосочетаний были выявлены с помощью серии ассоциативных экспериментов на материале русского языка. Как известно, множество ассоциаций образует ассоциативное поле, которое отражает основные лингвистические параметры слова, в том числе его связь с другими слоями значений [Болотнова, 1994; Горошко, 2001].

Статья состоит из раздела 2, в котором обосновывается необходимость включения словосочетаний в тезаурусы, а также обсуждается понятие устойчивости и виды нерегулярности устойчивых словосочетаний. Раздел 3 посвящен описанию ассоциативных экспериментов. На основании результатов экспериментов выявлены два признака проявления устойчивости словосочетаний. Наконец, раздел 4 представляет собой заключение.

⁵ В зарубежной традиции подобную диагностику принято называть «тестом на замещаемость» (*substitutionability test*). Подробнее см. [Sag et al., 2002; Farahmand et al., 2015; Farahmand, Henderson, 2016; Pearce, 2001; Senaldi et al., 2016].

2. Устойчивость словосочетаний в литературе. 2.1. Понятие устойчивости словосочетаний. Имеется большое количество подходов к определению устойчивых словосочетаний. В работе [Архангельский, 1968] выделялись девять способов понимания устойчивости фразеологических единиц. В данном разделе мы рассмотрим два подхода к устойчивости, сформулированные в рамках отечественной традиции.

В модели «Смысл-Текст» устойчивость интерпретируется как высокая вероятность совместной встречаемости компонентов словосочетания [Мельчук, 1960]. И. Мельчук рассматривает *фраземы* (не свободные словосочетания) — словосочетания, составленные из двух или более лексем, связанных регулярным синтаксическим отношением, которые не могут быть заменены на квазисинонимы без изменения значения словосочетания. При этом классификация фразем проводится по двум параметрам: композициональность значения фраземы и природа ограничений, накладываемых на ее структуру (лексические или семантико-лексические ограничения). Соответственно, в работе [Mel'čuk, 2012] выделяются *идиомы*, характеризующиеся некомпозициональным значением и лексическими ограничениями, *коллокации*, значение которых композиционально, но на которые также накладываются лексические ограничения, и *клише*, композициональные выражения с семантико-лексическими ограничениями на структуру.

И. Мельчук выделяет три типа идиом: *полные идиомы*, значение которых не включает значения слов-компонентов; *полуидиомы*, в значение которых входит значение только одного из слов-компонентов и дополнительный элемент значения (*полуфразама* или *коллокация* в терминологии [Иорданская, Мельчук, 2007]); *квазиидиомы*, значение которых включает дополнительный компонент наряду со значениями слов-компонентов словосочетания. Коллокации представляют собой сочетание ключевого слова со словом, представляющим значение лексической функции от этого слова, и могут быть разделены на стандартные и нестандартные. Первые представляют собой результат применения стандартных лексических функций-параметров; для вторых — нестандартных — семантическое отношение определяет закрытое множество коллокаций.

В работе [Баранов, Добровольский, 2008] устойчивость рассматривается в структурном и узуальном аспектах. Структурный аспект характеризует внутреннее устройство языкового выражения, т.е. ограничения, которые накладываются на слова-компоненты. Авторы утверждают, что понимание устойчивости И. Мельчука ограничено и связано только с внутренним устройством словосочетания. Более того, сочетаемостная устойчивость в трактовке И. Мельчука харак-

терна только для словосочетаний, имеющих уникальные компоненты, например словосочетание *точить лысы* устойчиво только по словоформе *лысы*. Предлагаемая в [Баранов, Добровольский, 2008] структурная устойчивость проявляется в наличии ограничений на образование вариантов, морфологической дефектности компонентов словосочетания, а также его синтаксической непроницаемости. Сами авторы делают упор на узуальную устойчивость, которая проявляется в регулярном употреблении словосочетания носителями языка. Если словосочетание узуально не устойчиво, оно не является устойчивым вовсе. При этом узуальная устойчивость есть проявление более общей языковой категории *нерегулярности* — когда при наличии более общего правила используется правило менее общее.

2.2. Типы нерегулярности (идиосинкразии) словосочетаний. В зарубежной традиции устойчивые словосочетания также рассматриваются с точки зрения их нерегулярности разных типов [Calzolari et al., 2002; Sag et al., 2002; Baldwin et al., 2010]. В работе [Baldwin et al., 2010] выделяют лексическую нерегулярность в случае, когда компонент словосочетания не может употребляться ни в каком словосочетании, кроме данного. Синтаксическая нерегулярность проявляется, если словосочетание демонстрирует определенные ограничения на уровне синтаксиса (например, фиксированный порядок слов-компонентов словосочетания). Семантическая нерегулярность есть не что иное, как некомпозициональность значения языкового выражения. Если словосочетание демонстрирует хотя бы одно отклонение из перечисленных, оно представляет собой так называемое *лексикализованное выражение* [Sag et al., 2002; Baldwin et al., 2010].

Нерегулярность может быть и статистической: в этом случае вероятность появления слов-компонентов неслучайна [Church, Hanks, 1990; Manning, Schütze, 1999; Farahmand, Nivre, 2015]. Такое понимание устойчивости во многом совпадает с определением, данным И. Мельчуком. Более того, в работах [Sag et al., 2002; Farahmand et al., 2016] отмечается, что частотность таких словосочетаний выше, чем частотность словосочетаний, полученных в результате замены одного из слов-компонентов на синоним (пр. *прогноз погоды* vs. *предсказание погоды*). Другими словами, при статистической нерегулярности словосочетание демонстрирует узуальную устойчивость в терминах [Баранов, Добровольский, 2008].

Помимо всех названных типов нерегулярности хочется отметить также связи устойчивых словосочетаний с другими единицами лексикона. Этот вопрос особенно актуален в контексте тезаурусного представления множества языковых единиц. Рассмотрим в качестве примера английское устойчивое словосочетание *traffic lights* ('светофор'). Это словосочетание часто используется в качестве примера

словосочетания с композициональным значением и статистической нерегулярностью: оно обладает высокой частотностью, и его компоненты плохо заменяются на синонимы [Sag et al., 2002].

Заметим, что денотат словосочетания *traffic lights* обладает большим количеством отношений с другими объектами действительности, и эти отношения не следуют из компонентного состава словосочетания: светофор — это объект дорожного строительства, он имеет сигнализирующие элементы, размещается на дорожных участках, используется для регулирования движения. Иными словами, в тезаурусе словосочетание *traffic lights* должно быть связано тезаурусными отношениями с концептами (FACILITIES ('объект строительства'), ROAD ('дорога'), SIGNALS ('сигналы'), REGULATION ('регулирование')) и эти отношения не выводятся из значений слов-компонентов *traffic* ('дорожное движение') и *lights* ('свет').

Рассмотренный пример не единичен и не уникален для английского языка. Словосочетание *пешеходный переход* связано тезаурусными отношениями с концептом безопасности, ресторанный дворик обычно расположен в торговом центре, следовательно, словосочетание *ресторанный дворик* имеет тезаурусное отношение с концептом торговый центр. Таким образом, устойчивые словосочетания без явно выраженной лексической или семантической нерегулярности имеют особый набор семантических отношений с другими языковыми единицами, которые не следуют из их компонентов, обладают *реляционной нерегулярностью*.

2.3. Разметка словосочетаний по устойчивости. В некоторых трудах исследуется языковая интуиция носителей языка по определению устойчивости словосочетаний. Работа [Reddy et al., 2011] посвящена исследованию композициональности значения английских именных групп (например, *application form, parking lot*). Авторы предлагают модель предсказания устойчивых словосочетаний на основании суждений о том, в прямом ли значении использовались компоненты словосочетаний. Для построения такой компьютерной модели суждения о композициональности значения словосочетания сравнивались с суждениями о прямом/переносном значении компонентов. В опросе участвовало 30 респондентов. В результате было показано, что оба компонента играют большую роль в определении того, является ли словосочетание устойчивым.

В работе [Ramisch et al., 2016] описывается процедура построения базы данных, в которой содержится информация о суждениях по композициональности значения составных существительных для английского, французского и португальского языков. Респондентов просили оценить, насколько значение словосочетания выводимо из значений слов-компонентов. Авторы утверждают, что подобный ме-

тод косвенного аннотирования словосочетаний, в котором участвуют носители языка, не являющиеся специалистами в лингвистике, надежно предсказывает устойчивость. Тем не менее при таком подходе наблюдалась несогласованность ответов респондентов. Например, носители английского языка по-разному оценили словосочетание *dirty word* ('бранное слово') с точки зрения его композициональности/некомпозициональности. Это связано с тем, что в оценке модификатора *dirty* ('грязный') были существенные расхождения: для одних носителей прилагательное имеет переносное значение, для других — прямое, но редко употребляющееся.

В [Maziarz et al., 2015] предпринимается попытка формализации критериев внесения устойчивых словосочетаний в plWordNet (тезаурус типа WordNet для польского языка). Авторы прибегли к экспертной оценке: 14 экспертов-лингвистов должны были классифицировать множество словосочетаний по группам «устойчивое», «неустойчивое», «не знаю». Удалось установить, что для достижения высокого уровня согласованности мнений экспертов при решении задачи включения словосочетания в тезаурус достаточно 5–7 лингвистов.

В наборе данных, представленных в [Farahmand et al., 2015], словосочетания аннотированы по двум признакам: некомпозициональность значения и статистическая нерегулярность словосочетания. В аннотации участвовали пять экспертов. Композициональность значения словосочетания оценивалась по бинарной шкале. Затем все словосочетания с композициональным значением размечались с точки зрения статистической нерегулярности: словосочетание считалось нерегулярным, если ни один из его компонентов не мог быть заменен на квазисинонимы без потери значения. Такое определение нерегулярности приводило к трудностям во время аннотации, поскольку некоторые интуитивно устойчивые словосочетания допускали замену компонента (ср. *floor space* и *floor area* 'площадь помещения'). Тем не менее в результате разметки было выделено множество статистически устойчивых словосочетаний с композициональным значением: *cable car*, *food court*, *speed limit* и т.д. Полученную базу данных предлагается использовать для обучения систем автоматического распознавания устойчивых словосочетаний.

Как видно, все перечисленные методы разметки устойчивых словосочетаний с помощью экспертной оценки столкнулись с некоторыми проблемами. В данной статье мы хотим найти некоторые косвенные признаки нерегулярности устойчивых словосочетаний, проявляющиеся в языковом поведении носителей языка.

2.4. Идиоматичность словосочетаний и когнитивные эксперименты. В ряде работ рассматривались когнитивные аспекты пред-

ставления устойчивых словосочетаний. В работе [Sinclair, 1991] был сформулирован *принцип идиоматичности*, который заключается в том, что в арсенале говорящего имеются готовые единицы (*полуформленные фразы* в переводе [Копотев, Стексова, 2016]), которые представляют собой устойчивое целое, хотя могут быть разложены на отдельные составляющие. Принцип идиоматичности находит отражение в физических характеристиках дискурса. Так, в работе [Erman, 2009] исследовалось, как устойчивость словосочетания влияет на длительность хезитационной паузы при выполнении задания на подбор пропущенного компонента словосочетания. Под устойчивостью понималось ограничение на замену компонентов (*restricted exchangeability*) — результат применения теста на статистическую нерегулярность.

Основная гипотеза работы [Erman, 2009] заключалась в том, что подобные устойчивые структуры хранятся в долговременной памяти говорящего в виде целостных единиц. В связи с этим активация в сознании одного компонента при наличии другого происходит с минимальными когнитивными усилиями, что проявляется в меньшей длительности паузы при подборе компонента устойчивого выражения. Гипотеза о целостности устойчивых словосочетаний подтверждается и в исследовании [Rohanian et. al., 2017]. С помощью методики регистрации движения глаз было показано, что характеристики движения взгляда при прочтении устойчивых словосочетаний значимо отличаются по сравнению с чтением свободных словосочетаний.

3. Ассоциативный эксперимент. Для обнаружения проявлений нерегулярности устойчивых словосочетаний была проведена серия ассоциативных экспериментов. Был выбран экспериментальный метод, поскольку существующие словари ассоциаций для русского языка не подходят для решения поставленной в исследовании задачи: данные русского ассоциативного словаря [Karaulov et al., 1994] устарели, а в проекте по сбору ассоциаций Sociation.org отсутствуют рассматриваемые типы словосочетаний.

При отборе материала для экспериментов, а именно устойчивых и неустойчивых словосочетаний, использовался состав словосочетаний в тезаурусе PyТез [Loukachevitch, Dobrov, 2014]. PyТез представляет собой лингвистическую онтологию, разработанную для решения задач автоматической обработки языка.

Лингвистическая онтология PyТез во многом сходна с тезаурусами типа WordNet. Так, понятия, включенные в тезаурусы, отражают значения реальных языковых единиц; репрезентация лексических значений устроена сходным образом. В то же время имеются и су-

ществленные различия: в отличие от WordNet в тезаурусе РуТез одно и то же понятие может быть представлено текстовыми входами, которые относятся к разным частям речи; в онтологию РуТез включаются более разнообразные виды словосочетаний; в тезаурусах используются различающиеся наборы концептуальных отношений.

Создатели тезауруса РуТез разработали специальные правила внесения словосочетаний, которые выглядят композиционными, в тезаурус. Словосочетание включается в тезаурус в том случае, если у него имеются некоторые специфические отношения с другими словами или выражениями [Loukachevitch, Lashevich, 2016]. Выделяются случаи, когда словосочетание добавляется в онтологию:

1. Словосочетание является синонимом некоторого слова (*земельный участок — земля*) или словосочетание имеет частотное сокращение (*заработная плата — зарплата*);

2. Словосочетание состоит в отношении синонимии к другому словосочетанию, и это отношение не выводится из значений слов-компонентов словосочетания (*мобильный телефон, сотовый телефон*);

3. Словосочетание обобщает значения нескольких слов. Такие словосочетания как *транспортное происшествие* или *учебное заведение* на первый взгляд являются композиционными. Однако они несут важную функцию репрезентации знаний — словосочетания являются гиперонимами по отношению к некоторой группе понятий;

4. Словосочетание имеет тезаурусные отношения, которые не выводятся из значений слов-компонентов. Например, словосочетание *дорожное движение* связано отношениями с другими словосочетаниями, и подобные связи не могут быть выведены из значений слов-компонентов, например связь гипоним/гипероним (*левостороннее движение, одностороннее движение*), или ассоциативная связь концептов (*автомобильная авария* и *автомобильная пробка*).

Для эксперимента были отобраны именные группы, которые имеют высокую частотность в текстовой коллекции современных новостей (один миллион документов): 29 словосочетаний «прилагательное + существительное» и 32 словосочетания «существительное + существительное в родительном падеже», которые подразделяются на тезаурусные словосочетания (входят в состав тезауруса РуТез) и нетезаурусные. *Тезаурусная* группа включала 15 словосочетаний: *транспортное происшествие; учебное заведение; заработная плата; программное обеспечение* и т.д. Группа *нетезаурусных словосочетаний* включала такие словосочетания, как: *повышение эффективности, крупный размер, проект строительства* и т.д.

Для сбора ассоциаций была проведена серия лингвистических экспериментов. В первых двух экспериментах респондентам были представлены отобранные словосочетания (отдельно тезаурусные и нетезаурусные), в третьем — слова-компоненты этих словосочетаний. Респондентам было предложено привести однословную ассоциацию к каждому стимулу. При этом предлагалось не использовать имена собственные (в том числе названия изданий, сайтов, компаний), а также сокращения. Эксперимент проводился на базе сервиса Google Forms.

В результате 26 и 29 респондентов участвовали соответственно в сборе ассоциаций для тезаурусных и нетезаурусных словосочетаний, 47 испытуемых приводили ассоциации к словам-компонентам. Несмотря на инструкцию, в некоторых случаях респонденты могли привести только многословную ассоциацию. Подобные случаи были единичными, поэтому они были учтены при обработке результатов. В табл. 1 для некоторых тезаурусных словосочетаний приведены примеры ассоциаций и их частотность.

Таблица 1

Примеры наиболее частотных ассоциаций для некоторых тезаурусных словосочетаний и их компонентов

Стимул	Ассоциации	Частотность
Слово 1: земельный	участок	38
	вопрос	2
Слово 2: участок	земля	11
	дача	11
	полицейский	4
	дорога	3
	дом	2
Словосочетание: земельный участок	дача	12
	дом	2
	надел	2
Слово 1: повышение	должность	8
	зарплата	7
	работа	6
Слово 2: цена	ценник	5
	стоимость	4
	высокая	3
	качество	2
Словосочетание: повышение цен	инфляция	12
	кризис	5
	нефть	2

При обработке ассоциаций для слов и словосочетания были подсчитаны следующие характеристики (табл. 2 и 3 для тезаурусных и нетезаурусных словосочетаний соответственно):

1. Энтропия ассоциаций для слов-компонентов и словосочетаний, которая рассчитывалась следующим образом:

$$H = - \sum_{i=1}^N p_i \log_b p_i,$$

где p_i – это вероятность получить некоторый конкретный ответ из множества ответов, которые давались респондентами. Вероятность ответа рассчитывается как отношение его количества по отношению к общему количеству ответов, данных респондентами. Энтропия соответствует разнообразию выбора ассоциаций, который приходится делать отвечающему при назывании слова-ассоциации. Следовательно, чем частотнее некоторые ответы в множестве ассоциативных ответов, тем меньше выбор и меньше энтропия;

2. Количество пересечений между множеством ассоциаций к словосочетанию и множеством ассоциаций к словам-компонентам словосочетания (колонки Ph1 и Ph2 в табл. 2 и 3);

3. Количество случаев, когда один компонент словосочетания выступает в качестве ассоциации к другому компоненту (столбцы A12 и A21 в табл. 2, 3).

Таблица 2

**Результаты ассоциативных экспериментов
для тезаурусных словосочетаний**

Словосочетание	A12	A21	Ph1	Ph2	Энтропия
Транспортное происшествие	0	7	0	6	2,16
Учебное заведение	1	8	1	1	2,52
Программное обеспечение	13	14	6	1	2,77
Повышение цен	0	0	0	0	2,85
Земельный участок	38	13	0	14	2,89
Квадратный метр	10	20	0	1	3,22
Электронная почта	6	12	3	4	3,27
Дорожное движение	0	2	0	0	3,33
Заработная плата	18	10	8	2	3,42
Главный герой	5	1	0	3	3,56
Медицинская помощь	0	5	0	4	3,58
Торговый центр	26	0	1	0	3,62
Лента новостей	18	0	1	1	3,79
Мобильный телефон	26	12	3	7	3,81
Температура воздуха	4	0	6	1	3,81
Среднее значение	11	6,27	1,93	2,93	3,24

**Результаты ассоциативных экспериментов
для нетезаурусных словосочетаний**

Словосочетание	A12	A21	Ph1	Ph2	Энтропия
Финал лиги	0	0	2	18	2,16
Начало года	0	0	1	0	2,66
Ежедневный обзор	1	0	3	14	2,90
Пресс-служба администрации	0	0	14	6	2,97
Еженедельный обзор	0	0	6	10	3,19
Необходимый документ	1	0	0	14	3,64
Конец января	0	0	2	7	3,81
Должность главы	0	0	5	2	3,85
Новое поколение	0	4	1	8	3,90
Член совета	5	0	2	5	3,96
Повышение эффективности	0	1	6	6	3,98
Увеличение объема	3	0	7	4	4,02
Крупный размер	4	0	6	4	4,07
Миллион евро	0	0	5	4	4,11
...					
Особое внимание	0	2	0	5	4,63
Председатель комитета	5	0	5	3	4,63
Экономический форум	0	2	2	3	4,65
Интересный комментарий	0	0	2	6	4,69
Среднее значение	1,22	0,36	2,80	6,36	4,07

Результаты экспериментов показывают, во-первых, что среднее значение энтропии ассоциаций к словосочетаниям существенно выше для нетезаурусных словосочетаний (4,07) по сравнению с тезаурусными словосочетаниями (3,24). Иначе говоря, ассоциации к тезаурусным словосочетаниям более мотивированы. В то же время встречаются и несколько нетезаурусных словосочетаний, которые имеют низкое значение энтропии, например *пресс-служба администрации* (2,97). Это можно объяснить тем, что в языке имеется частотное более длинное словосочетание, частью которого является рассматриваемое словосочетание (*пресс-служба администрации президента*). В результате наиболее частым ответом является именно слово-продолжение исходного словосочетания (*президент*).

Во-вторых, мы видим, что слова-компоненты тезаурусных словосочетаний значительно чаще ассоциируются друг с другом, чем слова-компоненты нетезаурусных словосочетаний. Среднее количество ассоциаций такого типа для компонентов тезаурусных словосочетаний в 10 раз выше, чем для компонентов нетезаурусных словосочетаний. Более того, у восьми из 15 тезаурусных словосо-

четаний оба компонента могут выступать в качестве ассоциации к другому компоненту. Для нетезаурусных словосочетаний таких случаев не зафиксировано.

Мы предполагаем, что взаимные ассоциации компонентов друг к другу как раз и есть проявление того, что такие словосочетания хранятся в ментальном лексиконе как неделимые единицы, как и указывалось в работах [Sinclair, 1991; Ehrman, 2009]. По данному параметру устойчивыми являются словосочетания: *программное обеспечение; земельный участок; квадратный метр; электронная почта; заработная плата; мобильный телефон; лента новостей и торговый центр*. Назовем такие словосочетания **ассоциативно устойчивыми**. Отметим, что именно эти словосочетания соответствуют вышеупомянутому тесту на замещаемость: они имеют высокую частотность в текстовом корпусе, и замена их компонентов на синонимы либо невозможна, либо соответствующие словосочетания встречаются значительно реже.

Кроме того, тезаурусные и нетезаурусные словосочетания различаются по количеству совпадений ассоциаций к словосочетаниям с ассоциациями к их компонентам. В среднем у нетезаурусных словосочетаний таких совпадений в четыре раза больше, чем в случае тезаурусных словосочетаний.

Интересно, что словосочетания *дорожное движение и повышение цен*, которые кажутся полностью свободными, совсем не имеют пересечений по ассоциациям со своими словами-компонентами и вызывают свой собственный набор ассоциаций с относительно низкой энтропией. Например, *повышение цен* имеет наиболее частые ассоциации *инфляция* (12 ассоциаций из 25) и *кризис* (четыре ассоциации), которые не фигурируют в качестве ассоциаций к словам *повышение* и *цена*. Можно сказать, что такие словосочетания обладают **реляционной нерегулярностью**, т.е. имеют отношения, которые отсутствуют у их слов-компонентов.

Отметим, что только одно нетезаурусное словосочетание оказалось по всем параметрам похоже на тезаурусное словосочетание, т.е. имело как низкую энтропию ассоциаций, так и малое количество совпадений в ассоциациях слов-компонентов и словосочетания: *начало года*. Самыми частотными ассоциациями для *начало года* являлись *январь* и *сентябрь*. Это связано с месяцами начала календарного и учебного года в России и, таким образом, с этим словосочетанием, действительно, связана важная информация, не замеченная экспертами тезауруса РуТез, но выявленная в ассоциативном эксперименте.

В случае тезаурусных словосочетаний большое количество пересечений между множеством ассоциаций к словосочетанию и мно-

жеством ассоциаций к словам-компонентам было обнаружено для словосочетаний *транспортное происшествие* и *температура воздуха*. Вероятно, это свидетельствует о том, что их статус как устойчивых словосочетаний должен быть пересмотрен.

Итак, низкий уровень энтропии и малое количество одинаковых ассоциаций для словосочетания и его компонентов в большинстве случаев свидетельствуют о том, что словосочетание следует считать устойчивым.

Для практического определения устойчивости словосочетания в ассоциативном эксперименте предлагается использовать *пороговое значение энтропии*, равное $0,8 * \text{MaxEntropy}$, где MaxEntropy — максимальная энтропия словосочетания в ассоциативном эксперименте (при условии равновероятности ответов респондентов). В проведенном нами ассоциативном эксперименте на тезаурусные словосочетания пороговое значение энтропии было равно 3,76, в ассоциативном эксперименте на нетезаурусные словосочетания — 3,89. Соответственно, мы предлагаем считать словосочетания, которые имеют энтропию ниже порогового значения, устойчивыми (включение их в тезаурус обязательно), а словосочетания с энтропией ассоциаций выше порогового значения — неустойчивыми. Таким образом, на основе этого критерия устойчивыми являются словосочетания: *учебное заведение, повышение цен, дорожное движение, главный герой, медицинская помощь*.

Итак, по результатам экспериментов на ассоциации мы обнаружили два признака устойчивости словосочетаний:

1. Компоненты устойчивого словосочетания часто ассоциируются друг с другом (словосочетание обладает *ассоциативной нерегулярностью*);

2. Для устойчивого словосочетания характерно малое значение энтропии ассоциаций к словосочетанию (меньше $0,8 * \text{MaxEntropy}$) в сочетании с малым количеством пересечений ассоциаций к словосочетанию и ассоциаций к словам-компонентам (совпадает менее 20% ассоциаций) (словосочетание обладает *реляционной нерегулярностью*).

Таким образом, подтвердилась наша гипотеза о том, что статистическую нерегулярность можно наблюдать с помощью закономерностей, которым подчиняются ассоциации к словосочетанию, а также к его компонентам. При этом три рассмотренных параметра: взаимная ассоциация слов-компонентов; энтропия ассоциаций к словосочетанию; совпадение ассоциаций, — позволяют отличить тезаурусные словосочетания от нетезаурусных с точностью больше 94%.

Чтобы проверить, сохраняются ли выявленные закономерности в случае меньшего количества собранных ассоциаций (соответ-

ственно, в случае меньшего количества респондентов), в каждом эксперименте были отобраны первые 15 ассоциаций. Оказалось, что и при таком количестве материала тезаурусные словосочетания демонстрируют ассоциативную нерегулярность. Что касается реляционной нерегулярности, наблюдались некоторые отклонения от выявленных ранее закономерностей: так, словосочетания *медицинская помощь* и *температура воздуха* имели энтропию ассоциаций выше $0,8 * \text{MaxEntropy}$, а два нетезаурусных словосочетания, *финал лиги* и *начало года*, имели как малую энтропию (ниже $0,8 * \text{MaxEntropy}$), так и малое число совпадений ассоциаций к словосочетанию и ассоциаций к компонентам. В результате при уменьшении объема ассоциаций до 15 оказалось, что тезаурусные словосочетания можно выделить с точностью 92%.

4. Заключение. В настоящей статье мы показали, что устойчивость словосочетания проявляется в наборе закономерностей, которым подчиняются множества ассоциаций носителей языка к словосочетанию и его компонентам. С помощью серии ассоциативных экспериментов мы продемонстрировали два признака устойчивости. Во-первых, словосочетание можно считать устойчивым, если компоненты словосочетания служат ассоциациями друг другу. Именно эти словосочетания имеют высокую частотность в текстовом корпусе и соответствуют тесту на замещаемость: замена их компонентов на синонимы либо невозможна, либо соответствующие словосочетания встречаются значительно реже.

Во-вторых, словосочетание устойчиво, если низкая энтропия ассоциаций к словосочетанию сочетается с малым количеством одинаковых ассоциаций к словосочетанию и словам-компонентам. Все три перечисленных фактора позволяют с высокой точностью установить, является ли словосочетание устойчивым. Отметим, что выявленные пороговые значения требуют проверки на большем объеме данных.

Результаты ассоциативных экспериментов позволяют нам сформулировать ряд рекомендаций касательно усовершенствования других методов разметки устойчивых и неустойчивых словосочетаний:

- при определении устойчивых словосочетаний методом краудсорсинга полезно спрашивать у респондентов ассоциации к словосочетаниям и их компонентам, чтобы выявить реляционную нерегулярность словосочетания;
- в случае принятия решений о включении словосочетания в тезаурус экспертами важно анализировать, имеют ли словосочетания такие семантические отношения, которые не выводятся из значений слов-компонентов.

Список литературы

- Архангельский В.Л. Проблема устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. Тула, 1968. С. 37–43.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
- Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.
- Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М., 2001.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: ЯСК, 2007.
- Коптев М., Стексова Т. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М.: ЯСК, 2016.
- Лукашевич Н.В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М., 2011.
- Мельчук И.А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. Т. 4. С. 73–80.
- Agirre E., Aldezabal I., Pociello E. Lexicalization and multiword expressions in the Basque wordnet // Proceedings of Third International WordNet Conference. 2006. P. 131–138.
- Guidelines for the Construction, Format and Management of Monolingual Thesauri. ANSI/NISO. Baltimore, 2005.
- Baldwin T., Kim S.N. Multiword expressions // Handbook of Natural Language Processing, Second Edition. Chapman and Hall/CRC, 2010. P. 267–292.
- Bentivogli L., Pianta E. Extending wordnet with syntagmatic information // Proceedings of Second Global WordNet Conference. P. 47–53.
- Calzolari N., Fillmore C.J., Grishman R., Ide N., Lenci A., MacLeod C., Zampolli A. Towards Best Practice for Multiword Expressions in Computational Lexicons // Proceedings of LREC-2002. P. 1934–1940.
- Church K.W., Hanks P. Word association norms, mutual information, and lexicography // Computational linguistics. 1990. Vol. 16. №. 1. P. 22–29.
- Cordeiro S., Ramisch C., Idiart M., Villavicencio A. Predicting the Compositionality of Nominal Compounds: Giving Word Embeddings a Hard Time // Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Vol. 1: Long Papers). Association for Computational Linguistics, 2016a. P. 1986–1997.
- Cordeiro S., Ramisch C., Villavicencio A. Filtering and measuring the intrinsic quality of human compositionality judgments // ACL 2016. Berlin, 2016b. P. 32–37.
- Farahmand M., Henderson J. Modeling the non-substitutability of multiword expressions with distributional semantics and a log-linear model // Proceedings of the 12th Workshop on Multiword Expressions. ACL 2016. Berlin, 2016. P. 61–66.
- Farahmand M., Smith A., Nivre J. A multiword expression data set: Annotating non-compositionality and conventionalization for English

- noun compounds // Proceedings of NAACL-HLT. Association for Computational Linguistics, 2015. P. 29–33.
- Farahmand M., Nivre J.* Modeling the statistical idiosyncrasy of multiword expressions // Proceedings of the 11th Workshop on Multiword Expressions. 2015. P. 34–38.
- Erman B.* Cognitive processes as evidence of the idiom principle. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2007. 12(1). P. 25–53.
- Karaulov Yu., Sorokin Yu., Tarasov E., Ufimtseva N., Cherkasova G.* Russian Association Dictionary. 1994.
- Loukachevitch N., Dobrov B.* RuThes Linguistic Ontology vs. russian Wordnets // Proceedings of Global WordNet Conference GWC-2014. Tartu, 2014. P. 154–162.
- Loukachevitch N., Lashevich G., Gerasimova A., Ivanov V., Dobrov B.* Creating Russian wordnet by conversion // *Komp'juternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*. 2016. V. 15. P. 405–415.
- Loukachevitch N., Lashevich G.* Multiword expressions in Russian Thesauri RuThes and RuWordNet // Proceedings of the AINL FRUCT 2016. Saint Petersburg, 2016. P. 66–71.
- Manning C.D., Schütze H.* Foundations of statistical natural language processing. MIT Press, 1999.
- Maziarz M., Szpakowicz S., Piasecki M.* A procedural definition of multiword lexical units // Proceedings of Recent Advances in NLP Conference RANLP–2015. P. 427–435.
- Mel'čuk I.* Phraseology in the language, in the dictionary, and in the computer. *Yearbook of Phraseology*, 2012. Vol. 3(1). P. 31–56.
- Miller G.A.* Nouns in wordnet // *WordNet: An electronic lexical database*. P. 24–45.
- Pearce D.* Synonymy in collocation extraction // Proceedings of the workshop on WordNet and other lexical resources, Second Meeting of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics. P. 41–46.
- Piasecki M., Wendelberger M., Maziarz M.* Extraction of the multi-word lexical units in the perspective of the wordnet expansion // RANLP-2015. P. 512–520.
- Ramisch C., Cordeiro S., Zilio L., Idiart M., Villavicencio A., Wilkens R.* How naked is the naked truth? A multilingual lexicon of nominal compound compositionality // Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Vol. 2: Short Papers). Association for Computational Linguistics, 2016. P. 114–133.
- Reddy S., McCarthy D., Manandhar S.* An empirical study on compositionality in compound nouns // *IJCNLP*. 2011. P. 210–218.
- Rohanian O., Taslimipour S., Yaneva V., Le An Ha.* Using Gaze Data to Predict Multiword Expressions. Proceedings of the International Conference “Recent Advances In Natural Language 2017”.
- Sinclair J.* Corpus, concordance, collocation. Oxford, 1991.
- Sag I.A., Baldwin T., Bond F., Copestake A., Flickinger D.* Multiword expressions: A Pain in the Neck for NLP. Proceedings of International Conference on Intelligent Text Processing and Computational Linguistics, CICLING-2002, Springer Berlin Heidelberg, 2002. P. 1–15.

- Senaldi M., Lebani G.E., Lenci A.* Lexical Variability and Compositionality: Investigating Idiomaticity with Distributional Semantic Models // Proceedings of the 12th Workshop on Multiword Expressions. 2016. P. 21–31.
- Vincze V., Almási A.* Non-lexicalized concepts in wordnets: A case study of English and Hungarian // Proceedings of Global WordNet, Conference GWC-2014. Global WordNet Association, 2014. P. 118–126.

Natalia V. Loukachevitch, Anastasia A. Gerasimova

DETECTING CONVENTIONALIZED MULTIWORD EXPRESSIONS BY USING A WORD ASSOCIATION EXPERIMENT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991
Tatarstan Academy of Sciences
20 Bauman St., Kazan, 420111*

This paper deals with the types of idiosyncrasy of multiword expressions. In particular, we show that association experiments provide evidence about conventionalization of phrases and help decide on inclusion of such phrases in information-retrieval thesauri. Experimental data shows that conventionalized phrases can be revealed by using two factors: 1) component words of a phrase have each other as frequent associations; 2) both entropy of phrase associations and intersection of component word and phrase associations are low. These factors allow predicting conventionalized phrases with high accuracy, higher than the existing embedding models have.

Key words: multiword expressions; association; idiosyncrasy; thesaurus; Russian.

About the authors: *Natalia V. Loukachevitch* — Doctor of Technical Sciences; Leading Researcher at Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow at Tatarstan Academy of Sciences (e-mail: louk_nat@mail.ru); *Anastasia A. Gerasimova* — MA student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Junior Research Fellow at Tatarstan Academy of Sciences (e-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com).

References

- Agirre E., Aldezabal I., Pociello E. Lexicalization and multiword expressions in the Basque wordnet. *Proceedings of Third International WordNet Conference*. 2006, pp. 131–138.
- Arkhangel'skii V.L. Problem of fixedness of phraseological units and their significant features. Problemyustoichivostiivariantnostifrazeologicheskikh edinits. *Materialy mezhvuzovskogo simpoziuma*. Tula, 1968, pp. 37–43.

- Guidelines for the Construction, Format and Management of Monolingual Thesauri. ANSI/NISO.* Baltimore, 2005.
- Baldwin T., Kim S.N. Multiword expressions. *Handbook of Natural Language Processing*, second Edition. Chapman and Hall/CRC, 2010, pp. 267–292.
- Baranov A.N., Dobrovol'skii D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [The aspects of the theory of phraseology]. Moscow, 2008.
- Bentivogli L., Pianta E. Extending wordnet with syntagmatic information. *Proceedings of Second Global WordNet Conference*, pp. 47–53.
- Bolotnova N.S. *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [The lexical structure of literary text in associative aspect]. Tomsk, 1994.
- Calzolari N., Fillmore C.J., Grishman R., Ide N., Lenci A., MacLeod C., Zampolli A. Towards Best Practice for Multiword Expressions in Computational Lexicons. *Proceedings of LREC-2002*, pp. 1934–1940.
- Church K.W., Hanks P. Word association norms, mutual information, and lexicography. *computational linguistics*. 1990. Vol. 16. №. 1, pp. 22–29.
- Cordeiro S., Ramisch C., Idiart M., Villavicencio A. Predicting the Compositionality of Nominal Compounds: Giving Word Embeddings a Hard Time. Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Vol. 1: Long Papers). *Association for Computational Linguistics*, 2016a, pp. 1986–1997.
- Cordeiro S., Ramisch C., Villavicencio A. Filtering and measuring the intrinsic quality of human compositionality judgments. *ACL 2016*. Berlin, 2016b, pp. 32–37.
- Erman B. Cognitive processes as evidence of the idiom principle. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2007. 12(1), pp. 25–53.
- Farahmand M., Henderson J. Modeling the non-substitutability of multiword expressions with distributional semantics and a log-linear model. *Proceedings of the 12th Workshop on Multiword Expressions. ACL 2016*. Berlin, 2016, pp. 61–66.
- Farahmand M., Smith A., Nivre J. A multiword expression dataset: Annotating non-compositionality and conventionalization for English noun compounds. *Proceedings of NAACL-HLT. Association for Computational Linguistics*, 2015, pp. 29–33.
- Farahmand M., Nivre J. Modeling the statistical idiosyncrasy of multiword expressions. *Proceedings of the 11th Workshop on Multiword Expressions*. 2015, pp. 34–38.
- Goroshko E.I. *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo jeksperimenta* [Integrated model of free associative experiment]. Moscow, 2001.
- Iordanskaya L.N., Mel'chuk I.A. *Smysl i sochetaemost' v slovare* [Sense and compatibility in lexicon]. Moscow, 2007.
- Karaulov Yu., Sorokin Yu., Tarasov E., Ufimtseva N., Cherkasova G. *Russian Association Dictionary*. 1994.
- Kopotev M., Steksova T. *Isklyuchenie kak pravilo: perekhodnye edinitsey v grammatike i slovare* [Exception as a rule. Transitional units in grammar and lexicon]. Moscow, 2016.
- Lukashevich N.V. *Tezaurusy v zadachakh informatsionnogo poiska* [Thesauri in Information Retrieval Tasks]. Moscow, 2011.

- Loukachevitch N., Dobrov B. RuThes Linguistic Ontology vs. russian Wordnets. *Proceedings of Global WordNet Conference GWC-2014*. Tartu, 2014, pp. 154–162.
- Loukachevitch N., Lashevich G., Gerasimova A., Ivanov V., Dobrov B. Creating Russian wordnet by conversion. *Komp'juternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*. 2016. Vol. 15, pp. 405–415.
- Loukachevitch N., Lashevich G. Multiword expressions in Russian Thesauri RuThes and RuWordNet. *Proceedings of the AINL FRUCT 2016*. Saint Petersburg, 2016, pp. 66–71.
- Manning C.D., Schütze H. *Foundations of statistical natural language processing*. MIT Press, 1999.
- Maziarz M., Szpakowicz S., Piasecki M. A procedural definition of multiword lexical units. *Proceedings of Recent Advances in NLP Conference RANLP-2015*, pp. 427–435.
- Mel'čuk I.A. O terminakh “ustoichivost'” i “idiomaticnost'” [About the terms “Fixedness” and “Idiomaticity”]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1960. Vol. 4, pp. 73–80.
- Mel'čuk I. Phraseology in the language, in the dictionary, and in the computer. *Yearbook of Phraseology*, 2012. Vol. 3(1). P. 31–56.
- Miller G.A. Nouns in wordnet. *WordNet: An electronic lexical database*, pp. 24–45.
- Pearce D. Synonymy in collocation extraction. *Proceedings of the workshop on WordNet and other lexical resources, Second Meeting of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics*, pp. 41–46.
- Piasecki M., Wendelberger M., Maziarz M. Extraction of the multi-word lexical units in the perspective of the wordnet expansion. *RANLP-2015*, pp. 512–520.
- Ramisch C., Cordeiro S., Zilio L., Idiart M., Villavicencio A., Wilkens R. How naked is the naked truth? A multilingual lexicon of nominal compound compositionality. *Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Vol. 2: Short Papers). Association for Computational Linguistics*, 2016, pp. 114–133.
- Reddy S., McCarthy D., Manandhar S. An empirical study on compositionality in compound nouns. *IJCNLP*, 2011, pp. 210–218.
- Rohanian O., Taslimipour S., Yaneva V., Le An Ha. Using Gaze Data to Predict Multiword Expressions. *Proceedings of the International Conference “Recent Advances In Natural Language 2017”*.
- Sinclair J. *Corpus, concordance, collocation*. Oxford, 1991.
- Sag I.A., Baldwin T., Bond F., Copestake A., Flickinger D. Multiword expressions: A Pain in the Neck for NLP. *Proceedings of International Conference on Intelligent Text Processing and Computational Linguistics, CICLING-2002*, Springer Berlin Heidelberg, 2002, pp. 1–15.
- Senaldi M., Lebani G.E., Lenci A. Lexical Variability and Compositionality: Investigating Idiomaticity with Distributional Semantic Models. *Proceedings of the 12th Workshop on Multiword Expressions*. 2016, pp. 21–31.
- Vincze V., Almasi A. Non-lexicalized concepts in wordnets: A case study of English and Hungarian. *Proceedings of Global WordNet, Conference GWC-2014*. Global WordNet Association, 2014, pp. 118–126.

В.С. Савельев

ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЙ В ПРЯМОЙ РЕЧИ ГЕРОЕВ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» (статья 1)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируется использование обращений в прямой речи героев «Повести временных лет». Устанавливаются факторы, определяющие необходимость их употребления: тип адресанта, тип адресата, контактный vs. дистантный характер коммуникации, коммуникативный тип диалога, место реплики в структуре диалога. Описываются функции обращений в непереводаемых диалогических фрагментах: показатели межличностных отношений; средства реализации рече-поведенческой тактики; сегментирующая функция; фокусирующая функция; характеризующая функция.

Ключевые слова: «Повесть временных лет»; функции языковых единиц; обращение.

В «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), одном из основных источников сведений об устной разновидности древнерусской речи, достаточно часто встречаются *обращения* — «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [Языкознание, 1998: 340]: из 322 непереводаемых диалогических фрагментов¹ (далее — ДФ) летописи обращение обнаруживается в 71 фрагменте, причем в 14 случаях в

Савельев Виктор Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: alfertinbox@mail.ru).

¹ «**Диалогический фрагмент** текста — это определенным образом структурированное сочетание персонажного и авторского речевых планов, в совокупности представляющих диалогическое общение персонажей художественного произведения. <...> Диалогический фрагмент текста образует трехуровневую организацию, состоящую из двух речевых планов: авторского окружения и собственно диалога, представленного чужой речью. Компонентами диалогического фрагмента текста являются: а) ядро — речевой план персонажей (реплики персонажей); б) речевой план автора, включающий: введение (интродукцию), содержащую, как правило, обозначение участников диалога, время и место его проведения; ремарки, содержащие глагол со значением говорения, и имя/местоимение, обозначающее персонажа, произносящего реплику-стимул или реплику-реакцию; авторские отступления, комментарии, части повествовательного и описательного характера, относящиеся по содержанию к диалогическому фрагменту текста; заключение (резюме)» [Изотова, 2006: 22, 23].

одном диалоге и даже в одной реплике диалога встречается несколько обращений. Каковы особенности функционирования этой единицы в древнерусском тексте?

* * *

Изучение обращения в отечественном синтаксисе на начальном этапе связано с определением статуса этой единицы: одни исследователи оценивали обращение как разновидность подлежащего, связанного в структуре предложения со сказуемым («Синтаксическое различие именительного и звательного — в том, что именительный лишь в местоимениях личных я и мы, ты и вы есть 1-е и 2-е лицо; остальные имена местоименные и качественные суть 3-е лицо; между тем звательный <...> есть 2-е лицо и, как такое, согласуется с 2-м лицом глагола. <...> Думаю, что расстояние в живой речи между этими падежами и сказуемым одинаково» [Потебня, 1958: 101]); другие отмечали автономный характер его употребления. В последнем случае обращения оценивались как слова (словосочетания), которые, «не являясь сказуемыми и не включая сказуемых в свой состав, не образуют предложений, а с другой стороны, не будучи связаны с какими-либо предложениями в порядке согласования, управления и примыкания, не образуют и частей этих предложений» [Пешковский, 2001: 404], или, наоборот, определялись как вокативные односоставные предложения, «в которых главным и единственным членом является *обращение*, имя лица, к которому обращена речь, если это имя произнесено с особой интонацией, вызывающей сложное представление, в центре которого стоит данное лицо; в этой мысли может быть выражен упрек, сожаление, укор, негодование» [Шахматов, 2001: 86, 87]².

В последние десятилетия изучению обращения было посвящено значительное количество работ, в которых оно рассматривается с точки зрения структурно-синтаксической, семантической и коммуникативной. Многие исследователи отмечают, что обращение представляет собой единицу, которой свойственно использование одновременно в нескольких функциях³. В качестве основных выделяются «номинативная (называния адресата) и коммуникативная, в ее взаимосвязанных специализированных разновидностях: аппеллятивная (называния и призывания адресата), фатическая

² Возможность различного понимания синтаксической природы обращения отражается и в приведенном выше определении из столь авторитетного издания, как энциклопедия «Языкознание».

³ Данная точка зрения, восходящая к цитированной выше работе А.А. Шахматова, обнаруживается в исследованиях: [Велтистова, 1959; Мизин, 1973; Арутюнова, 1977; Рыжова, 1981; Рыжова, 1982; Гольдин, 1987; Онипенко, 1993; Дворная, 1995; Нестерова, 2001; Сорокина, 2001; Формановская, 2002; Балакай, 2005; Мкртчян, Гилева, 2014].

(контактоустанавливающая), конативная (ориентации на адресата), этическая (функция вежливости), регулятивная (субординации) и др.» [Балакай, 2005: 7]. Специфика семантики обращения состоит в том, что его употребление позволяет не только идентифицировать адресата, но и дать ему определенную характеристику: «апеллятивы <...> осуществляют переход от идентифицирующей, объективной семантики к семантике субъективного типа, соответствующей номинациям, употребленным в позиции предиката» [Арутюнова, 1977: 344]. При этом использование обращения в качестве высказывания позволяет говорящему выразить имплицитные смыслы, тождественные иллюкутивным функциям косвенных речевых актов.

Актуализация той или иной функции обращения зависит от ряда причин.

1. В зависимости от места, занимаемого обращением в тексте, оно оценивается как свободное (невключаемость в текст или препозитивное употребление) или несвободное (интерпозитивное или постпозитивное употребление). Свободное обращение реализует «будучи призывом собеседника, апеллятивно-вокативную функцию», а несвободное — «функцию ориентации на адресата (конативную), при этом сообщает высказыванию дополнительную вежливость». Это связано с тем, что несвободное обращение «не может в полной мере выполнять функцию привлечения внимания (апеллятивную, вокативную), поскольку оно (внимание) уже привлечено и беседа идет» [Формановская, 2002: 90].

2. Существенно то, какое место в интеракции занимает реплика, в которой обнаруживается обращение: в инициальных репликах используются обращения-вокативы, в реактивных — обращения-экспрессивы [см.: Рыжова, 1982; Нестерова, 2001], при этом употребление обращений в качестве экспрессивов оценивается как «транспонированное»⁴.

3. Характеризующая функция обращения выходит на первый план в тех случаях, когда происходит ослабление его апеллятивной функции, и эта закономерность проявляется и в тех случаях, когда обращение используется в препозиции инициальных реплик [см.: Сорокина, 2001: 24, 25].

В ряде работ обращение исследуется в историческом плане⁵. В большинстве случаев внимание исследователей привлекает исто-

⁴ «Транспозиция — это <...> “замена вокативной функции другими интенциональными функциями” (Рыжова Л.П. Обращение как компонент коммуникативного акта: Дисс. ... канд. филол. наук. Калинин, 1982. С. 63–65). Содержанием таких транспозиций может быть выражение просьбы, приказа, угрозы, радости, огорчения, обиды, удивления, упрека и т.д.» [Нестерова, 2001: 18].

⁵ См.: [Николаева, 1972; Иванова, 1979; Николаева, 1990; Сорокина, 2001; Пляскова, 2002; Кузнецова, 2016].

рия звательного падежа⁶, однако встречаются и иные аспекты рассмотрения обращения: употребление в императивном предложении конструкции «личное местоимение 2-го лица + звательный падеж» (разные точки зрения представлены в [Николаева, 1990; Сорокина, 2001; Пляскова, 2002]), особенности функционирования обращений в богословском дискурсе [Кузнецова, 2016].

Вне всяких сомнений, обращение представляет собой единицу, использование которой непосредственно связано с коммуникацией, и поэтому не может исследоваться вне связи с достижениями современных научных направлений, центральным объектом которых является человеческое общение. В связи с этим в статье будут использоваться методы исследования и терминологический аппарат таких направлений, как теория речевых актов, теория актуального членения, коммуникативная грамматика, теория речевых жанров, диалоговедение [см.: Арутюнова, 1999; Баранов, Крейдлин, 1992; Барнет, 1985; Борисова, 2005; Ван Дейк, 2000; Верещагин, Костомаров, 2005; Винокур, 2007; Гольдин, 2007; Дементьев, 1997; Дементьев, 2010; Демьянков, 1986; Земская, 1978; Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998; Изотова, 2006; Иссерс, 2006; Кобозева, 2000; Лаптева, 2003; Николаева, 2004; Остин, 1999; Падучева, 2001; Серль, 1986; Хундснуршер, 1998; Ширяев, 2001; Шмелева, 2007; Янко, 2001].

* * *

Использование обращений в ПВЛ обнаруживает ряд особенностей, к описанию которых мы и приступаем.

I. В ПВЛ обращения используются в 71 из 322 непереводаемых ДФ (22%), при этом в них насчитывается 95 обращений.

II. В ПВЛ описываются случаи как контактной, так и дистантной коммуникации⁷; и в том и в другом случае собеседники могут использовать обращения.

Таблица 1

	ДФ без обращений	ДФ с обращениями
Контактная коммуникация	191	47
Дистантная коммуникация	60	24

Таким образом, обращения используются чаще в ситуациях дистантной коммуникации (29% от общего числа ДФ данного типа), чем при наличии контактного местоположения коммуникантов (20% от общего числа ДФ данного типа).

⁶ Заметим сразу, что история падежных форм, используемых в качестве обращений, не является объектом исследования данной статьи.

⁷ Контактная коммуникация осуществляется в условиях канонической ситуации общения, дистантная — когда коммуниканты находятся в разных локусах и общение ведется через посредников (послов) или подразумевает прежде всего не сенсорное, а духовное восприятие адресата (молитва и под.).

На такое соотношение оказывает влияние ряд факторов.

1. Значительное количество случаев контактной коммуникации без употребления обращения касается автоадресации (в общей сложности 33 ДФ), при этом обращаться сам к себе может как один говорящий — князь (12 случаев), дьявол (2 случая), будущий святой (1 случай) (пример 1), так и «совокупный» коммуникант — какой-либо народ, племя (11 случаев), князя (три случая), бояре, братия, дружина, пленники (по одному разу) (пример 2):

(1) **И се слышавъ, Володимиръ повелѣ исковати лжици сребрныи части дружинѣ, рекъ сице, тако: «Сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзю сребро и злато, тако дѣдъ мон и шцъ мон и донскаса дружиною злата и сребра» (6504 / 996)⁸;**

(2) **И ркѣша словенѣ: «Имемъса свои^м толъстинамъ: не даны сѣть словѣно^м пре кропинныа» (6415 / 907)⁹.**

2. Не употребляются также обращения, когда при контактной коммуникации адресат не персонифицирован. Следует различить несколько таких типовых ситуаций:

А. Адресатом являются все присутствующие, при этом они не представляют собой некий единый социум — их объединяет общее местонахождение:

(4) **В та же времена приде волѣхвъ, прельщенъ вѣсомъ. Пришедъ во Кыеву, глше: «Гдвали ми са естъ.ѣ. вѣ, глше сице <...>. Его^ж не-вегласни послушахутъ, а вѣрнии насмѣхася (6579 / 1071).**

Б. Адресатом является любой из присутствующих, способный ответить на задаваемый вопрос (5) или совершить требуемое действие (6):

⁸ В качестве материала исследования используется текст ПВЛ, воспроизведенный в издании [Полное собрание русских летописей, 1908]. В тех случаях, когда в тексте Ипатьевского списка, положенного в основу [Полное собрание русских летописей, 1908], обнаруживаются лакуны, они восстанавливаются по Хлебниковскому списку, сличение с которым производится в том же издании.

При несовпадении в разных списках грамматических форм и лексем, употребление которых влияет на то или иное восприятие конструкций с обращениями, нами приводятся вариативные чтения из Хлебниковского списка, а также списков, по которым восстанавливается Лаврентьевская летопись, — Лаврентьевского, Радзивилловского и Академического (по изданию [Полное собрание русских летописей, 1926]).

В разбивке текста на слова мы в основном следовали изданию [Полное собрание русских летописей, 1908], производя при этом разбивку текста на предложения и используя пунктуационные знаки, отсутствующие в ПВЛ, в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в ПВЛ византийскому летосчислению, ведомому от сотворения мира, и летосчислению от Рождества Христова).

⁹ При этом может оставаться непонятным, передает ли летописец ход мысли героя или произносимые им слова; в ряде же случаев внутренний характер речи указывается специальным образом: (3) **Ѣгополкъ же вканныи по^мсли в себе, рекъ: «Се оуже оубихъ Бориса. А еше како вы оубити Глѣба?» (6523 / 1015).**

(5) И вѣ же ѡдинъ старецъ не былъ вѣчи томь, выпрашаше: «Что ради створиша вѣче людье?» И повѣдаша емѹ <...> (6505 / 997);

(6) И положаху предъ нимъ хлѣбъ, и не взимаше его, волны вложити бѣда^{III} в рѹцѣ емѹ. Феодоси же рѣ: «Положите хлѣбъ предъ нимъ и не вкладайте в рѹцѣ емѹ, ать самъ гасъ» (6582 / 1074).

В. Адресатом является неопределенная группа людей из числа присутствующих, способных совершить требуемое действие:

(7) И рче Володимиръ: «Теревите пѹть и мосты мостите», хоташе бо нти на Гдрослава, на сѣна своего, но разболѣса (6522 / 1014).

Г. Высказывание произносится неоднократно и адресовано тому, кто слышит его в данный момент:

(8) В се же лѣто всташа вьльсви в сѹждалицхѹ, избиваху старюю ча^A по дьяволю наоученью и бѣсованню, глше, тако: «Си держать говино» (6532 / 1024).

Д. Произносится институциональное высказывание, устанавливающее некоторую норму, в соответствии с которой отныне — начиная с момента произнесения — будет жить данный социум. Адресатом в этом случае является любой член этого социума вне зависимости от того, когда он с этой нормой ознакомится:

(9) И сѣде Улегы княжа в Киевѣ, и рѣ Улегы: «Се бѣди мѣ городо^{IV} рѹцскимъ» (6390 / 882).

Е. Высказывание адресовано тому, кто отождествит себя с субъектом пропозиции, описываемой в высказывании (потенциальный адресат):

(10) Володимиръ <...> повеле <...> возити по градомъ, выпрашающе: «Кде болнии, нищии, не мого ходити?» И тѣмъ раздаваху на потребу (6504 / 996).

Последняя из выделенных типовых ситуаций требует особого комментария. В подавляющем большинстве случаев адресат не персонифицируется в условиях контактной коммуникации (29 случаев), однако в двух случаях — примеры (10) и (11) — потенциальным является адресат, которому передают высказывание при коммуникации дистантной. Однако следует обратить внимание на то, что в (10) и (11) говорящий — князь Владимир — произносит высказывания, которые его «фактотумы» должны воспроизвести впоследствии в условиях контактной коммуникации («конечный» адресат в (10) — больные, нищие и неспособные ходить, в (11) — муж, способный сразиться с печенегом):

(11) Володимиръ же, пришедъ в товары, посла по товаромъ бирича, гла: «Нѣтътѣ ли такаго мѹжа, иже бы са галъ с печенѣжаниномъ бра^Vтиса?» И не шврѣтеса никдѣже (6501 / 993)¹⁰.

¹⁰ В некоторых случаях отсутствие упоминания адресата и/или обращения приводит к тому, что оказывается невозможным определить, имеется ли в виду персонифицированный адресат или адресатом является сам рассказчик: (12) И абые погывоша вѣси ѿ него, и ѡтолѣ не выѣ емѹ пакости ѿ вѣсовъ, такоже самъ повѣдаше, тако: «Се выѣ ми за три лѣта брань си» (6582 / 1074).

Таким образом, если исключить из подсчетов 62 случая автоадресации и персонифицированной адресации, окажется, что обращения используются в 27% от общего числа случаев контактной коммуникации с персонифицированным адресатом; та же частотность употребления обращений обнаруживается и в условиях дистантной коммуникации.

III. Анализ имеющегося материала позволяет установить, что на употребление летописных обращений оказывают влияние следующие факторы: тип адресанта, тип адресата, условия коммуникации (контактная vs. дистантная), коммуникативные целеустановки говорящего (тип диалога) и позиция, которую занимает реплика в диалоге (инициальная vs. реактивная).

1. Наиболее существенное влияние на использование обращения оказывает *фактор адресата*. Как правило, если адресат является *духовно воспринимаемым*, говорящий произносит обращение:

А. В 21 случае обращение к духовно воспринимаемому адресату — Господу (16 случаев), Пресвятой Богородице (один случай), Кресту Честному (один случай), святым (покойным братьям молящегося князя) (три случая) — произносится во время молитвы:

(13) (а) **И, вы́ставъ, нача пѣтъѣ, гл҃а:** (1) «**Г҃и! Что сѧ оумножишасѧ ст҃ѣжаючи ми? Въстають на мѧ мнози**». <...> **И пакы гл҃аше:** (2) «**Г҃и! Оуслыши мѧтвѣу мою и не вниди в с҃удъ с рабомъ твоимъ, яко не оправдйтсѧ предъ тобою всѧкъ живы, яко погна врагъ дшю мою**». **И кончавъ ексѧп҃лы и, видивъ, яко послании с҃уть пог҃увитъ его, и нача пѣти псалтырь, гл҃а, яко:** (3) «(1)¹¹ **оунци т҃чни. И своръ злобныхъ всѣде мѧ. (2) Г҃и, Бѣ мон, на тѧ оуповахъ, и спси мѧ и ѿ всихъ гонящихъ избави мѧ**» (6523 / 1015), (б) (Борисъ) **тако въ заоутрню помолисѧ, зра на иконѣ, гл҃а на вбразъ вл҃чнь: «Г҃и и Г҃се Х҃е, иже симъ вбразомъ гависѧ на земли сп҃нниа ради нашего, изволивши своею волею пригвоздити р҃уци свои на кр҃стѣ, и приемъ стр҃чь грѣхъ ради нашихъ, тако и мене сподови прияти стр҃чь. Се же не ѿ противныхъ принимаю, но ѿ брата своего, и не створи ем҃у, Г҃и, в семь грѣха**» (6523 / 1015), (в) **Антонни же <...> нача молитисѧ Б҃у со слезами, гл҃а: «Г҃и! Оутверди мѧ в мѣстѣцѣ семь, и да бѣдетъ на мѣстѣци семь благ҃внне Ст҃ѣпа Горы и моего иг҃мена, иже мѧ постригъ**» (6559 / 1051);

(14) **И гаста сѧ вороти крѣпко, и на долзѣ ворушимсѧ има, и нача изнемогати Мьстиславъ, еѣ во великъ Редѣда. И р҃че Мьстиславъ: «Ѡ пр҃тата Б҃же, помози ми! Аще бо в долѣю сем҃у, съзижю цр҃ковь въ имѧ твое» (6530 / 1022);**

(15) **Въ днь бо въздвиженниа Всеславъ, въздохнѣвъ, р҃че: «Ѡ кр҃те ч҃тныи! Понеже к тобѣ вѣровахъ, избави мѧ ѿ рова сего» (6576 / 1068);**

(16) **Арославъ же ста на мѣстѣ, идеже оуби^{ша} Бориса, и въздѣвъ р҃уцѣ на нѣбо <...> И помоливсѧ, рекъ: «Брата моя! Аще есте ѿсюду**

¹¹ Хлебн. и Лавр.: прибавлено внидоша мѧ.

тѣломъ ѿтошла, то матѣвою ^{своею} помозита ми на противнаго сего оубиницу гордаго» (6527 / 1019).

Примечательно, что 9 молитв с обращениями представляют собой цитаты, включающие обращение¹². Наиболее показательным при этом является следующий фрагмент:

(17) **Ярославъ же ста на мѣстѣ, идеже оуби^{ша} Бориса, и въздѣвъ рѹцѣ на нѣбо, и рече: «Кровь брата моего вопиеть къ тебѣ, **Влако!** Мьсти ѿ крови правѣднаго сего, такоже мьстилъ еси ѿ крови **Авелевы**, положи въ на Каинѣ стѣбнанье и тржсение. Тако положи на семь»** (6527 / 1019).

Начальная часть молитвы князя Ярослава восходит к **Быт. IV, 10**¹³, при этом в источнике данное высказывание имеет иную субъектную перспективу: слова Господа адресованы братоубийце Каину. В связи с этим исходный текст подвергается в ПВЛ трансформации: дейктики 1 и 2 лица меняются местами (твоего > моего, къ мнѣ > къ тебѣ) и появляется обращение **Влако**.

Произнесение обращения в молитве является одной из особенностей, характеризующих этот *речевой жанр*¹⁴: молящийся обращается к духовно воспринимаемому адресату, и произнесение его имени почти всегда обязательно¹⁵, молитва без обращения — явление крайне редкое, связанное с особой коммуникативной целеустановкой молящегося. Произнесение обращения определяет и содержание

¹² Например, источником (13а1) является **Пс. III, 2** (указано в [Шахматов, 1940: 40]): Паримейный текст (цит. по [Брандт, 1894а: 79])

Ѡ. Ган, что сѧ оумножишѧ стѧ--: до : Ѡзѣ его--

Синайская псалтирь (цит. по [Северьянов, 1922: 2]).

Ѡ. Гѣ что сѧ оумножишѧ стѧтѧжжѧще ми: Мнози възсташѧ на мѧ:

¹³ Указано в [Шахматов, 1940: 39]; согласно А.А. Шахматову, вставка восходит к Паримейнику.

Паримейный текст (цит. по [Брандт, 1894b: 141, 142])

Ѡ. И рече Гѣ Бѣ: «что еси створилъ?! : гла крове брата твоего възпиетъ къ мнѧ ѿ земли :

Четый текст (цит. по [Михайлов, 1900: 23, 24])

Ѡ. и рече Бѣ что створилъ еси се. гла крове брата твоего възпие^т къ мнѣ ѿ земли.

¹⁴ Основным признаком при выделении *речевых жанров* является коммуникативная цель говорящего; так, в модели речевого жанра Т.В. Шмелевой «коммуникативная цель противопоставляет четыре типа РЖ: информативные <...>, императивные <...>, этикетные <...>, оценочные <...>» [Шмелева, 2007: 83, 84]. Однако этот признак является не единственным: уточнение системы речевых жанров, позволяющее выделить их разновидности (просьба, заявление, молитва и др.), связано с введением дополнительных параметров описания — образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, диктумное содержание и языковое воплощение [см.: Шмелева, 2007]. См. также более подробное описание системы речевых жанров в трудах В.В. Дементьева [Дементьев, 1997; 2010].

¹⁵ Примечательно, что в этих случаях воспроизведение обращения не является для летописца средством указания на то, кто является адресатом: он может быть назван повествователем в рамочной конструкции напрямую (см. 13в: **нача молитисѧ Бѣ**), через упоминание образа (см. 13б: **помолисѧ, зра на иконѹ, гла на шбразѣ влачнѣ**) или косвенно — через упоминание праздника (см. 15: **въ днь во въздвиженни всеславѣ, въздохнѹвъ, рече**), однако в каждом из случаев это не отменяет необходимости привести обращение в речи героя.

молитвы (Господа, Пресвятую Богородицу, святых просят о разных вещах), и ее форму (устойчивые обороты речи, используемые в молитвах, обращенных разным адресатам, не совпадают). Важно, что выбор способа именованя адресата в этом случае позволяет говорящему определить то, кем он сам является по отношению к тому, к кому обращается¹⁶: к *Господу* возносит молитву раб Божий, к святым *братьям* — их брат, продолжающий свой земной путь¹⁷.

Отсутствие обращений в молитвах связано с тем, что они являются *непрямыми*¹⁸. В трех ДФ летописный герой не обращается к Господу напрямую, но, полагаясь на волю Божию, «объективизирует» модальность долженствования, редуцируя свою активность как молящегося лица, высказывающего *свое* желание (18.3: **Вола Г^{сн}а да б^деть** вместо возможного Г^{сн}, **да б^деть вола твоя**):

(18) **Василко же, всѣдъ на конь, поѣха ѿ вѣсрѣте и штрокъ его и повѣда ему, гла:** (1) «Не ходи, княже, хотати тѣ гати!» И не послуша сего, помышляа: (2) «Како ма хотати гати? Уногды цѣловали хрестъ, рекуще: «Аще кто на кого б^деть, хрестъ на того и мы вси»». И помысливъ си, перехрестиса, река: (3) «**Вола Г^{сн}а да б^деть**» (6605 / 1097).

В двух ДФ молитва произносится еще не крещеным, но уже обретающим Господа князем:

(19) (а) **И се мужъ, именемъ Анастасъ, корсунанинъ, стрѣли, написавъ на стрѣлѣ:** «Кладъзи, гаже с^тъ за товою ѿ востока, ис того вода идеть по трѣбѣ. Копавше, преимете воду». Володимеру же се слыша, възрѣвъ на нбо, и р^че: «Аще са св^деть се, имамъ кр^ститиса» (6496 / 988), (б) **И си слышавъ, Володимеръ**¹⁹: «Аще се истина б^детъ, поистѣнѣ великѣ Б^г кр^стыганескѣ». **И повелѣ кр^ститиса** (6496 / 988).

Еще в одном случае благодарственная молитва Господу за победу в битве возносится через слова псалмов СХVII, 24, СXXXV, 23, 24, LXXIII, 13, 14²⁰:

(20) **И великое сп^сенье створи Б^г въ тѣ днѣ блговѣрнымъ княземъ русьскимъ и всимъ хрестыаномъ, а на врагы нашѣ дасть повѣду велику.** <...> **И по семь снашася братья вса, ѿ р^че Володимеръ:** ««Се днѣ, иже створи Г^с, възрадуемьса и възвеселимьса во нь», тако «Б^г избавилъ ны естъ ѿ врагъ нашихъ», и покори враги наша, и «скр^сши главы змѣвыа, и далъ естъ Г^б брашно ихъ намъ»» (6611 / 1103).

Б. В одном случае говорящий обращается к дьяволу, сообщая ему о своем намерении бороться с ним:

¹⁶ О значимости произнесения обращения *Отче наш* в Молитве Господней см. замечательную статью [Кузнецова, 2016].

¹⁷ Отметим, что в большинстве случаев (18 из 21) обращение к Господу, Пресвятой Богородице, Кресту Честному и святым произносит во время молитвы князь.

¹⁸ Подробнее о непрямой молитве см. [Савельев, 2018].

¹⁹ Лавр.: прибавлено р^че.

²⁰ Источники частично указаны в [Повесть временных лет, 2000: 520; Ostrowski, 2006: 37].

(21) Исакии же въсприа дерьзновение и въздержанне жестоко. Федосью же преставившюся и Стефану в него мѣсто бывшю, Исакии же рече: «Се оуже прельстилъ ма еси, дьаволе, сѣдѣща на единомъ мѣстѣ, а оуже не имамъ затворитисѣ в пещерѣ, но имамъ тѣ побѣдити входа в манастирѣ» (6582 / 1074).

В. В двух случаях князь обращается к усопшим — дружинникам и отцу — со словами, выражающими скорбь утраты:

(22) (а) *Заоутра же собравъ избытокъ новгородцевъ и рѣе Гдрославъ: «О любимая дружино, юже избихъ вчера, а нынѣ быша надобѣ...»* (6523 / 1015), (б) *Гдрополкъ же идаше по немъ, плачаша съ дружиною своею: «Щѣ, щѣ мон! Что еси вес печали пожиа на свѣтѣ семь <...>»* (6586 / 1078).

В общей сложности в ПВЛ обнаруживается 24 обращения к духовно воспринимаемым адресатам, причем используются они в 15 ДФ. Данное расхождение в цифрах связано с особенностями сегментации летописного текста: дело в том, что **коммуникативное событие**²¹ (далее — КС), описываемое в ДФ, может состоять из одного или нескольких **коммуникативных эпизодов**²² (далее — КЭ),

²¹ *Коммуникативное событие* представляет собой «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов. <...> Функция коммуникативного события определяется социально-ролевыми характеристиками участников, их целями, способами и социальными нормами взаимодействия. Эти параметры коммуникативного события формируют его жанр» [Борисова 2005: 13, 30].

²² *Коммуникативное событие* может состоять из одного или нескольких *коммуникативных эпизодов*, критериями выделения которых «являются следующие признаки: 1) ориентированность на решение коммуникативной задачи (коммуникативно-деятельностное основание); 2) тематическая цельность (показатель содержательной целостности); 3) иллокутивная связанность реплик-высказываний внутри эпизода (показатель прагматической связности); 4) жанрово-композиционная оформленность (показатель структурно-речевой целостности)» [Борисова, 2005: 20].

Понятие *коммуникативный эпизод* тесно связано с понятием *тип диалога*. Установление различных типов диалога базируется исключительно на определении коммуникативных целей его участников. Мы выделяем четыре типа диалога, обнаруживаемых в ПВЛ: *информативный, прескриптивный, экспликативный и фатический*, базируясь в основном на типологии Н.Д. Арутюновой [см.: Арутюнова, 1999: 649–652]).

Понятия *коммуникативный эпизод* и *тип диалога* не тождественны друг другу.

Например, описанное во фрагменте *Посла Влегъ к радимичѣмъ*, рка: (1) «*Кому дань даете?»* Уни же рѣша: (2) «*Козаромъ*». И рѣе имъ Влегъ: (3) «*Не даванте козаромъ, но мнѣ даванте*». (4) И вдаша Влогови по щелѣгѣ, также и козаромъ даваху (6393 / 885) коммуникативное событие состоит из двух коммуникативных эпизодов: КЭ1 включает реплики (1) и (2) и представляет собой информативный тип диалога, КЭ2 включает реплику (3) и описание невербальной реакции (=перлокутивного эффекта) (4) и характеризуется как прескриптивный тип диалога. Данные КЭ связаны друг с другом: КЭ1 завершается в тот момент, когда инициатор коммуникации достиг своей цели — узнал необходимую информацию; опираясь на новое знание, он может перейти к КЭ2 — выдвигать требования своему собеседнику. По сути, различия между данными КЭ сводятся к различиям между двумя типами диалога.

и в каждом из них может использоваться обращение (например, в (13а) следует выделить три КЭ, в каждом из них обнаруживается обращение)²³. При этом говорящий может использовать в одной и той же реплике несколько обращений (например, в (13б) князь Борис в одной реплике произносит два обращения к Господу). Также в ПВЛ обнаруживаются КЭ, в которых оба коммуниканта произносят реплики с обращениями. При этом сплошной анализ КЭ с персонифицированным адресатом, в которых обнаруживаются реплики с обращениями (всего 87 КЭ) и в которых они отсутствуют (всего 254 КЭ), позволяет сделать следующее наблюдение: только два КЭ — (33) и (34) — включают более одной реплики с обращениями²⁴. Таким образом, нормативным является такое строение летописного КЭ, при котором в его состав включается не более одной реплики с обращением, из скольких бы интеракций этот КЭ ни состоял.

Итак, 24 рассматриваемых обращения к духовно воспринимаемым адресатам употребляются в 15 ДФ, описывающих 20 КЭ, причем в трех КЭ обращения употребляются неоднократно. При этом отсутствие обращений в тех случаях, когда адресат говорящего является духовно воспринимаемым, обнаруживается только в шести КЭ.

2. Все случаи произнесения обращений к духовно воспринимаемым адресатам связаны с условиями *дистантной коммуникации*.

Оставшиеся 10 случаев использования обращений в условиях дистантной коммуникации приходится на фрагменты с *сенсорно воспринимаемыми адресатами*, при этом встречаются они в девяти КЭ²⁵.

В пяти из девяти КЭ народ (горожане) обращается к князю, который находится не в городе, с какой-либо просьбой (используется шесть обращений):

(23) **И послашася паки кнѧге к Володимеру, глающе: «Понди, кнѧже, Киеву. Аще ли не пондеши, то вѣси, како много зла оу²двигнетъся: то ти не Пугатинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды гравити, и паки ти**

В то же время во фрагменте **В се же время придоша люде новгородьстни, просаще кн²зѧ севѣ:** (1) «Аще не пондете к на², то налѣземъ кнѧзѧ севѣ». И р²е к нимъ Сѣтославъ: (2) «А вы кто к ва² шель». (3) И ѿпрѣса Ідроплакъ и Валгъ. И р²е Добрыня: (4) «Просите Володимира». <...> И рѣша новгородци Сѣтославу: (5) «Вѣдан ны Володимира». (6) **И поаша новгородци Володимира севѣ** (6478 / 970) следует выделить 3 коммуникативных эпизода, каждый из которых является прескриптивным диалогом, но при этом отличается от других КЭ составом и ролями участников (КЭ1: (1)-(3) — коммуникативной инициативой владеют новгородцы, произносящие прескрипцию (1); КЭ2: (4)-(5) — прескрипцию произносит Добрыня, а реакция новгородцев проявляется в произнесении ими (5); КЭ3: (5)-(6) — инициатором коммуникации вновь становятся новгородцы, но их адресат отличается от того, к кому они обращаются в КЭ1).

²³ В ходе дальнейшего анализа мы увидим, что КС может состоять из нескольких КЭ, в одних из которых обращения используются, а в других — нет.

²⁴ В данных фрагментах каждый из двух коммуникантов произносит реплику с обращением. Причины этого будут рассмотрены ниже.

²⁵ Во фрагменте (23) в одной реплике произносится 2 обращения.

пидуть на гатровь твою и на богары, и на монастырьѣ, и будеши ѿвѣтъ имѣль, княже, вже ти монастырьѣ разъграбать» (6621 / 1113).

Оставшиеся четыре случая приходятся на просьбы князя (три КЭ) и настоятеля монастыря (один КЭ), обращенные, соответственно, к брату и князю:

(24) И присла к нему Дѣдъ: «Не ходи, брате, и не вслушанса брата старѣшаго. Пондевь уха» (6605 / 1097);

(25) И се рекъ, посла едино ш братья къ Изяславу князю, река тако: «Княже мои! Се Бѣ оумножаетъ братью, а мѣсце мало. Да бы ны вдалъ горѣ тѣ, таже есть надъ печерою» (6559 / 1051).

Таким образом, употребление обращений при дистантной коммуникации ограничено определенными типами коммуникативных событий с фиксированным составом участников; использование обращений в условиях контактной коммуникации подразумевает большую вариативность и в том и в другом плане (см. подробнее III.5).

3. Частотность использования обращения к персонализированным духовно vs. сенсорно воспринимаемым адресатам в условиях дистантной коммуникации существенно различается: обращения к духовно воспринимаемым адресатам обнаруживаются в 20 из 26 КЭ данного типа (77%), обращения к сенсорно воспринимаемым адресатам — в 9 из 68 КЭ данного типа (13%). Также показательны различия в частотности употребления обращений, если принять во внимание коммуникативные целеустановки говорящих (тип диалога)²⁶.

Таблица 2

КЭ с персонализированным духовно воспринимаемым адресатом в условиях дистантной коммуникации

	Тип диалога ²⁷			
	Информативный	Прескриптивный	Экспликативный	Фатический
КЭ с обращениями	1	16 ²⁸	3	—
КЭ без обращений	—	3	3	—
% КЭ с обращениями от общего числа КЭ данного типа	100%	84%	50%	—

²⁶ Здесь и далее в тех случаях, когда ДФ включает несколько КЭ, в таблицах учитываются данные каждого КЭ.

В тех случаях, когда в одном КЭ используется несколько обращений, об этом сообщается в сноске, но данные эти в таблице не учитываются.

²⁷ К прескриптивному типу диалога относятся произносимые в ПВЛ покаянные, просительные и ходатайственные молитвы (например, 13, 14): благодарственная молитва (15) и хвалебная молитва (196) относятся к экспликативному типу. Подробнее о жанровой классификации молитв в ПВЛ см. [Савельев, 2017].

Плач по усопшему (22) относится к экспликативному типу, а сообщение о намерении в (21) — к информативному.

²⁸ В одном КЭ обнаруживается три обращения, в двух КЭ обнаруживается по два обращения.

**КЭ с персонифицированным сенсорно воспринимаемым адресатом
в условиях дистантной коммуникации**

	Тип диалога			
	Информативный	Прескриптивный	Экспликативный	Фатический
КЭ с обращениями	–	9 ²⁹	–	–
КЭ без обращений	6	50	3	–
% КЭ с обращениями от общего числа КЭ данного типа	0%	15%	0%	–

4. Обращения к персонифицированным сенсорно воспринимаемым адресатам в условиях контактной коммуникации обнаруживаются в 58 из 247 КЭ данного типа (24%)³⁰, при этом частотность их использования напрямую зависит от коммуникативной целеустановки говорящего (тип диалога):

Таблица 4

**КЭ с персонифицированным сенсорно воспринимаемым адресатом
в условиях контактной коммуникации**

	Тип диалога			
	Информативный	Прескриптивный	Экспликативный	Фатический
КЭ с обращениями	7	40 ³¹	10	1 ³²
КЭ без обращений	49	124	15	1
% КЭ с обращениями от общего числа КЭ данного типа	13%	24%	40%	50%

Как мы видим, в условиях контактной коммуникации наиболее частым является использование обращений в экспликативе, когда говорящий высказывает свою точку зрения, пытается привлечь к ней внимание собеседника и убедить его в своей правоте (см., например, 27.3, 31.2, 39). В условиях же дистантной коммуникации обращения чаще обнаруживаются в прескриптивных диалогах, особенно в тех случаях, когда адресат является духовно воспринимаемым (табл. 2 и 3).

5. Анализ использования обращений позволяет установить связь между тем, кто является адресантом и адресатом высказывания³³.

²⁹ В одном КЭ обнаруживается два обращения.

³⁰ Всего в 58 КЭ обнаруживается 61 обращение.

³¹ В двух КЭ обнаруживается по два обращения.

³² В этом КЭ обнаруживается два обращения.

³³ Следует обратить внимание на то, что в табл. 5 в тех случаях, когда в одном КЭ используется несколько обращений, эти данные не учитываются, если эти несколько обращений произносятся одним говорящим в одной реплике; если же в одном КЭ встречается несколько обращений, произносимых разными говорящими в разных репликах (фрагменты 33 и 34), эти данные вносятся в таблицу.

Адресант	Адресат			
	Информативный тип диалога	Прескриптивный тип диалога	Экспликативный тип диалога	Фатический тип диалога
бесы (5) ³⁴	монах — 1 И ³⁵	монах — 2 И	монах — 2 И	
боярин, бояре (3)		князь — 2 И, 1 Р		
воевода (3)		дружина — 1 И князь — 1 И	вражеская дружина — 1 И	
дружина (2)		князь — 1 И, 1 Р		
князь (39)	князя — 1 И	Господь — 10 И (10 дист) Богородица — 1 И (1 дист) Святой (брат князя) — 2 И (2 дист) *** дружина — 1 И князь, князя — 11 И (3 дист), 3 Р патриарх — 1 Р священник — 1 И	Крест Честный — 1 И (1 дист) погибшая дружина — 1 И (1 дист) усопший князь — 1 И (1 дист) *** дружина — 1 Р князь — 2 И, 1 Р	послы — 1 И
котопан (1)		князь — 1 И		
кудесник (1)	князь — 1 Р			
монах (настоятель), монахи (15)	дьявол — 1 И (1 дист) *** монахи — 1 И	Господь — 2 И (2 дист) *** князь — 1 И (1 дист) монах (настоятель), монахи — 9 И, 1 Р		
народ (горожане) (7)		князь — 5 И (5 дист), 2 Р	8 9	

В таблицу также внесена информация о коммуникативной целеустановке говорящего (тип диалога) и позиции, которую реплика занимает в диалоге — инициальную или реактивную. Эти сведения понадобятся нам для дальнейшего анализа.

³⁴ Указывается адресант и общее количество КЭ, в которых он произносит реплики с обращениями.

³⁵ Указывается адресат, количество КЭ, в которых обнаруживаются реплики с обращениями к данному адресату, при этом отдельно подсчитываются инициальные (И) и реактивные (Р) реплики. В скобках указывается, сколько из этих реплик приходится на условия дистантной коммуникации. Например, запись «князь, князя — 11 И (3 дист), 3 Р» означает, что князю (или князьям) адресованы 11 инициальных (из них три — в условиях дистантной коммуникации) и три реактивных реплики с обращениями.

Адресант	Адресат			
	Информативный тип диалога	Прескриптивный тип диалога	Экспликативный тип диалога	Фатический тип диалога
отрок (3)	князь — 1 Р	князь — 2 И		
патриарх (1)		князь — 1 Р		
послы (1)				князь — 1 Р
проповедник (2)	князь — 1 Р	князь — 1 И		
рассказчик (1)		Господь — 1 И (1 лист)		
священник (1)		князь — 1 И		
старик (1)	князь — 1 И			
старцы (советники) (2)			князь — 1 И, 1 Р	
цесарь (1)			князь — 1 Р	
Всего:	8 (5 И, 3 Р) (1 лист)	66 (56 И, 10 Р) (25 лист)	13 (9 И, 4 Р) (3 лист)	2 (1 И, 1 Р)

Как мы видим, состав участников КС, произносящих обращения в условиях контактной коммуникации, намного более разнообразен, чем при коммуникации дистантной (в условиях контактной коммуникации: 17 адресантов, 19 пар коммуникантов, различающихся составом участников («князь — князь», «князь — патриарх» и т.п.); в условиях дистантной коммуникации: четыре адресанта, 11 пар коммуникантов, различающихся составом участников).

6. Почти все герои, использующие в речи обращения, могут также произносить реплики, в которых обращения отсутствуют³⁶.

Таблица 6

Адресант	Адресат			
	Информативный тип диалога	Прескриптивный тип диалога	Экспликативный тип диалога	Фатический тип диалога
воевода (21) ³⁷	волхвы — 5 ³⁸ народ (горожане) — 1 повозники — 1	дружина — 1 князь — 6 (1 лист) народ (горожане) — 3 (1 лист) повозники — 1	волхвы — 2 князь — 1	

³⁶ Приводятся данные по пяти наиболее «активным» летописным коммуникантам.

³⁷ Указывается адресант и общее количество КЭ, в которых он произносит реплики без обращений.

³⁸ Указывается адресат и количество КЭ, в которых обращения к данному адресату отсутствуют. В скобках указывается, сколько из этих КЭ приходится на условия дистантной коммуникации.

Адресант	Адресат			
	Информативный тип диалога	Прескриптивный тип диалога	Экспликативный тип диалога	Фатический тип диалога
князь (118)	бояре — 2 воевода — 1 волхв — 1 князь — 3 народ (горожане) — 5 (3 дист) пленники — 1 послы — 3 проповедник — 1 рассказчик — 1 старейшина — 1	Господь — 6 (6 дист) *** бояре — 3 воевода — 3 (2 дист) дружина — 7 князь — 38 (18 дист) народ (горожане) — 16 (7 дист) отроки — 2 патриарх — 1 послы — 4 проповедник — 2 старейшина — 1 цесарь — 4 (4 дист)	воевода — 2 князь — 7 (2 дист) народ (горожане) — 1 (1 дист) проповедник — 2	
монах (настоятель), монахи (17)	бесы — 2 монах, монахи — 2 рассказчик — 1	князь — 2 монах, монахи — 8 рассказчик — 2		
народ (горожане) (31)	князь — 4 (1 дист) рассказчик — 1	воевода — 1 князь — 17 (6 дист) народ (противники) — 6 (1 дист) отрок — 1 послы — 1		
цесарь (12)	бояре — 1	князь — 7 (5 дист) патриарх — 1 (1 дист) послы — 3		
Всего:	37 (4 дист)	147 (52 дист)	15 (3 дист)	

Если соотнести количественные показатели КЭ, включающих реплики с обращениями и без обращений, произносимые наиболее «активными» летописными коммуникантами (табл. 5 и 6), окажется, что частотность употребления обращений в речи разных говорящих неодинакова:

Таблица 7

	Адресант				
	Воевода	Князь	Монах (настоятель), монахи	Народ (горожане)	Цесарь
КЭ с обращениями	3	39	15	7	1
КЭ без обращений	21	118	17	31	12
КЭ с обращениями от общего числа КЭ, в которых участвует адресант, %	13	25	47	19	8

Наиболее часто обращения используются в речи духовных лиц (47%), при этом чаще всего они встречаются в тех случаях, когда адресат является духовно воспринимаемым (три из трех КЭ — 100%), и в диалогах с другими духовными лицами (11 из 21 КЭ — 53%). В речи князей обращения используются реже (25%), при этом чаще всего они встречаются в тех случаях, когда адресат является духовно воспринимаемым (21 из 27 КЭ — 78%), и в диалогах с другими князьями (18 из 66 КЭ — 27%)³⁹. Незначительно реже обращения используются в репликах народа (горожан) (19%), причем все они обнаруживаются в диалогах с князем (семь из 28 КЭ — 25%), в основном это дистантные прескриптивные реплики, описанные в П.2. Намного реже встречаются обращения в речи воевод (13%) и цесарей (8%). Таким образом, обнаруживается закономерность: **частотность употребления обращений возрастает, когда адресат относится к той же социальной группе, что и говорящий, или занимает главенствующее по отношению к говорящему положение.**

7. В речи одного героя — котопана — обращения употребляются всегда. Некоторые адресанты — апостол Андрей, волхвы, жена Яна Вышатича Мария, сестра цесарей Василия и Константина Анна, убийцы князя — не употребляют обращения ни в одной из своих реплик. В то же время вряд ли на основании этого можно делать какие-либо выводы: реплики данных героев в П.В.Л. единичны.

8. **Обращения намного чаще используются в инициальных репликах** (71 КЭ — 80% случаев от общего числа КЭ с обращениями), **чем в реактивных** (18 КЭ), что вполне объяснимо: основной функцией обращения является привлечение внимания собеседника и начало коммуникации (см., например, 13, 14, 15, 16).

9. Как уже было сказано, зачастую КС, описываемое в ДФ, может состоять из нескольких КЭ. В этом случае в инициальных репликах каждого КЭ может быть обнаружено обращение, причем адресатом может выступать один и тот же коммуникант. Причиной употребления этих обращений-тавтологий является то, что **каждая из таких реплик маркирует переход к новому КЭ**. Так, в (26) бесы адресуют Исакию информативное высказывание (26.1), затем, привлекая внимание поверившего лжи будущего святого, — прескриптивное (26.2) и напоследок, добившись своей цели и торжествуя, — экспликативное (26.3), при этом в каждой из реплик обнаруживается одно и то же обращение:

(26) **И пондоства двѣ оуноши к нему прекрасна, и блистася лице има, яко и солнце, и гл҃аста к нему: (1) «Исакъе! Вѣ есѣѣ ан҃гла, а се идетъ к тобѣ Х҃ъ съ ан҃глы». И, въставъ, Исакин видѣ толпу, и лица нхъ паче**

³⁹ Данные КЭ, в которых общение с определенным адресатом представлено 1–2 случаями (например, КЭ, в которых адресатом является патриарх), на наш взгляд, не могут считаться репрезентативными, а потому не учитываются.

слнца, и единъ посредеѣ ихъ, и съяху ѿ лица его паче всихъ. И гласта ему: (2) «**Исакъ!** То ти Хъ. Падъ, поклониса ему!» Онъ же не разумѣ въсовьскаго дѣинства, ни памяти прекрѣтитиса. Выступъ, поклониса, акы Хъ, въсовьскому дѣинству. Бѣси же кланкнѣша и рекоша: (3) «Нашъ еси оуже, **Исакъ!**» — и въведоша и в кѣльницу, и посадиша и, и начаша садитиса около его полна келья оулица печерьская (6582 / 1074).

На примере (26) можно увидеть, что летописным обращениям свойственна не только апеллятивно-вокативная, но и другие функции. К их описанию мы и переходим.

IV. Рассмотрим фрагмент, в котором обращения употребляются как в инициальных, так и в реактивных репликах:

(27) И сѣдоша въ единомъ шатрѣ Стѣполкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И вышѣ молчанью, и рече Володимеръ: (1) «**Брате!** Ты еси старѣи, почни глати, како выхъ⁴⁰ промыслии в Русьской земли». И рече Стѣполкъ: (2) «**Брате,** ты почни». И рече Володимеръ: (3) «(3.1) Како га хочю молвити, а на ма хотатъ молвити твоа дружина и моа, рекуще: «Хочетъ погубити смерды и ролью смердомъ!» (3.2) Но се дивно ма, **брате,** вже смердовъ жалѣете и ихъ конни, а сего не помышляюще, вже на весну начнетъ смердъ тотъ врати лошадыю тою, и приѣхавъ, половчинъ оударитъ смерда стрѣлою и поиметь лошадыку, и жонѣ его, и дѣти его, и гүмно его зажжетъ. То в сѣмъ чему не мыслите?» И рекоша вса дружина: (4) «Право, вонстинѣ тако естъ». И рече Стѣполкъ: (5) «**Се азъ,** **брате,** готовъ есмь с тобою» (6619 / 1111).

Во фрагменте (27) обращение произносится 4 раза: в инициальных репликах (27.1) и (27.3)⁴⁰ и в реактивных (27.2) и (27.5).

Употребление обращения в инициальной реплике (27.1) позволяет говорящему привлечь внимание того коммуниканта, диалог с которым он хочет начать: произнесение обращения необходимо хотя бы потому, что в данном месте присутствует достаточно большое количество людей.

Иначе следует оценить использование обращения в инициальной реплике (27.3): оно обнаруживается в ее середине, маркируя переход от одного речевого хода к другому⁴¹ и тем самым реализую *сегментирующую функцию обращения*⁴².

Реактивная реплика (27.2) является иллокутивно полифункциональной⁴³: реагируя на прескрипцию (27.1), говорящий не отвечает

⁴⁰ Реакцией князя Владимира на прескрипцию (27.2) является сам факт его говорения, а не содержание (27.3), которая начинает новый КЭ и потому признается нами инициальной.

⁴¹ Понятие «речевой ход» описано в сноске 48.

⁴² Данная функция будет подробно рассмотрена во второй нашей статье.

⁴³ *Иллокутивная полифункциональность* — свойство высказывания, которое в процессе одного локутивного акта используется одновременно в нескольких иллокутивных функциях. Подробнее об иллокутивной моно- и полифункциональности см. [Савельев, 2016].

напрямую отказом, а произносит прескриптивное высказывание, пропозитивное содержание которого должно привести собеседника к мысли, что ему отказано, и в то же время побудить его к действию. При этом говорящий перехватывает коммуникативную инициативу, и его высказывание, формально являясь реакцией на (27.1), в то же время представляет собой инициальную реплику нового прескриптивного диалога, в котором (27.3) является реакцией на призыв «**Ты почни**». Для перехвата коммуникативной инициативы говорящий использует ряд средств: глагольную форму императива, выделение рематической части высказывания за счет фразового ударения, а не порядка слов (имеется в виду «**ТЫ почни**», а не я), а также обращение, которое маркирует начало нового КЭ.

Реактивная реплика (27.5), как и (27.2), является полифункциональной: с одной стороны, она выражает согласие говорящего с точкой зрения собеседника, высказанной в (27.3), а с другой — используемое в ней обращение маркирует переход к новому КЭ — прескриптивному: произнося данное высказывание, говорящий обязуется совершить некоторое действие в будущем⁴⁴.

В целом же столь частое во фрагменте (27) произнесение обращения «**брате!**» — яркого *показателя межличностных отношений* — позволяет коммуникантам маркировать диалог как имеющий особое значение для каждой из сторон, отмечая при этом ключевые моменты коммуникации.

Аналогичным образом используется обращение «**брате!**» и в диалогическом фрагменте (28)⁴⁵. При этом в нем обнаруживается еще одна «дополнительная» реплика — (28.4):

(28) <...> **И не могоша противу ему ѿвѣщати дружина Сѣтополча, и рече Сѣтополкъ: (3) «Брате, се азъ готовъ оуже». И вѣста Сѣтополкъ. И рече ему Володимеръ: (4) «То ти, брате, велико добро створиши Русьскои земли». И посласта къ Дѣдви и к Олгови (6611 / 1103).**

С одной стороны, использование обращения в (28.4) позволяет перейти от прескриптивного КЭ к экспликативному (при этом коммуникативная инициатива переходит от князя Святополка к князю Владимиру), с другой — так же, как и в (27), поддерживает высокий статус диалога в целом, подчеркивая его исключительную важность, а также усиливает степень положительной оценки в произнесенной похвале.

⁴⁴ При этом, безусловно, экспликативная реплика (27.3) побуждает его к такому решению, по сути являясь скрытой прескрипцией «*Вы не правы, поэтому давайте поступим иначе*».

⁴⁵ Как известно, в ПВЛ обнаруживается значительное количество соотносимых друг с другом фрагментов; к их числу относятся, в частности, диалогические фрагменты (27) и (28) в ст. 6619 (1111) и 6611 (1103) годов, в которых обсуждается возможность совместного похода против половцев.

Столь же часто, как и в (27) и (28), обращение «**братѣ!**» встречается и в репликах фрагмента (29):

(29) **И́ нача Свѣтополкъ гл҃ти:** (1) «**Встани на сѣтѣокъ**». **И рече Васи-**
лко: (2) «**Не могу, братѣ, встати. Оуже есмь повелѣнъ товаромъ понти**
передн». **Давыдъ же сѣдаше аки нѣмъ. И рече Свѣтополкъ:** (3) «**Завѣтро-**
каи, братѣ!» (4) **И вѣщаша Василко завѣтрокати. И рече Свѣтополкъ:**
(5) «**Посидита вы здѣ, а газъ лѣзѣ, наражу**». **И лѣзе вонъ, а Дѣдъ**
с Васиномъ сѣдоста. И нача Василко глати ко Давыдови, и не бѣ в
Давыдѣ гласа и ни послушанья, бѣ бо ужаслѣся и лѣсть имѣа въ
ср҃дцѣ. И посѣдѣвъ мало, Давыдъ рече: (6) «**Гдѣ есть братъ?**» **Вни же**
рекоша ему: (7) «**Стоитъ на сѣнехъ**». **И вѣставъ, Давыдъ рече:** (8) «**Атъ**
ндѣ по нь, а ты тѣ, братѣ, посѣди». **И, вѣставъ, Дѣдъ лѣзе вонъ. И тако**
выступн Давыдъ, и запроша Василка въ.е. нога, и шковавшѣ въ двоѣ
шковы, и приставиша к нему сторожѣ на ночь (6605 / 1097).

В (29) слово «**братъ**» используется 4 раза — 3 раза как обращение (в инициальных репликах 29.3 и 29.8 и реактивной 29.2) и 1 раз, в реплике (29.6), как подлежащее. В трех случаях оно произносится князьями Святополком и Давыдом — братьями князя Василько, которые собираются его предать, и их вероломство во многом подчеркивается тем, что они называют братом того, кто по их приказу будет сейчас схвачен и вскоре ослеплен.

Помимо этого обращение «**братѣ!**» в (29) имеет и другие функции: в реплике (29.2) оно используется говорящим как средство реализации особой *рече-поведенческой тактики* (далее — РПТ)⁴⁶, позволяющей «смягчить» отказ, сделать его менее обидным для собеседника; в реплике (29.3) оно позволяет говорящему, получившему отказ, перейти к новой прескрипции — осуществить вторую попытку добиться необходимого результата, после того как, казалось бы, диалог был завершен, поскольку репликой (29.2) были «закрыты» отношения иллюкутивного вынуждения по отношению к (29.1)⁴⁷.

Как мы видим, использование обращений в (27.2), (27.5), (28.4) и (29.3) позволило говорящему перейти к новому КЭ: от одного прескриптивного к следующему прескриптивному (см. 27.2 и 29.3), от прескриптивного — к экспликативному (см. 28.4), от экспликативного — к прескриптивному (см. 27.5). Устанавливаются и другие подобные соотношения:

(30) **Рече же Володимиръ:** (1) «**Что что радѣ сниде Бѣ на землю и**
страсть такѣ пригати?» **Вѣщавъ же, рече философъ:** (2) «**Аще хощеши,**
кнѣже, послушати из начала, что радѣ сниде Бѣ на землю?» **Володимиръ**
же рече: (3) «**Послушаю радѣ**». **И нача философъ глати сице:** (4) «**Въ на-**
чало испѣрва створи Бѣ небо и землю въ. а. днѣ. <...>» (6494 / 986).

⁴⁶ О рече-поведенческих тактиках см. [Верещагин, Костомаров, 2005].

⁴⁷ Об отношениях иллюкутивного вынуждения см. [Баранов, Крейдлин, 1992].

Фрагмент (30) представляет собой своеобразную коммуникативную «матрешку»: внутри информативного КЭ (30.1)+(30.4) обнаруживается еще один информативный КЭ (30.2)+(30.3); произнесение обращения в (30.2) помогает говорящему перехватить коммуникативную инициативу — задать встречный вопрос, который направит интерес собеседника в нужное русло и позволит расширить содержание реплики (30.4), которая структурно является ответом на (30.1), но содержит информацию, соотносимую с (30.2);

(31) **Съзва вѣлашѣ меръ волары своя и старци градскыя и рече имъ:** (1) «**Се прихоща къ мнѣ болгаре <...> Да что оумъ придасте? Что ѡвѣщаете?»** И рѣша богаре и старци: (2) «**Вѣси, княже, како своего никтоже не хвалитъ, но хвалитъ. Аще хоцещи испытати гораздо, то имаши оу собе мѹжи: пославъ, испытан испытан когождо и х службу и како служитъ Бѹ».** (3) **И быше любя рече князю и всемъ людемъ. Избраша мѹжи добры и смыслены числомъ. <...>** (6495 / 987).

Реплика (31.2), в которой используется обращение, с одной стороны, является реактивной в информативном КЭ (31.1)+(31.2), а с другой — представляет собой инициальную реплику прескриптивного КЭ, в котором реакцией на предложение бояр и старцев стали последующие действия князя и его людей (31.3).

Использование обращений в (32.2) также помогает говорящему перейти от информативного КЭ (32.1)+(32.2) к прескриптивному КЭ (32.2), произнесение которого позволило добиться перлокутивного эффекта (32.3):

(32) **Всеволодъ же приде къ братѹ своему Изяславѹ Киеву и, цѣловаша, сѣдоста.** (1) **Всеволодъ же исповѣда ему все бывшее.** И рече ему Изяславъ: (2) «(2.1) **Брате, не тужи! Видиши бо, колко съ мнѣ склочи зла? Первое бо, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? И паки, кюю винѹ створилъ есмь? Не изгнаста ли вы мене, брата своя? И не блуди ли по чужимъ землямъ, имѣнья лишенъ выхъ, не створи зла ничтоже?** (2.2) **И нынѣ, брате, не туживѣ! Аще будетъ нама причастье в Рускон землѣ, то вѣѣма. Аще лишена будетъ, то вѣѣма. Гдѣ сложу главѹ свою за тѣа».** (3) **И се рекъ, ѹтѣши Всеволода и повебра збрати воѣ ѡ мала до велика** (6586 / 1078).

Таким образом, *использование обращения в реплике, которая не является первой в КС, часто маркирует переход к новому КЭ*; в тех случаях, когда эта реплика является реактивной, говорящим перехватывается коммуникативная инициатива, а сама произносимая реплика структурно относится к двум КЭ — является одновременно последней реактивной репликой предшествующего КЭ и первой инициальной последующего. Способность обращения осуществлять членение коммуникативного события на коммуникативные эпизоды — одно из проявлений *сегментирующей функции*, свойственной этой языковой единице.

Во фрагменте (32) также следует обратить внимание на повторное употребление обращения в (32.2.2). Высказывание «**ї нынѣ, бра^т, не тѹживѣ!**» представляет собой незначительно трансформированное (32.2.1) «**Братѣ, не тѹжи!**» и должно восприниматься как аллюзия к этому призыву. При этом, устанавливая тождественные элементы этих *речевых шагов*⁴⁸ (лексический состав, порядок слов, наличие обращения, коммуникативная форма высказывания), собеседник должен обратить внимание на детали, их различающие: «**ї нынѣ**» соотносит нынешние беды князя Всеволода с теми, что преследовали князя Изяслава и о которых он только что рассказал, а употребление формы двойственного числа «**не тѹживѣ**» вместо единственного «**не тѹжи**» позволяет князю Изяславу перейти к новому *речевому ходу*⁴⁹, в котором он использует РПТ «солидаризация с адресатом»⁵⁰.

В качестве средства создания своеобразной аллюзии можно оценить и использование обращения в реактивной реплике (33.2):

(33) **И повѣдаша Волѣѣ, тако деревляни придоша, и възва Волга к собѣ и рѣ имъ: (1) «Добрѣ, гостѣе, придоша?» И ркоша древлане: (2) «Придохомъ, княгини» (6453 / 945).**

Установление контакта между собеседниками в столь редком для ПВЛ фатическом диалоге достигается за счет произнесения «симметричных» высказываний, включающих нарочитое название друг друга при помощи обращений, которое позволяет определить социальные роли коммуникантов по отношению друг к другу: в настоящий момент для княгини Ольги древлане *гости*, а не убийцы ее мужа; для древлан их собеседник *княгиня*, а не вдова убитого ими врага.

⁴⁸ *Речевой шаг* представляет собой минимальную коммуникативную единицу, обладающую определенной иллокутивной функцией и соотносимую с другими речевыми шагами. Связанные друг с другом речевые шаги могут образовывать *речевой ход* — коммуникативную единицу, обладающую глобальной иллокутивной функцией, которая равна иллокутивной функции одного из речевых шагов или выводимой на основе соотношения иллокутивных функций нескольких (или всех) речевых шагов, составляющих речевой ход. Именно иллокутивная функция речевого хода определяет принадлежность высказывания к тому или иному типу диалога. Одна реплика говорящего может включать несколько речевых ходов; например, в тех случаях, когда граница между коммуникативными эпизодами проходит не между репликами коммуникантов, а внутри одной реплики, последняя включает в себя как минимум два речевых хода. В то же время реплика может состоять из одного речевого хода, а тот, в свою очередь, состоять из одного речевого шага.

Термины *речевой шаг* и *речевой ход* используются нами в тех случаях, когда необходимо обратить внимание на структуру реплики в целом, оценив то, какое место в ней занимают элементы, ее составляющие, и то, как они соотносятся друг с другом.

Подробнее о понятиях *речевой ход* и *речевой шаг* см. [Савельев, 2016].

⁴⁹ См. сноску 48.

⁵⁰ В последующей части реплики говорится о единстве братьев.

Схожим образом можно оценить и использование обращений в (34) и (35):

(34) По семь же приде Федосии и сѣдоша оу него, вному же изнемогающую, възрѣвъ на игумена и рече: (1) «Не забываи, игумене, еже ми еси ночесь шѣщалъ». И разумѣ Федосии великин, тако видѣние вѣди, и рече ему: (2) «Брате Дѣмыане! Ѣже ти есмь шѣщалъ, то ти вуди» (6582 / 1074),

(35) Она же, хотѣши домовни, приде къ патриарху, блгѣвниа просащи на домъ, и рѣе ему: (1) «Люде мои погани и снѣ мои, да бы мѧ Бѣ съблжолъ ѿ всѧкаго зла». И рѣе патриархъ: (2) «(2.1) Чадо вѣрное! (2.2) Въ Хѣа крѣстиласѧ еси и въ Хѣа шблечесѧ, (2.3) и Хѣъ съхранитѣ тѧ <...>. И благослови ю патриархъ (6463 / 955).

Выбираемый способ именования собеседника отражает отношение говорящего к нему, и это особенно ярко проявляется в (35.2): (35.2.2) представляет собой цитату, восходящую к Гал. III, 27, при этом в предыдущем стихе, т.е. в Гал. III, 26, обнаруживается речение, которое, на наш взгляд, является источником обращения «чадо вѣрное!»:

— Христинопольский Апостол сер. XII века (цит. по [Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice, 1896: 184])

к̄с. (1) вси бо вы снове вѣжи ксте вѣрою о хѣѣ ісѣ.

к̄з. (2) Ѣлико бо въ хѣа хрѣстисте сѧ, въ хѣа облѣкосте сѧ.

— Толковый Апостол 1220 года (цит. по [Воскресенский, 1908: 198])

к̄с. (1) вси бо вы снѣвѣ вѣжи ксте вѣрою о хѣѣ ісѣ.

к̄з. (2) к̄лико бо въ хѣа крѣстистесѧ. въ хѣа облѣкостесѧ.

Апостол Павел говорит о том, что через *веру* обретается человеком его *сыновнее отношение* к Господу, и обращение «чадо вѣрное!» содержит эту скрытую предикацию; употребляя его, патриарх свидетельствует, что, уверовав, княгиня Ольга обрела отцовское заступничество Господа, о чем и говорит далее в (35.2.3). Таким образом, произнесение точного слова, называющего собеседника, позволяет говорящему реализовать не только номинативную, но и *характеризующую функцию* обращения, и такое использование обращения встречается в диалогах ПВЛ неоднократно.

Возвращаясь к фрагменту (33), заметим, что установленная связь между типом высказывания (речевым жанром, которому оно принадлежит, — «приветственные вопросы и ответы»), и употреблением в нем обращения обнаруживается не только при описании фатической коммуникации. Так, обращение произносится в реактивных репликах в тех случаях, когда говорящий дает клятву, как это происходит в (27.5), (28.3) и приводимом ниже (36.2):

(36) **Г**Арославъ <...> рѣ имѣ на вѣчѣхъ: (1) «**В**ѣць мои оумерлъ, а **С**ѣпоплкѣ сѣднть в **К**ыевѣ, избивага братью свою». И рѣша новгородьцѣ: (2) «**А**ще, **к**наже, братья наша исѣченѣ сѣтъ, можемь по тобѣ бороти» (6523 / 1015).

Использование обращения характерно для высказываний, иллюкутивную функцию которых можно определить как «мягкий отказ»⁵¹:

(37) **К**назь же, се слышавъ, и рад быѣ и посла по нь борзо, и приведоша и ко князю, (1) и князь повѣда емү вса. **С**ыи же рѣе: (2) «(2.1) **К**наже! **Н**е вѣмь, могу ли с него. (2.2) Да искусите ма. **Н**ѣтъуть ли вола велика и силна?» (3) **И** налѣзоша волъ силенъ (6501 / 993) — смягчение отказа в (2.1) позволяет говорящему перейти к прескрипции (2.2).

Особо следует сказать об использовании обращения в следующем фрагменте:

(38) **И** приспѣ всень, и поманү **В**легъ конь свои, иже вѣ поставилъ кормити, не всѣдати на нь. **Б**ѣ во преже вѣпрошалъ волъхвовъ и кудесникъ: (1) «**В**ъ чего ми естъ оумрети?» И ре емү **в**динъ кудесникъ: (2) «**К**наже! **К**онь, егоже любнши и ѣздиши на немѣ, **в**ъ того ти оумрети» (6420 / 912).

Князь Олег обращался не к одному адресату, а к нескольким и, вероятно, задавал свой вопрос не один раз, а до тех пор, пока не получил ответ; при этом в качестве ответа приводится реплика вполне конкретного кудесника, который и смог ответить на вопрос князя. Переход от описания повторяющегося коммуникативного события к единичному осуществляется, как нам кажется, за счет упоминания конкретного коммуниканта (**вдинъ кудесникъ**) и использованного им обращения, фокусирующего внимание адресата на ответе (**фокусирующая функция**).

* * *

Подводя промежуточные итоги исследования, заметим, что, как оказалось, употребление обращения в древнерусском тексте определяется рядом взаимосвязанных факторов (тип адресанта, тип адресата, контактный vs. дистантный характер коммуникации, коммуникативный тип диалога, принадлежность определенному речевому жанру, место реплики в структуре диалога), при этом обращения используются не только в апеллятивно-вокативной, но и в других функциях (показатели межличностных отношений, показатели перехода к новому коммуникативному эпизоду или речевому ходу (сегментирующая функция), средства реализации

⁵¹ См. также (29.2).

рече-поведенческой тактики, характеризующая функция, фокусирующая функция). При этом список функций, свойственных данной языковой единице, не исчерпывается установленными выше: рассмотрение функционирования обращений в ПВЛ будет продолжено в нашей следующей статье.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Балакай А.А.* Этикетные обращения. Функционально-семантический и лексикографический аспекты: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новокузнецк, 2005.
- Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2.
- Барнет В.* К принципам строения высказываний в разговорной речи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: Современная зарубежная русистика. М., 1985.
- Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М., 2005.
- Брандт Р.Ф.* Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками. Выпуск 1 // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1894. Книга 1 (168). М., 1894а.
- Брандт Р.Ф.* Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками. Выпуск второй // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1894. Кн. 3 (170). М., 1894б.
- Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 2000.
- Велтистова А.В.* Обращение и близкие к нему конструкции в русском и английском языке // Славянское языкознание. Сборник статей. М., 1959.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005.
- Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. 3-е изд. М., 2007.
- Воскресенский Г.А.* Древнеславянский Апостол. Вып. 3, 4 и 5. Послания св. апостола Павла к коринфянам II-е, к галатам и к ефесянам по основным спискам четырех редакций рукописного славянского апостольского текста. Сергиев Посад, 1908.
- Гольдин В.Е.* Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987.
- Гольдин В.Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. М., 2007.
- Дворная З. М.* Коммуникативно-функциональные особенности обращения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.

- Дементьев В.В.* Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1.
- Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. М., 2010.
- Демьянков В.З.* «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
- Земская Е.А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Иванова Т.А.* К истории древнеславянской звательной формы // Советское славяноведение. 1979. № 1.
- Изотова Н.В.* Диалогические структуры в языке художественной прозы А.П. Чехова: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Издание четвертое, стереотипное. М., 2006.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Кузнецова Л.К.* Особенности функционирования обращения в богословском дискурсе // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. № 3.
- Лантвева О.А.* Русский разговорный синтаксис. 2-е изд., стереотип. М., 2003.
- Мизин О.А.* Функция обращения в современном русском языке // Вопросы методики преподавания русского языка и литература. Минск, 1973.
- Михайлов А.В.* Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Вып. 1. Главы 1–12. Варшава, 1900.
- Мкртчян Т.Ю., Гилева Я.Ю.* Обращение как маркер вежливого/грубого речевого поведения коммуникантов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Вып. 29. Тверь, 2014.
- Нестерова Т.В.* Прагматика обращений-антропонимов // Русский язык за рубежом. 2001. № 4.
- Николаева Т.М.* История звательной формы в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1972.
- Николаева Т.М.* Взаимоотношение лексико-семантических факторов в истории вокатива (на материале летописей) // Языковые уровни и их взаимодействие. Казань, 1990.
- Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. 2-е изд., стереотип. М., 2004.
- Онипенко Н.К.* Способы установления речевого контакта, обращение // Русский язык в школе. 1993. № 6.
- Остин Дж.* Избранное. М., 1999.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. 2-е изд. М., 2001.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001.

- Пляскова Е.А.* История обращения в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.
- Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I: XI–XII века. СПб., 2000.
- Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
- Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археографическою комиссиею Академии наук СССР. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
- Рыжова Л.П.* Коммуникативные функции обращения // Семантика и прагматика синтаксических единств. Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1981.
- Рыжова Л.П.* Обращение как компонент коммуникативного акта: Дисс. ... канд. филол. наук. Калинин, 1982.
- Савельев В.С.* Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания: сообщения о бывшем, настоящем и будущем (на материале «Повести временных лет») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 2.
- Савельев В.С.* Молитва в «Повести временных лет» (статья 1) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 6.
- Савельев В.С.* Молитва в «Повести временных лет» (статья 2) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 1.
- Северьянов С.* Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Пг., 1922.
- Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
- Сорокина Е.А.* Индоевропейские истоки обращения в древнерусском и древнеанглийском языках: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002.
- Хундснуршер Ф.* Основы, развитие и перспективы анализа диалога // Вопросы языкознания. 1998. № 2.
- Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники. Текст ст. подгот. М.Д. Приселков // Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды Отдела древнерусской литературы. 1940. Т. IV. М.; Л., 1940.
- Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 3-е изд. М., 2001.
- Ширяев Е.Н.* Семантико-синтаксическая структура разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. М., 2007.

- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е (репринтное) изд. М., 1998.
- Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti. Edidit Aemilianus Kałużniacki. Vindobonae, 1896.
- Ostrowski D. Quotations from the Psalms in the Povest' vremennykh let // Tenth Annual Winter Workshop in Medieval and Early Modern Slavic Studies, UCLA, Los Angeles, CA, February 24, 2006.

Victor S. Savelyev

THE FUNCTIONS OF ADDRESSES IN THE DIRECT SPEECH OF THE HEROES OF “THE TALE OF BYGONE YEARS” (Article 1)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article is devoted to the use of addresses in oral utterances of the characters in *The Tale of Bygone Years*. We examine the factors that determine the use of addresses: the type of the speaker, the type of the addressee, a contact vs. distant character of communication, the communicative type of the dialogue, the place of the response in the structure of the dialogue. We determine some functions of addresses in non-translatational dialogic fragments: markers of interpersonal relationship, the means of implementing speech-behavioral tactics, the segmenting function, the focusing function, the characterizing function.

Key words: The Tale of Bygone Years; functions of language units; address.

About the author: *Victor S. Savelyev* — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University (e-mail: alfertinbox@mail.ru).

References

- Arutyunova N.D. *Nominaciya i tekst. Yazykovaya nominaciya. Vidy naimenovanij*. М., 1977.
- Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka*. 2-e izd., ispr. М., 1999.
- Balakaj A.A. *Etiketnye obrashcheniya. Funkcional'no-semanticheskij i leksikograficheskij aspekty*: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Novokuzneck, 2005.
- Baranov A.N., Krejdlin G.E. Illokutivnoe vynuzhdenie v strukture dialoga. *Voprosy yazykoznaniya*. 1992. № 2.
- Barnet V. K principam stroeniya vyskazyvanij v razgovornoj rechi. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XV: Sovremennaya zarubezhnaya rusistika*. М., 1985.

- Borisova I.N. *Russkij razgovornyj dialog. Struktura i dinamika*. M., 2005.
- Brandt R.F. Grigorovichev parimejnik v slichenii s drugimi parimejnikami. Vyp. 1. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej Rossijskikh*. 1894. Kniga 1 (168). M., 1894a.
- Brandt R.F. Grigorovichev parimejnik v slichenii s drugimi parimejnikami. Vypusk vtoroj. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej Rossijskikh*. 1894. Kn. 3 (170). M., 1894b.
- Van Dejk T.A. *Jazyk. Poznanie. Kommunikaciya*. M., 2000.
- Veltistova A.V. Obrashchenie i blizkie k nemu konstrukcii v russkom i anglijskom yazyke. *Slavyanskoe yazykoznanie. Sbornik statej*. M., 1959.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy*. M., 2005.
- Vinokur T.G. *Govoryashchij i slushayushchij. Varianty rechevogo povedeniya*. 3-e izd. M., 2007.
- Voskresenskij G.A. *Drevneslavyanskij Apostol*. Vyp. 3, 4 i 5. Poslaniya sv. apostola Pavla k korinfyanam II-e, k galatam i k efesyancam po osnovnym spiskam chetyrekh redakcij rukopisnogo slavyanskogo apostol'skogo teksta. Sergiev Posad, 1908.
- Gol'din V.E. *Obrashchenie: teoreticheskie problemy*. Saratov, 1987.
- Gol'din V.E. Imena rechevyh sobytij, postupkov i zhanry russkoj rechi. *Antologiya rechevyh zhanrov. Povsednevnyaya kommunikaciya*. M., 2007.
- Dvornaya 3. M. *Kommunikativno-funkcional'nye osobennosti obrashcheniya v sovremennom russkom yazyke: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk*. SPb, 1995.
- Dement'ev V.V. Izuchenie rechevyh zhanrov. Obzor rabot v sovremennoj rusistike. *Voprosy yazykoznanija*. 1997. № 1.
- Dement'ev V.V. *Teoriya rechevyh zhanrov*. M., 2010.
- Dem'yankov V.Z. "Teoriya rechevyh aktov" v kontekste sovremennoj zarubezhnoj lingvisticheskoj literatury. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. XVII. M., 1986.
- Zemskaya E.A. Osobennosti russkoj razgovornoj rechi i struktura kommunikativnogo akta. *Slavyanskoe yazykoznanie. VIII Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Zagreb — Lyublyana, sentyabr' 1978 g. Doklady sovetskoj delegacii*. M., 1978.
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M. YU. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. M., 1998.
- Ivanova T.A. K istorii drevneslavyanskoj zvatel'noj formy. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 1979. № 1.
- Izotova N.V. *Dialogicheskie struktury v yazyke hudozhestvennoj prozy A.P. Chekhova: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk*. M., 2006.
- Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. Izdanie chetvertoe, stereotipnoe*. M., 2006.
- Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika*. M., 2000.
- Kuznecova L.K. Osobennosti funkcionirovaniya obrashcheniya v bogoslovskom diskurse. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Social'no-gumanitarnye nauki"*. 2016. № 3.

- Lapteva O.A. *Russkij razgovornyj sintaksis*. 2-e izd., stereotip. M., 2003.
- Mizin O.A. Funkcija obrashcheniya v sovremennom russkom yazyke. *Voprosy metodiki prepodavaniya russkogo yazyka i literatura*. Minsk, 1973.
- Mihajlov A.V. *Kniga Bytiya proroka Moiseya v drevneslavyanskom perevode*. Vyp. 1. Glavy 1–12. Varshava, 1900.
- Mkrtchyan T. Yu., Gileva Ya. Yu. Obrashchenie kak marker vezhlivogo/grubogo rechevogo povedeniya kommunikantov. *Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*. Vyp. 29. Tver', 2014.
- Nesterova T.V. Pragmatika obrashchenij-antroponomov. *russkij yazyk za rubezhom*. 2001. № 4.
- Nikolaeva T.M. *Istoriya zvatel'noj formy v russkom yazyke*: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Kazan', 1972.
- Nikolaeva T.M. Vzaimootnoshenie leksiko-semanticheskikh faktorov v istorii vokativa (na materiale letopisej). *Yazykovye urovni i ih vzaimodejstvie*. Kazan', 1990.
- Nikolaeva T.M. *Semantika akcentnogo vydeleniya*. 2-e izd., stereotip. M., 2004.
- Onipenko N.K. Sposoby ustanovleniya rechevogo kontakta, obrashchenie. *russkij yazyk v shkole*. 1993. № 6.
- Ostin Dzh. *Izbrannoe*. M., 1999.
- Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu*. 2-e izd. M., 2001.
- Peshkovskij A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii*. 8-e izd. M., 2001.
- Plyaskova E.A. *Istoriya obrashcheniya v russkom yazyke*: Diss. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2002.
- Povest' vremennyh let. Podgotovka teksta, perevod i kommentarii O.V. Tvorogova. Biblioteka literatury Drevnej Rusi*. T. I: XI–XII veka. SPb., 2000.
- Polnoe sobranie russkikh letopisej, izdannoe po Vysochajshemu povelению Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Komissieyu*. T. 2: Ipat'evskaya letopis'. 2-e izd. SPb., 1908.
- Polnoe sobranie russkikh letopisej, izdavaemoe postoyannoyu Istoriko-arheograficheskoy komissieyu Akademii nauk SSSR*. Tom pervyj. Lavrent'evskaya letopis'. Vyp. 1: Povest' vremennyh let. 2-e izd. L., 1926.
- Potebnaya A.A. *Iz zapisok po russkoj grammatike*. T. 1–2. M., 1958.
- Ryzhova L.P. Kommunikativnye funkcii obrashcheniya. *Semantika i pragmatika sintaksicheskikh edinstv. Mezhhuzovskij tematiceskij sbornik*. Kalinin, 1981.
- Ryzhova L.P. *Obrashchenie kak komponent kommunikativnogo akta*: Diss. ... kand. filol. nauk. Kalinin, 1982.
- Savel'ev V.S. Drevnerusskie illokutivno polifunkcional'nye vyskazyvaniya: soobshcheniya o byvshe, nastoyashchem i budushchem (na materiale "Povesti vremennyh let"). *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya*. 2016. № 2.
- Savel'ev V.S. Molitva v "Povesti vremennyh let" (stat'ya 1). *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2017. T. 76. № 6.

- Savel'ev V.S. Molitva v "Povesti vremennykh let" (stat'ya 2). *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2018. T. 77. № 1.
- Sever'yanov S. *Sinajskaya psaltyr'. Glagolicheskij pamyatnik XI v. Pg*, 1922.
- Serl' Dzh. R. Kosvennyye rechevye akty. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVII*. M., 1986.
- Sorokina E.A. *Indoevropejskie istoki obrashcheniya v drevnerusskom i drevneanglijskom yazykah*: Diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2001.
- Formanovskaya N.I. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod*. M., 2002.
- Hundsner F. Osnovy, razvitie i perspektivy analiza dialoga. *Voprosy yazykoznanija*. 1998. № 2.
- Shahmatov A.A. "Povest' vremennykh let" i ee istochniki. Tekst st. podgot. M.D. Priselkov. Akademiya nauk SSSR. Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom). *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. 1940. T. IV. M.; L., 1940.
- Shahmatov A.A. *Sintaksis russkogo yazyka*. 3-e izd. M., 2001.
- Shiryaev E.N. Semantiko-sintaksicheskaya struktura razgovornogo dialoga. *russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2001. № 1.
- Shmeleva T.V. *Model' rechevogo zhanra. Antologiya rechevykh zhanrov. Povsednevnyaya kommunikaciya*. M., 2007.
- Yazykoznanie. Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar'*. Gl. red. V.N. Yarceva. 2-e (reprintnoe) izd. M., 1998.
- Yanko T.E. *Kommunikativnye strategii russkoj rechi*. M., 2001.
- Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti*. Edidit Aemilianus Kałużniacki. Vindobonae, 1896.
- Ostrowski D. *Quotations from the Psalms in the Povest' vremennykh let*. Tenth Annual Winter Workshop in Medieval and Early Modern Slavic Studies, UCLA, Los Angeles, CA, February 24, 2006.

Я.Л. Забудская

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ПЯТИАКТНОГО ДЕЛЕНИЯ ДРАМЫ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Несмотря на распространенное мнение, основанное на изданиях, драмы Плавта и Теренция не являются примером, подтверждающим наличие пятичастного формата в римской драме, — они были разделены на пять актов позже (Теренций — позднеантичным комментатором Донатом, Плавт — издателями эпохи Ренессанса). Это означает, что, вопреки хронологии, не Плавт и Теренций повлияли на Горация, а Гораций на них. По-настоящему надежным подтверждением пятичастной схемы является лишь «Дискол» Менандра и драмы Сенеки (за исключением «Эдипа»). В качестве источника происхождения пятиактного деления рассматривается риторическая теория, в которой представлена идея соотношения количественной и качественной организации материала. Критерии для разделения на «акты» в античной драме различны — песня хора, уход со сцены всех персонажей, временное «зияние», — но все они не соответствуют тому принципу смыслового структурирования, который приобрел пятиактный формат в европейской драме.

Ключевые слова: жанр; драма; акт; структура; рецепция.

Нормативное требование Горация (*neve minor neu sit quinto productior actu / fabula. Epist. II. 3. 189–190*) стало одной из основ европейской классической драматургии, хотя в *Ars Poetica* в столь отчетливом виде оно зафиксировано первый и единственный раз. Нельзя сказать, что это правило надежно представлено в римской литературе: его практическое воплощение мы видим лишь у Сенеки (с исключением — его «Эдип» имеет шесть актов). В силу важности роли, которую предложенное Горацием правило играет в истории драмы (так, Расин в свое время отказался от сюжета «Ифигении в Тавриде», потому что там не хватало действия на пять актов), вполне логичным и интересным предстает вопрос об истоках данного положения Горация.

Забудская Яна Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: yanazabud@mail.ru).

По причине отсутствия надежных данных о римской трагедии, предшествовавшей *Arg Poetica* (и ранние драматургические опыты Ливия Андроника, Энния, Невия, Пакувия и Акция, и более близкие по времени Горацию драмы Вария и Овидия известны лишь по названиям и фрагментам), единственным источником тезиса Горация на римской почве становятся комедии Плавта и Теренция. Однако, как это иногда случается с «общими местами», внимательное рассмотрение вопроса может привести к их опровержению. Теренций употребляет *actus* в соответствующем значении в прологе «Свекрови» (*primo acto placeo*), но без количественных уточнений. Сам по себе пятиактный формат пьес Теренция — это результат работы его комментатора IV в. н.э. Элия Доната, который называет своим источником Варрона¹. В комментарии Сервия, в целом опирающегося на Доната, некоторые деления на акты отличаются от предложенных Донатом, и приводится деление комедии «Сам себя наказывающий», не сохранившееся в версии Доната, что подтверждает отсутствие надежной традиции в рукописях до IV в., т.е. традиции, которую можно возвести к самому Теренцию. Комедии Плавта получили 5-актный формат лишь в эпоху Ренессанса: в рукописях и первых четырех изданиях они не делились на акты, о делении на части речь заходит лишь в пятом издании Петра Валлы (1499). В шестом издании Иоанна Баптиста Благодетельного (1500) появляется пятиактное деление, но оно не включается в текст, а приводится в предисловиях к комедиям. Полноценное пятиактное деление текста Плавта осуществлено только в издании Николая Ангелия в 1514 г., в том же издательстве Junta во Флоренции, где были изданы разделенные на акты комедии Теренция: мы видим здесь не столько обязательный подход, основанный на общеизвестной точке зрения, сколько волю издателя. Иначе говоря, вопреки хронологии, не Плавт и Теренций повлияли на Горация, а Гораций на них, и пятиактный формат применительно к обоим является скорее европейским, чем античным наследием.

Нужно заметить, что в комментарии Доната принципом деления является смысловое структурирование сюжета, и специально оговаривается трудность в определении точного места деления². В предисловии к «Андриянке» он замечает, что уход со сцены всех действующих лиц — аналог музыкальной интерлюдии (песни хора или выступления флейтиста), что может быть рассмотрено как раз-

¹ Болдуин считает это достаточным, чтобы отнести деление к самому Теренцию, — вот только зачем тогда Донату обосновывать деление и отсылать к Варрону? *Baldwin T.W. Shakespeare's Five-Act Structure. Urbana, 1947. P. 22.*

² *Aelius Donatus Commentum Terenti / Ed. Paulus Wessner, 3 vols., Leipzig 1902–1908. Vol. 1, P. 18, vol. 2 P. 4; Baldwin. Op.cit. P. 29.*

деление актов. В развитие идеи Доната в современных исследованиях основной критерий для деления римской комедии на акты — это отсутствие актеров на сцене, что маркируется сообщением персонажа о намерении уйти, а образцами и источниками такого деления считаются утраченные греческие оригиналы [Burckhardt, 1927; Foster, 1914].

Ближайшим греческим источником оказывается Новая комедия Менандра, где пятиактный принцип считается стандартным. Признак деления на части-«акты» в ней иной — это песня хора, точнее, указание на хоровые вставки, обозначенные в текстах, как *ΧΟΡΟΥ* или *ΚΟΜΜΑΤΙΟΝ ΧΟΡΟΥ*. Однако за исключением «Дискола», единственной комедии, дошедшей до нас целиком, тексты Менандра не дают возможностей для подтверждения принципа *neve minor ne sit quinto* в силу фрагментарности. Рассматривая вышеприведенный пассаж Горация, комментатор Горация Бринк [Brink, 1971: 249] указывает на обозначение посредством хоровых песен начала второго, третьего и пятого «акта» «Щита» и четвертого и пятого «Самиянки» как на подтверждение тезиса Горация. Поскольку обозначения вставок не нумеруются, а мы имеем дело с фрагментами, конкретное число актов для каждой пьесы остается не более, чем гипотезой. Но даже если и на столь малом материале признать это правило обязательным, то пути его формирования остаются неясными.

Следующим (точнее, предшествующим) этапом становится комедия Древняя. Именно в ней зарождается принцип обозначения партий хора без включения их в текст (поздние драмы Аристофана). Принципом деления является хоровая песня, смена персонажей на сцене («пустая сцена»), и добавляется еще один фактор — пауза в действии, предполагающая промежуток времени больший, чем реальная песня хора (критерий, впрочем, отличающийся субъективностью; отметим, что сформулирован он был только во второй половине XX в. и в аспекте рассмотрения именно нашей проблемы) [Hamilton, 1991: 347 f 8; Sommerstein, 1984: 139–52; Zimmermann, 1987: 49–64]. Правда, даже с учетом этих факторов число «актов» колеблется от четырех до семи, хотя некоторое тяготение к числу пять можно признать: на пять «актов» делятся пять комедий Аристофана из девяти, «Облака», «Лягушки», «Мир» и две последние по хронологии драмы, «Женщины в народном собрании» и «Богатство». При этом так называемая пустая сцена в комедии «Женщины в народном собрании» появляется пять раз, а в «Богатстве» — семь, что, конечно, не свидетельствует о строгости системы. Еще два соображения препятствуют признать обязательность пятичастной структуры в Древней комедии: схолий к «Богатству» (ст. 252) специально оговаривает, что Аристофан вводил вставки *ΧΟΡΟΥ* для отдыха и переодевания актеров,

но ничего не говорится о специальной функции деления на части; а если считать ряд вставок ХОРОУ более поздними добавлениями схолиастов, как это делает Бир [Beare, 1955: 49–52] (т.е. хор вставлялся при чтении рукописи там, где ощущается логическая пауза), то большинство подсчетов оказывается лишенным смысла, по крайней мере, для характеристики драматургической техники классического периода. Зато это очень показательно для характеристики обращения в Античности с текстами, которые являются для нас практически единственным источником аргументации. И тот факт, что в разных рукописях вставки находятся в разных местах текста, также говорит о многом. Кроме того, если вернуться к Менандру, то в «Дисколе» мы увидим, что признаки эти не соотносятся: песня хора предполагается четыре раза, что дает нам вожделенные пять актов, а вот пустая сцена обнаруживается еще семь раз, в то время как временная пауза — только дважды [Beare, 1955: 49; Hamilton, 1991: 346–347, 352; Handley, 1953: 55–61, 55–56].

Получается, что при развитии жанра, когда исчезают парабасы, хор утрачивает функцию заполнения пространственного (пустая сцена) и временного промежутка и в Новой комедии становится разделителем сам по себе, без дополнительного значения. Деление на акты — побочная функция хора в комедии, связанная (но необязательно) с двумя другими — восполнением сюжетного «зияния» и сменой персонажей. Римская комедия, в свою очередь, «генеалогически» наследует (либо воспроизводит «генетически», в силу логики жанра) в качестве основного другой принцип разделения — «пустую сцену». Правда, невозможно категорически утверждать, что конечная цель этого разделения — именно число пять. И в любом случае, теоретически этот принцип в эллинизме не описан и даже не упомянут. Кстати, если пометки ХОРОУ у Менандра маргинальны, то они могут быть такими же поздними вставками, как и у Аристофана.

Но не стоит забывать, что у Горация все-таки другой жанр — трагедия. И драмы Сенеки, и теория Горация (195 *medios intercinat actus*) дают вполне очевидное обозначение для разделения — хоровые песни. Иными словами, римская трагедия как бы поделила с комедией изначально объединенные факторы: комедии досталась «пустая сцена», а трагедии — хоры.

Мы располагаем примером теоретического рассмотрения проблем композиции в трагедии — это «Поэтика» Аристотеля. С учетом «составляющих» частей по Аристотелю (*μέρη τῆς τραγῳδίας κατὰ τὸν λόγον* 1452 b 14), схема «правильной» трагедии предположительно должна быть такая: пролог — три эпизодия — эксод, а в качестве «разделителей» должны выступать парод и 3 стасима. Таких трагедий две у Эсхила («Хозэфоры» и «Прометей прикованный»), одна у

Софокла (и это «Филоктет», где место стасимов занимают краткие лирические строфы и коммосы), три у Еврипида — «Гекуба», «Троянки», «Ифигения в Тавриде». Стасимов может быть четыре, но тогда эксод должен примыкать к последнему эпизоду без хоровой песни («Ипполит», «Геракл», «Финикиянки», «Ион» и «Рес»). Получается, что такое строение характеризует по большей части трагедии, не отличающиеся, по мнению большинства исследователей, композиционным совершенством («Геракл», «Финикиянки», «Гекуба», «Троянки»); показательно также наличие в этом списке «Прометея» и «Реса», авторство которых находится под сомнением. Таким образом, если и есть тенденция, то, как и в комедии, она довольно поздняя, и при этом ее нельзя назвать ярко выраженной.

Вполне возможна в трагедии и функция заполнения временного промежутка стасимом хора. Оливер Тэплин [Taplin, 1977: 291] указывает только одну трагедию, где хоровая песнь покрывает временной промежуток — «Эвмениды» Эсхила, но в действительности стасимов, выполняющих аналогичную задачу, в классической трагедии можно насчитать больше (I и II стасим «Агамемнона» Эсхила, II «Трахинянок», II «Просительниц» IV «Андромахи» и «Ифигении в Авлиде» Еврипида), — хотя, безусловно, эта функция не является обязательной для каждой хоровой песни. К тому же изначально ее значение прямо противоположно, не подчеркивание условности протекания времени, а создание иллюзии реальности, — и тогда о «разделяющем» значении уже речи быть не может. Так называемая пустая сцена тоже, конечно, присутствует, но, если сложить все факторы воедино, то картина возможного деления становится еще более пестрой и самыми близкими к совершенству (т.е. сочетающими все факторы-«разделители», образующие пять «актов») оказываются «Гераклиды» — драма, малоизвестная для неспециалистов и вызывающая самые большие нарекания исследователей из-за механистичности объединения сцен и композиции в целом.

Отдельно следует отметить еще одну трагедию, дошедшую до нас только в виде краткого пересказа-ипотезы, — «Этнеянки» Эсхила. Из ипотезы (Р. Оху. 2257, fr. 1) следует, что в драме четыре раза менялось место действия — это означает пятичастную структуру [Schade, 2013: 32], организованную одновременно хорами и приемом «пустая сцена». Но поскольку нам неизвестны прочие особенности драматургии «Этнеянок» (прежде всего количество стасимов), строение этой драмы остается загадкой, а пятичастное деление — гипотезой.

Драма IV в. является своего рода переходным этапом от «древней» трагедии эпохи классики к драме эллинизма. Формирование принципа «хор-разделитель» легко можно было бы объяснить практикой «вставочных песен», охарактеризованных Аристотелем в «Поэтике» в связи с творчеством Агафона. Так называемые эмболима как раз

подходят на роль смыслового «разделителя», но Аристотель в соответствующем месте «Поэтики» об этой функции ничего не говорит. А попытки подтвердить деление на пять частей тремя вставками ΧΟΡΟΥ ΜΕΛΟΣ во фрагментах IV в. [Xanthakis-Karamanos, 1980: 10], на наш взгляд, не совсем убедительны: в каждом из фрагментов (Nector, Oeneus, Medea) ΧΟΡΟΥ встречается только один раз.

Конечно, можно предположить влияние на Горация практики несохранившейся эллинистической драматургии. Но единственный из сохранившихся образцов драматургии александрийской Плеяды — «Александра» Ликофрона — представляет собой пример принципа прямо противоположного — отсутствия деления. Впрочем, жанровая принадлежность «Александры» является вопросом отдельным и неоднозначным — сочетание эпических черт с драматическими позволяет предположить в ней специальный драматический жанр, возможно экспериментальный.

Конечно, само по себе распадение текста большого объема на меньшие по объему части не требует особенных обоснований — вопрос лишь в изначальном происхождении пятиактного формата. Поскольку практика надежного обоснования для цифры 5 не дает, перейдем к теории. Теоретическими источниками Горация традиционно считаются не дошедшие до нашего времени эллинистические трактаты (прежде всего «Поэтика» Неоптолема, по свидетельству комментатора Горация Порфириона), а подразумевается — «Поэтика» Аристотеля, применительно к данному вопросу — уже упомянутые «составляющие» части трагедии (μέρη τῆς τραγῳδίας κατὰ τὸν λόγον 52 b 16). Таких частей у Аристотеля четыре (пролог — эписодий — эксод плюс хоровые части), но может быть при необходимости расширено до пяти (если «хоровая песня, а в ней парод и стасим» посчитать за две). Правда, такое рассмотрение противоречит 55 b 33 «видов трагедии — четыре, столько же было указано и частей» и допускает наличие в трагедии только одного эпизодия. И вообще позволяет говорить о «частях», но не об «актах», традиционно приравниваемых к аристотелевскому (постаристотелевскому) μέρος [Brink, 1971: 248; Coffrey, 1961: 233]. В качестве синонимов к μέρος выступают μόριον и εἶδος — оба неполных: μόριον уже μέρος, а εἶδος — одновременно и «часть», и «вид», и «средство» — шире. К той же группе можно добавить и ἐπεισόδιον в двойном понимании: изначальной «вставки», разделяющей хоры, и драматической части «акта», разделяемой хорами. В переводах все эти слова передаются как «части», но их понимание как «акта» — каждый раз натяжка; при том, что количественные обозначения в методе Аристотеля не редкость, о пяти частях трагедии в таком контексте он не говорит. Во всех «математических выкладках» у Аристотеля нет деления, есть только перечисление (уровни организации материала) — в данном

случае это существенно (лат. *actus* предполагал в себе именно упорядоченное деление в большей мере, чем греч. μέρος и тем более εἶδος и ἐλεῖσθδῖον, и именно в таком значении он употребляется у Варрона и Цицерона). Показательно, что один исследователь прямо так и посетовал на отсутствие у Аристотеля «правильного» термина для «акта» [Goodell, 1910: 71].

Надо заметить, что именно эта глава Поэтики (XII, о частях) большинством комментаторов считается интерполяцией — из-за отсутствия отвлеченности в теории. Джеральд Элс в своем фундаментальном исследовании настаивает на том, что «трагедию» в «Поэтике» нужно понимать как «искусство или идею» [Else, 1967: 362], в то время как автор вставки смешивает абстрактное с конкретным. Тогда понятно и различие в толкованиях: в такой концепции термин «акт» у Аристотеля невозможен — идея на пять не делится, а для сопоставления с *actus* требуется рассмотрение и «трагедии», и ее «частей» в конкретном понимании.

Итак, то, что можно счесть «разделителем», обозначается самыми разными способами: хором, временной паузой, сменой персонажей («пустая сцена»). В результате мы получаем необходимость совмещения двух полярных точек зрения на строение греческой трагедии: представления о простоте формального деления и одновременно о структурной вариативности, что, конечно, исключает ту строгость структурирования, которую пять актов позднее придают классицистической драме.

Внешне вполне соответствующая логике схема «генеалогического» развития пятиактного принципа подтверждается на практике только с очень значительными оговорками. О специальном драматургическом приеме, существующем в эпоху классики нормативно, речи идти не может (по крайней мере, исходя из имеющегося у нас материала); на практике же его можно признать, только если согласиться, что 4 и 6 — тоже почти 5. Вопрос же об авторской преднамеренности и вовсе остается в стороне.

Возможно, Аристотеля не интересуют проблемы «внешнего» членения драмы, в том числе и потому что — в силу все той же «абстрактности» концепции — он не задается вопросами постановочной практики (именно с IV в. начинается развитие «драмы для чтения», ἀναγνώσιχόν), в то время как Гораций, несмотря на всю нормативность его послания, уделяет этому вопросу довольно много внимания (см., например, пассаж о Мее и Кадме, рассуждения о хоре) и именно аспектами зрелищности (*fabula quae posci volt et spectanda geroni*) подтверждает свое *neve minor neu sit quinto*. В любом случае, если пятичастная схема и формируется в эллинистической поэтике, то поначалу именно как дескриптивная, между тем как у Горация

предстает нормативной — и вопрос лишь в причинах, позволивших совершить этот шаг. Одна из них — переход от абстрактного понимания трагедии в «Поэтике» (либо следовавших за ней трактатах Неоптолема и Филодема) к конкретному и в связи с этим — обновление трактовок. Неясным остается и происхождение самого числа пять. Из «Поэтики», как было показано, оно извлекается только с очень большими натяжками, честнее сказать — не извлекается. Скорее оно извлекается из специальных наблюдений над текстами, подобными текстам Менандра — но где все же точка соприкосновения теории и практики? Ведь для сознательного драматургического принципа должна возникнуть теория.

Есть в греческой словесной культуре область, где идея соотношения количественной и качественной организации текста присутствует — это эллинистическая риторика. Именно риторические «техне» были источником для теоретических установок складывающейся науки поэтики. Изначально поэтика складывалась как наука описательная, а нормативной теорией словесности была риторика [Гаспаров, 1997: 529]. Затем они как бы меняются местами (исходно почерпнув формальные приемы из поэтики, риторика как бы «возвращает долги») — и начало этому положил Аристотель, применив в своей «Поэтике» термины и методы риторики. В эллинистической риторике есть число пять — это пять этапов работы над речью, из которых второй — расположение, *dispositio* — имеет непосредственное отношение к композиционной организации материала и тоже в постаристотелевские времена делится на пять частей, непосредственно взятых у Аристотеля: вступление — повествование — доказательство — опровержение — заключение (конечно, совсем хорошо было бы, если б эта схема воспроизводилась непосредственно у Аристотеля, но, увы, Аристотель делит главную часть на две — повествование и доказательство, — что дает только четырехчленный формат). Конечно, прямо соотносить эту схему риторического деления речи с делением трагедии на «акты» — большая натяжка, но идею соотношения количественной и качественной организации текста можно обнаружить только здесь. Косвенное подтверждение такой связи в данном конкретном случае — и то, что Аристотель приводит в качестве примеров риторических вступлений, в том числе и прологи трагедий, и то, что *actus* в одном из своих значений — риторический термин, и признанное влияние именно риторической теории на «Искусство поэзии» Горация.

Впрочем, в ренессансной традиции параллельно с пятичастным принципом существовал и четырехчастный. У Скалигера (*Poetices libri septem* 1562, lib. I, cap. IX) приводится следующее деление трагедии (и комедии) на части, связанное с построением сюжета:

протасис, эпитасис, катастасис, катастрофэ. Это деление заимствовано все у того же Доната (*De comoedia VII, I*): пролог, протасис (*protasis*) — начало действия, эпитасис (*epitasis*) — завязка, катастрофа (*catastrophe*) — развязка). Скалигер наглядно демонстрирует, что четырехчастное деление абсолютно нормативно и потому одинаково для всех драм, оно легко совмещается с пятиактным — что хорошо подтверждает то, что уже говорилось о трагедии как идее (четыре формирующие части, конкретное распределение которых может быть различным) и конкретном произведении (из пяти частей-актов). Схожим примером корреляции может быть только что приведенное соотношение пяти актов драмы и трех частей сюжета у Доната.

Пятичастная схема оказалась предпочтительней, поскольку поэтика ренессансной драматургии разрабатывалась на основе положений Горация. Интересно, что принцип пятиактного деления настиг и собственный труд Горация — *Ars poetica* итальянские и испанские комментаторы тоже структурировали по пятичастной схеме.

Пятиактная структура в европейской драматургии не означает механического деления на пять частей посредством четырех разделителей, каковы бы они ни были, — она означает прежде всего гармонию содержания и формы, подчинение первого второму: пять ключевых моментов сюжета и последовательное развитие от завязки (часть 1) через кульминацию (часть 3) к развязке (часть 5). Этот принцип смыслового структурирования, без какого-то дополнительного функционального значения формальных разделителей, наблюдается уже в ренессансной драме и может быть применен и к пьесам Шекспира. Таким образом, пятиактное деление в европейской драме стало принципом организации сюжета (парадоксальный пример «Ифигении Таврической» у Расина; впрочем, Гете удалось разбить этот сюжет на пять актов), в то время как в драме греческой ничего подобного констатировать мы не можем, а можем лишь отметить различные типы внешних разделителей. На наш взгляд, поиски в античной драме пятичастной схемы, аналогичной европейской, носят очевидный характер «обратной проекции».

Список литературы

- Гаспаров М.Л.* Поэзия и проза — поэтика и риторика // *Избранные труды*. Т. 1: О поэтах. М., 1997.
- Aelius Donatus Commentum Terenti* / Ed. Paulus Wessner. 3 vols. Leipzig, 1902–1908.
- Baldwin T.W.* Shakespeare's Five-Act Structure. Urbana, 1947.
- Beare W.* The Roman stage. L., 1955.

- Beare W.* XOΠOY in the Plutus: a reply to Mr. Handley // *Classical Quarterly*, New series. Vol. 5. 1955. № 1–2. P. 49–52.
- Brink C.O.* Horace on Poetry: the Ars Poetica. Cambridge, 1971.
- Burckhardt G.* Die Akteilung in der neuen griechischen und in der römischen Komödie. Diss. Basel, 1927.
- Coffrey M.* On: Anliker K. Prologe und Akteilung in Senecas Tragödien. (Noctes Romanae, 9) Bern, 1960 // *The Classical Review*. Vol. 11. 1961. N 3. P. 232–233.
- Else G.F.* Aristotle's Poetics: the Argument. Cambridge, 1967.
- Foster F.* The divisions in the plays of Plautus and Terence // *Univ. of Michigan Studies in Language and Literature*. Vol. 1. 1914. No. 3.
- Goodell T.D.* Structural variety in Attic Tragedy // *Transactions and Proceedings of the American philological Association*. Vol. 41. 1910.
- Hamilton R.* Comic acts // *Classical Quarterly* 41 (ii), 1991. P. 346–355.
- Handley E.W.* XOΠOY in the Plutus // *Classical Quarterly*. 1953. 3. P. 55–61.
- Schade G.* Sicily's place in Greek Poetry // *Eos* 2013. P. 13–37.
- Sommerstein A.H.* Act Division in Old Comedy // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1984. 31. P. 139–152.
- Taplin O.* The Stagecraft of Aeschylus. Oxford, 1977.
- Xanthakis-Karamanos G.* Studies in fourth-century tragedy. Athens, 1980.
- Zimmermann B.* L'organizzazione interna delle Commedie di Aristofane // *Dioniso*. 1987. 57. P. 49–64.

Yana L. Zabudskaya

ANCIENT SOURCES OF FIVE-ACT DIVISION IN DRAMA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The plays of Plautus and Terence are not examples that confirm the presence of the five-part format in the Roman drama — they were divided into five acts later (Terence's by Donatus, Plautus' by the Renaissance publishers). This means that, contrary to chronology, it was not that Plautus and Terence influenced Horace, but rather Horace influenced them. A truly reliable evidence of the 5-act scheme is only Menander's "Dyskolos" and Seneca's plays (except for "Oedipus"). The source of the origin of the five-act division can be found in the theory of rhetoric, which presents the idea of the quantitative and qualitative organization of the text. The criteria for division into "acts" in the ancient drama can be different — choruses, an empty stage, time-lapse — but they do not correspond to the principle of semantic structuring of a five-act division in the European drama.

Key words: genre; drama; act/actus; structure; reception.

About the author: *Yana L. Zabudskaya* — Ph. D., associated prof., department of Classics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (e-mail: yanazabud@mail.ru).

References

- Gasparov M.L. Pojezija i proza — pojetika i ritorika. *Izbrannye Trudy*, t. 1: O pojetah. M., 1997.
- Aelius Donatus Commentum Terenti*, ed. Paulus Wessner, 3 vols, Leipzig, 1902–1908.
- Baldwin T.W. *Shakespeare's Five-Act Structure*. Urbana, 1947.
- Beare W. *The Roman stage*. L., 1955.
- Beare W. XOPOY in the Plutus: a reply to Mr. Handley. *Classical Quarterly*, *New series*, vol. 5, 1955, № 1–2, pp. 49–52.
- Brink C.O. *Horace on Poetry: the Ars Poetica*. Cambridge, 1971.
- Burckhardt G. *Die Akteilung in der neuen griechischen und in der römischen Komödie*. Diss. Basel, 1927.
- Coffrey M. On: Anliker K. Prologe und Akteilung in Senecas Tragödien. (Noctes Romanae, 9). Bern, 1960. *The Classical Review*, vol. 11, 1961, N 3, pp. 232–233.
- Else G.F. *Aristotle's Poetics: the Argument*. Cambridge, 1967.
- Foster F. The divisions in the plays of Plautus and Terence. *Univ. of Michigan Studies in Language and Literature*, vol. 1, 1914, No. 3.
- Goodell T.D. Structural variety in Attic Tragedy. *Transactions and Proceedings of the American philological Association*, vol. 41, 1910.
- Hamilton R. Comic acts. *Classical Quarterly* 41 (ii), 1991, pp. 346–355.
- Handley E.W. XOPOY in the Plutus. *Classical Quarterly*. 1953. 3, pp. 55–61.
- Schade G. Sicily's place in Greek Poetry. *Eos* 2013, pp. 13–37.
- Sommerstein A.H. Act Division in Old Comedy. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 1984, 31, pp. 139–152.
- Taplin O. *The Stagecraft of Aeshylus*. Oxford, 1977.
- Xanthakis-Karamanos G. *Studies in fourth-century tragedy*. Athens, 1980.
- Zimmermann B. L'organizzazione interna delle Commedie di Aristofane. *Dioniso*, 1987, 57, pp. 49–64.

В.М. Соколова

МАГИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ГАБРИЭЛЯ ГАРСИЯ МАРКЕСА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье дана характеристика повествовательной журналистики колумбийского писателя Габриэля Гарсия Маркеса. Рассматривается использование в журналистских произведениях приемов, свойственных латиноамериканской литературе, а также показано, при помощи каких средств художественной литературы автор создает свой уникальный стиль. Анализируется «магическая журналистика» Маркеса — повествовательная стратегия, при которой автор прибегает к развернутой гиперболе с целью, с одной стороны, «обойти» цензуру внутри газеты, с другой — убедить и заинтересовать читателя.

Ключевые слова: взаимодействие литературы и журналистики; авторская журналистика; повествовательная журналистика; авторский стиль; средства художественной выразительности; развернутая гипербола.

В последние годы в связи с развитием технологий и появлением огромного потока обезличенных материалов наметилась тенденция при передаче журналистского сообщения использовать более красочный стиль и средства художественной выразительности, углубляя тем самым эстетическую составляющую текста. Даже в информационных жанрах стали появляться элементы художественной литературы. С одной стороны, возникла необходимость заинтересовать читателя и расширить аудиторию, с другой — обогатить и усилить смыслы, продлить жизнь сообщения, отразить в нем и время, и эпоху. Все более актуальным стал вопрос возрождения авторской журналистики¹, все больше востребовано авторское мнение, все чаще делается ставка на авторов, чьи фамилии привлекают читателей. Одновременно создание интеллектуальных машин стало причиной того, что некоторые СМИ попытались заменить журналистов на программы искусственного интеллекта. Однако не существует программ, способных передать уникальный стиль автора, его талант, иронию,

Соколова Вероника Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: veronikasokol@yandex.ru).

¹ См. подробнее: *Тимченко И.* Возвращение авторской журналистики. 2017.

юмор. Каким же может быть этот уникальный стиль, когда читателю даже не нужно искать подпись в конце статьи, потому что он узнает автора с первых строк?

В связи с этим интересен опыт испаноязычных стран, в частности Латинской Америки, где традиционно существовала глубокая взаимосвязь между литературой и журналистикой и авторская журналистика всегда играла и продолжает играть важную роль.

Начиная с последней четверти XX в. некоторые исследователи журналистского сообщения (*comunicación periodística*) сосредоточили внимание на анализе неоднородных по жанру произведений с целью выявить их характерные особенности и сгруппировать под общим названием. Основываясь на теории журналистики, теории литературы, различных областях философии, филологии, социологии и лингвистики (до настоящего момента не очень тесно связанных с журналистикой), специалисты изучили пограничные области обеих дисциплин и признали существование произведений, которые не являются ни чисто журналистскими, ни исключительно литературными, а представляют собой открытые, откровенно субъективные гибридные формы.

В испаноязычном мире для определения жанра, который возник в результате взаимовлияния журналистики и литературы, используют два термина. Первый, более ранний — «Литературная журналистика» (*El periodismo literario*), возник и используется в основном в США и Европе и подразумевает жанр — гибрид с размытыми границами между журналистикой и литературой. Второй, более поздний — «Повествовательная журналистика» (*El periodismo narrativo*) — связан с творчеством писателей-журналистов Латинской Америки и основывается на идее, что стратегия и цель этого жанра — повествовать, т.е. рассказывать. Рассказывать — означает детализировать действия персонажей в определенном времени и пространстве, хороший рассказ не может абстрагироваться от контекста. Эта концепция используется в таких жанрах, как репортаж, хроника, интервью. В отличие от обычных новостных текстов, которые быстро устаревают, произведения повествовательной журналистики не зависят от времени; можно читать очень старую хорошо написанную хронику и наслаждаться художественными приемами, свойственными литературному рассказу. Некоторые ученые полагают, что «литературная журналистика» и «повествовательная журналистика» — это синонимичные понятия, в основе которых лежит сознательное использование средств художественной выразительности для создания журналистских текстов [Hernandez, 2014:7].

Наглядным примером повествовательной журналистики является творчество колумбийского писателя, лауреата Нобелевской премии 1982 г. Габриэля Гарсия Маркеса (1927–2014). Журналистская дея-

тельность Маркеса наиболее интенсивно развернулась в 1950-е годы, а в 1990-е уже всемирно известный писатель основал Международную Школу журналистики и приобрел свой журнал. На протяжении всего творческого пути художественная литература обогащала его журналистские произведения, а журналистика «подпитывала» литературу. Джеральд Мартин — официальный биограф Маркеса отмечает, что существует мнение, согласно которому Маркес обращался к журналистике, когда нуждался в деньгах, либо исчерпывал свое вдохновение для создания литературного произведения. «Правда, однако, заключается в том, что журналистика является неотъемлемой частью его деятельности; он всегда колебался между литературой, которая больше тяготеет к выражению собственного “я”, и документальной прозой, которая направлена на более широкую аудиторию, — уточняет Мартин [Vargas, 2013].

Маркеса называют журналистом, который писал романы, и романистом, рассказывающим реальные истории. По признанию самого автора, он жил в сомнении и пытался понять, в чем состоит различие между литературой и журналистикой, писатель он или репортер?

«Я счастлив, — говорил Маркес, — потому что понял, что журналистика — это литературный жанр. Но если “творчество журналиста — это литературный жанр, то сам журналист — не художник”» [цит. по: Tejeda].

Для Латинской Америки связь между литературой и журналистикой (*la ficción y la no ficción*) не считается новым явлением, практически все латиноамериканские писатели публиковались в газетах. В разное время литераторы и журналисты латиноамериканского континента использовали стратегию маскировки и намеренной гибридизации жанров с целью избежать цензуру; контроль закона, религии и государства. Произведения Маркеса — яркий пример латиноамериканской традиции: писатель балансирует между написанием новостей и репортажей, рассказов, романов и поэм. Сам Маркес указывает, что «в то время пресса подвергалась цензуре, и ежедневная задача оппозиционных газет была найти события без политической подоплеки, чтобы заинтересовать читателей. Мы отвечали за “выпечку” статей. Позднее из этой команды “пекарей” родилась литературная журналистика или новая журналистика, — школа с наиболее прочными традициями журналистики на испанском языке» [цит. по: Tejeda].

В 1950 г. 23-летний Габриэль Гарсия Маркес под псевдонимом Септимий (*Septimus*) ведет в газете *El Heraldo de Barranquilla* колонку «Жирафа» (*La Jirafa*); так в шутку он называл свою невесту (а позднее жену) Мерседес Банчу. Колонка печатается регулярно, но однажды утром в типографии газеты происходит непредвиденное: статья от 29 мая выходит плохо пропечатанной. Эта «неясная» колонка Мар-

кеса рассказывает историю мальчика из семьи пяти поколений сапожников, который не желает посвящать свою жизнь семейной профессии — ремонту обуви, а хочет стать трубачом. Переход от вымысла к реальности в этой статье указывает читателю на конфликт между индивидуальной волей и коллективным принуждением (*entre la voluntad individual y la imposición colectiva*) [Muñoz Solano N., 2013.: 222]. Но уже на следующий день Маркес превращает неполадки работы типографии в главную тему своей колонки и в шутовском тоне утверждает, что не пропечатанный накануне текст — это жирафа-невидимка (*una jirafa invisible*). Маркес называет колонку «Паломничество жирафы» (*“La peregrinación de la jirafa”*) и объясняет, в чем состоит процесс написания и «странствований» текстов внутри газеты. По его словам, процесс зависит от самых незначительных «пружин» в редакции: «первобытная» рукопись, выйдя из под валика печатной машинки, претерпевает череду стилистических и технологических изменений, переходит из рук в руки внутри редакции и трансформируется до того момента, пока на следующее утро не выходит на улицу, превратившись в колонку на страницах газеты. В статье «Паломничество Жирафы» автор обращается в третьем лице к своему собственному псевдониму, как к «Призраку Септимия»², и утверждает, что его колонка — «это беспомощное животное, которое в любой момент может сломать себе шею» [Márquez G.G., 1991.: 235].

Таким образом, Маркес подчеркивает хрупкость журналистских произведений, которые имеют собственную, но весьма нестабильную жизнь. «Беспомощность колонки» заключается в том, что ее текст может быть объектом частичного или полного редактирования и самоцензуры, когда либо сам автор, пытаясь следовать законам публицистического стиля, стирает свою индивидуальность; либо редактор осознанно изменяет текст; либо это происходит из-за проблем технического характера. В любом случае, результат один и тот же — не слышен голос автора.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов Маркес работал в двух колумбийских газетах: *El Universal* (Картахена) и *El Heraldo* (Барран-

² Псевдоним Септимий (что означает седьмой) Маркес использовал под влиянием романа Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй». Английская писательница называет этим именем одного из героев романа, чтобы отдать дань славному воинственному прошлому Римской империи.

«Я думал недолго: Септимус от Септимуса Уоррена Смита, героя Вирджинии Вульф, страдающего галлюцинациями» (Márquez G.G. *Vivir para contarla* 2002. P. 433).

В романе Вульф персонаж Септимус Уоррен Смит, ветеран Первой мировой войны, в нескольких эпизодах общается с уже мертвым другом. Риторически возрождая персонаж, взаимодействующий с призраком, Маркес иронизирует по поводу эфемерного характера газетной информации; тем самым автор подчеркивает, что новости прошедших дней вовсе не мертвы и что, используя и переосмысливая их в своей колонке, он может воскресить их в диалоге со своим читателем.

килья). Такое погружение в журналистику позднее благоприятным образом отразилось на его художественных произведениях, не потому что позволило «войти в контакт с реальностью», а поскольку именно на страницах газет «писатель начинает экспериментировать с различными стилями, техниками и жанрами». [Williams R.L., 1985: 132].

В период с 1950 по 1952 г. Маркес в своей колонке публикует около 400 статей. Некоторые из этих текстов можно рассматривать как короткие рассказы или, как называет их критик Раймонд Уильямс, «вымышленные анекдоты», — истории, в которых автор пытается воссоздать другой вид реальности. Кроме того, в то время в обязанности Маркеса входило придумывать заголовки к новостным статьям и редактировать международные телеграммы. Многие статьи Маркеса этого периода написаны на основе международных сообщений, поскольку во время повседневной работы он должен был их читать, отбирать и сокращать. Эти события становятся неисчерпаемым источником тем, которые писатель комментирует, развивает, заново интерпретирует и часто анализирует, добавляя умозаключения.

Критик Роберт Симс называет такие статьи «пережаренными» (*“refritos”*). Это тип текстов, которые «развивают новость», что наглядно демонстрирует связь между литературными и журналистскими произведениями автора [Sims, 2010: 144].

Термин *“refrito”* — «переделывание на новый лад» — широко известен в журналистском сленге Латинской Америки, обычно используется в уничижительном смысле и означает «хорошенько поджарить» или «заново разогреть» новости, которые были «охлаждены» в процессе избыточного освещения в прессе. «Переделки» (*refritos*) Гарсиа Маркеса — это версии новостей, опубликованных ранее, но к которым автор добавляет контекст, детали, источники и зачастую тайно свое мнение. Иначе говоря, «переделка» (*refrito*) Маркеса — это заново написанная новость, переосмысленная и намеренно усиленная автором. Хотя в журналистском жаргоне «переделки» (*“refritos”*) — это малоинтересные второсортные новости — Гарсиа Маркес достигает противоположного эффекта, гиперболизируя их. Одним из самых известных *“refrito”* начального периода творчества писателя является «Рассказ не утонувшего в открытом море» (*“Relato de un naufrago”*). Этот репортаж первоначально публиковался в 1955 г. в 14 номерах газеты *El Espectador* под названием «Правда о моем приключении» (*“La verdad sobre mi aventura”*). Это серия очерков — воспоминания колумбийского военного моряка Луиса Алехандро Веласко, который, обнаружив на борту эсминца контрабандный груз, бросается в открытое море, 10 дней борется за жизнь без еды и воды и выживает. Интересно, что потерпевший сам пришел в редакцию газеты *El Espectador* с намерением рассказать свою

историю. И молодой репортер Гарсия Маркес в течение нескольких дней слушал и записывал его слова. Позже — в 1970 г. — Маркес превращает рассказ в документальный роман. По словам самого писателя: «На самом деле, это длинное интервью, которое я делал сознательно не для того, чтобы опубликовать необработанным, а для того, чтобы “приготовить совсем в другой кастрюле” — в жанре репортажа» [цит. по: Tejada].

Текст репортажа написан от первого лица, и автор использует все возможные ресурсы литературы, но не для того, чтобы избежать реальности, а для того чтобы представить ее более интенсивной, более полной, более сложной. В репортаже Маркес, нарушив все писанные и неписанные правила Колумбии того времени, разоблачает факт, что на борту эсминца перевозили контрабандный груз. «Тайные приключения Мигеля Литтина в Чили» (*“La aventura de Miguel Litín, clandestino en Chile”*) — документальная книга Маркеса, еще один пример повествовательной журналистики. Это история, также рассказанная от первого лица, повествует об известном чилийском режиссере, который нелегально вернулся на родину, чтобы снять документальный фильм о том, во что превратили страну 12 лет военной диктатуры Пиночета.

«Безусловно, произведения Маркеса являются образцом повествовательной журналистики; используя возможности журналистики, Маркес пересек границу между жанрами при написании репортажей-новелл, создавая беллетризированные истории», — указывает Элиза Каирати в исследовании «Повествовательная журналистика в Перу: гибридные возможности документальной прозы в XXI веке» (*Periodismo narrativo en Perú Trayectorias híbridas de la no ficción en el siglo XXI*) [Cairati, 2014: 119].

Пребывание в Европе ознаменовало новый этап в журналистике Маркеса. Являясь носителем другой культуры, оказавшись в мало-знакомом мире и не имея возможности соревноваться с международными агентствами, Маркес посвятил себя поискам другого аспекта новости: «В большинстве своем его статьи останутся нарочито поверхностными и юмористичными, словно он отказывался серьезно воспринимать новости, поскольку не имел возможности освещать их серьезно. Вскоре он осознал, что в Европе он никогда не сможет проводить журналистские расследования, чем он прославился в Колумбии, а значит, и не сможет написать ничего сенсационного» [Мартин Джеральд, 2011].

Произведения Маркеса, написанные в Европе, интересны незначительными вторичными деталями; деталями «общечеловеческими», похоже, введенными автором преднамеренно. Так, например, в репортаже «Четверо веселых друзей» (*“Los cuatro alegres compadres”*),

освещая переговоры «Большой четверки» в Женеве в июле 1955 г., Маркес при описании глав государств сравнивает их с кинозвездами и пишет, что «все происходило с улыбочками». В статье «Мой славный клиент Айк» (“*Mi amable cliente Ike*”) он рассказывает, как американский президент Эйзенхауэр, по прозвищу Айк, посетил магазин игрушек, чтобы купить куклу и аэроплан в подарок своим внукам.

Самое оригинальное в текстах Маркеса — особая хитрость, игра — рассказать то, что произошло с ним, что является одновременно историей в истории, новостью в новости. Личный анекдотический случай и второстепенное событие — два способа разрушения «мифа» новости — характеризуют большую часть репортажей, написанных в европейский период. Таким образом, репортаж превращается в историю, которая сочетает хронику и информационное сообщение, интерпретированное автором [Mendelevich, 2014].

Конечно, документальные произведения Маркеса сложно причислить к традиционным жанрам журналистики: использование приемов, свойственных литературе латиноамериканского континента, позволило автору сместить фокус рассмотрения проблем, нарушить границы жанров и тем самым перейти от простой информации к повествованию.

Известно, что первым истинно латиноамериканским литературным жанром считаются «Хроники Конкисты» — тексты, которые при помощи традиционных средств Старого Света описывали неизвестные реалии Света Нового. Интересно, что Фонд Новой Ибероамериканской Журналистики в 2008 г. выдвинул инициативу под названием «Новые Хронисты Индий». Цель этой программы способствовать развитию повествовательной журналистики как художественной и культурной ценности Латинской Америки³. Кроме того, как отмечает мексиканская писательница, журналист Элена Понятовска, «хроника в Латинской Америке имеет цель обнаружить скрытое, разоблачить недосказанное, подметить, то, что никто не хочет видеть, написать историю тех, у кого нет возможности быть услышанными. Хроника, больше чем какой-либо другой жанр, отражает социальные проблемы, коррупцию, положение угнетенных и забытых. Хроники могут напоминать роман, и поэтому достаточно сложно определить, фантастика это или правда, вымысел или реальность, или и то, и другое сразу?» [Nuevos Cronistas de Indias 2..., 2012]

Журналистские хроники Маркеса также наполнены элементами воображения и фантазии, и граница между реальностью и вымыслом очень спорная, размытая. Воображение Маркеса «выливалось через

³ В рамках проекта существует сайт, на котором представлен обзор произведений повествовательной журналистики ибероамериканского континента.

край», переполняет не только его литературные произведения, но также и репортажи, хроники и колонки. Одна из характерных особенностей романов Маркеса — при помощи гиперболы передать ошеломляющую, поражающую воображение реальность. Однако важно понять, что кроется под этим понятием «реальность»? Напомним, что в XX в. интерес писателей к подлинной латиноамериканской идентичности с присущими ей социальными и этническими особенностями породил понятие особой реальности, которое связано с литературным направлением «магический реализм» и концепцией «чудесная реальность». «Магический реализм» вносит в повествование мифические и фантастические элементы и создает в то же время реальность, узнаваемую и присущую Латинской Америке как экзотическому континенту. Помимо «магического реализма» существует исключительно латиноамериканское литературное направление «чудесная реальность», связанное с именем кубинского писателя Алеко Карпентьера, возникшее практически одновременно с «магическим реализмом». В основе определения «чудесная реальность» лежит понятие чуда, а чудо, по мнению Карпентьера, свойственно самой действительности Латинской Америки, которая повсюду стихийно и самопроизвольно его порождает. Изображение этой особой, чудесной реальности, вымысел, гиперболлизация встречаются в документальной прозе Маркеса на разных этапах его журналистской деятельности. В некоторых случаях автор использует прием открыто и нарочито, в других — завуалированно и неявно. Так, например, описывая беспорядки против правительства в городе Кибдо в штате Чоко (Колумбия) в статье «Короткая история 400-часовой манифестации» (*“Historia íntima de una manifestación de 400 horas”*), Маркес утверждает, что «протест длился 13 дней, девять из которых, не переставая, шел дождь». В репортаже уточняется, что под дождем «манифестанты плакали, писали петиции и мылись прямо на улице» (*“los manifestantes lloraban, escribían memoriales y se lavaban en la vía pública”*) [Márquez, 1978: 143–146].

Нефер Муньос Солано в диссертации «Роман в газете и репортаж в романе в Латинской Америке» (*“Novelando en el periódico y reportando en la novela de América Latina”*) в третьей главе развивает концепцию «магической журналистики» Габриэля Гарсия Маркеса (сам исследователь признает, что это определение таит в себе толику иронии). Муньос Солано анализирует значение гиперболы в журналистских произведениях Маркеса. По мнению исследователя, «неумеренное» использование тропов, с одной стороны, «взламывает» реализм опубликованных в прессе произведений автора, с другой — придает им правдоподобие. Гипербола в произведениях Маркеса используется автором намеренно, усиливая напряжение и тем самым расширяет

и сжимает смысл. Гиперболы Маркеса имеют две характеристики: преувеличение деталей при неизменной точности преувеличений. Иными словами, с одной стороны, гипербола — способ выйти за пределы ограничений, с другой — благодаря бесчисленным, подробным описаниям писатель контролирует «наводнение», чтобы заставить читателя поверить в реальность образов в контексте рассказываемых историй [Muñoz Solano, 2013].

Нарочитое включение гиперболы в газетные тексты — своего рода попытка Маркеса продлить жизнь статей, надолго оставить их в памяти читателя. Возможно, это поиск своего стиля и способ вести диалог с редактором (одновременно и учителем, и цензором). Поскольку тексты подчиняются «незаметным редакционным пружинам», Маркес в колонках, статьях и репортажах использует гиперболу как еще один вид «пружины», чтобы сжать, развернуть и превзойти смысловые границы текста.

Особую роль в произведениях Маркеса играют зрение и осязание, сам писатель говорил, что «ведет читателя за руку», чтобы тот сам прочувствовал всю историю и не пропустил ни одной детали. Это стремление заставить читателя видеть и чувствовать также достигается при помощи гиперболизации.

Муњос Солано рассматривает «магическую журналистику» как стратегию, при которой автор прибегает к развернутой гиперболе (*hipérbole detallada*), чтобы рассказать историю не только в смысле «сообщить, повествовать, пересказать, передать», но с целью «перечислить» факты, проинформировать и развлечь. Использование гиперболы в журналистике — это повествовательная стратегия (*estrategia narrativa*) писателя, которая имеет двойную цель: с одной стороны, «обойти» цензуру внутри газеты, с другой — убедить и развлечь читателя. Несомненно, гипербола в художественной и документальной прозе Маркеса может стать предметом отдельного исследования.

Интерес критиков к художественным произведениям Габриэля Гарсия Маркеса привел к появлению огромного количества исследований его романов, однако, документальная проза писателя пока еще недостаточно изучена и систематизирована. Очевидно, что журналистские произведения Маркеса, не устаревая со временем, не только отражают определенную эпоху, но и учат передавать информацию методами, присущими литературе.

В последние годы и в Испании, и в Латинской Америке появилось много научных исследований о взаимосвязи литературы и журналистики. Так, например, Феликс Ребольо Санчес в книге «Литература и журналистика в XXI веке» (*“Literatura y Periodismo en el siglo XXI”*) утверждает, что «связь между литературой и журналистикой

существовала постоянно, даже когда сам термин «журналистика» не существовал как таковой» [Rebollo Sánchez, 2011: 9].

В результате анализа различных повествовательных форм, демонстрирующих смешение журналистики и литературы, испанский ученый доказывает, что эти две сферы деятельности «вращаются» на одной и той же территории, которая, по сути, и есть литература. В связи с этим очень важна роль писателей, которые работали журналистами, чтобы продемонстрировать, что журналистика и литература — две стороны одного и того же ремесла — ремесла рассказчика. Испанский исследователь Альберт Чильон пишет о том, «журналист прежде всего — это человек, который описывает не единственную и однозначную, а многоликую и многозначную реальность при помощи слов» [Chillón, 1999: 16].

Именно эту точку зрения отстаивал писатель и журналист Габриэль Гарсия Маркес, который всегда высоко ценил и подчеркивал значимость «лучшей профессии в мире» — профессии журналиста. Речь «Лучшая профессия в мире» [Márquez, 1996: 1], произнесенная Маркесом на 52-й Генеральной Ассамблее Межамериканской Ассоциации Прессы в 1996 г., сегодня превратилась в своего рода Евангелие по журналистике во многих университетах мира. По мнению Маркеса, самые важные условия профессии журналиста — это творческий подход и практика, а лучшая новость не та, которая появилась первой, а та, которая лучше рассказана. Маркес считал, что сбор информации, журналистское расследование — это не что-то особенное, вся деятельность журналиста должна быть своего рода расследованием. Особое внимание Маркес уделял роли издателя газеты, поскольку издатель — первый читатель, и его обязанность отвечать за то, чтобы каждый материал был хорошо написан, имел достоверные источники и, что самое главное, не возникало вопросов, на которые не было бы ответов в самом тексте.

С момента выхода в свет первой статьи Габриэля Гарсия Маркеса в журналистике произошли значительные изменения. По мнению самого Маркеса, безумная скорость развития новых технологий стала одной из проблем современной журналистики: все средства информации вовлечены в безумную гонку, что отражается на качестве работы журналистов: «Один из серьезных недостатков современной журналистики — ей не хватает культурной базы; у журналистов нет времени на чтение, даже на чтение газет. У них нет времени делать свою работу; на работу, которая требует трех дней, самое большое дают один» [Vargas, 2013].

Послание Маркеса журналистам будущего тысячелетия гласит: «... журналистика заслуживает не только новой грамматики, но и но-

вой педагогики, и новой этики профессии», «журналистика видится мне зрелым литературным жанром, как поэзия или театр» [Tejeda].

В марте 2016 г. в Сан Хосе (Пуэрто Рико) состоялся VII Международный конгресс испанского языка, на котором присутствовали писатели, ученые, авторы, издатели, эксперты в области культуры, искусства, литературы и испанского языка из 30 испаноязычных стран. Конгресс проходил под лозунгом «Испанский язык и творчество».

В ходе Конгресса Фонд Новой Иberoамериканской Журналистики⁴ (*Fundación Nuevo Periodismo Iberoamericano*) представил книгу «Габо журналист» — антологию журналистских произведений Габриэля Гарсия Маркеса, которая дает представление о Маркесе как репортере, авторе хроник и газетных колонок, издателя, педагоге, специалисте в области средств массовой информации.

В рамках Конгресса была организована школа Хуана Круса «Журналистика, которая рассказывает» с участием представителей Венесуэлы, Колумбии, Боливии, Панамы, Мексики и Пуэрто Рико, обсуждавших проблемы взаимопроникновения журналистики и литературы, вопросы взаимовлияния творческих подходов журналиста и писателя: использование приемов художественной литературы журналистом и отражение журналистского опыта в литературе. Лейтмотивом работы школы стали такие темы, как: «желание рассказать историю; счастье повествования; развлекательная сторона журналистики», т.е. то, о чем не пишут в учебниках и о чем Габриэль Гарсия Маркес говорил: «... если тебе скучно, когда ты пишешь, то читатель заскучает, когда будет читать» [Arbasetti, 2016].

Сегодня, когда современная журналистика, с одной стороны, пытается сохранить традиционные способы передачи информации, с другой — под влиянием развития новых технологий — ищет новые формы изложения материала, как никогда возрастает роль творческого начала в журналистских произведениях, что помогает авторам воздействовать на аудиторию.

Каждая эпоха, каждая страна имеет своего писателя-журналиста, творчество которого включает опыт предшествующих поколений профессионалов. Документальная проза Габриэля Гарсия Маркеса — яркий пример повествовательной журналистики латиноамериканского континента — подтверждает, что писатель-журналист, используя средства художественной выразительности, присущие литературе, может стать конкретным творцом реальности; рассказчиком, запечатлевшим главные события своего времени.

⁴ Фонд Новой Иberoамериканской Журналистики был основан Маркесом в 1994 г., чтобы способствовать развитию повествовательной журналистики посредством публикаций, семинаров, школ и конференций, из которых уже состоялось более 700 в 15 странах Латинской Америки.

Список литературы

- Мартин Джеральд.* Габриэль Гарсия Маркес. Биография. 2011. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1024362> (дата обращения: 25.11.2017).
- Тимченко И.* Возвращение авторской журналистики // Журналист. 2017 № 3. URL: <http://jrnlst.ru/vozvrashchenie-avtorskoj-zhurnalistik> (дата обращения: 10.12.2017).
- Arbasetti C.J.* Crónica: el lenguaje que baila, entre la literatura y los hechos. 2016. URL: <http://periodismoinvestigativo.com/2016/03/cronica-el-lenguaje-que-baila-entre-la-literatura-y-los-hechos/> (дата обращения: 20.04.2017).
- Cairati E.* Periodismo narrativo en Perú Trayectorias híbridas de la no ficción en el siglo XXI, 2013/2014. URL: https://air.unimi.it/retrieve/handle/2434/354710/521885/phd_unimi_R09490.pdf (дата обращения: 15.03.2017).
- Chillón A.* Literatura y periodismo. Una tradición de relaciones promiscuas, UAB. Barcelona, 1999.
- Hernandez L.* Periodismo literario o narrativo del siglo XXI. México, 2014. URL: http://www.academia.edu/6498423/PERIODISMO_LITERARIO_O_NARRATIVO_DEL_SIGLO_XXI_-_TESIS_DE_MAESTR%C3%8DA (дата обращения: 16.09.2017).
- Márquez G.G.* Textos costeños / Ed. J. Gilard. Madrid, 1991. Print. Obra periodística vol. (1948–1952). URL: <http://c.kabeh-ngerti.com/doc/5061/index.html?page=87> (дата обращения: 13.09.2017).
- Márquez G.G.* Vivir para contarla. Barcelona, 2002.
- Márquez G.G.* Crónicas y reportajes. 3 / Ed. Bogotá, 1978.
- Márquez G.G.* El mejor oficio del mundo. Discurso a la Asamblea General de la Sociedad Interamericana de Prensa (SIP), Los Ángeles, 7 de octubre de 1996. P. 1. Texto disponible en la página web de la FNPI. URL: http://www.fnpi.org/fileadmin/documentos/imagenes/Maestros/Textos_de_los_maestros/elmejor.pdf (дата обращения: 16.10.2017).
- Mendelevich P.* Gabriel García Márquez, el periodista que escribía novelas. 2014. URL: <http://www.lanacion.com.ar/1683170-gabriel-garcia-marquez-el-periodista-que-escribia-novelas> (дата обращения: 22.09.2017).
- Muñoz Solano N.* Novelando en el Periódico y Reporteando en la Novela de América Latina. Doctoral dissertation, Harvard University. 2013. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/11124833> (дата обращения: 04.10.2017).
- Nuevos Cronistas de Indias 2, un encuentro internacional para analizar y promover la crónica 15/10/2012. URL: https://www.clarin.com/no-ficcion/nuevos-cronistas-de-indias-2-discursos_0_H1qLRcAjvmg.html (дата обращения: 04.10.2017).
- Rebollo S.F.* Literatura y Periodismo en el siglo XXI, Fragua. Madrid, 2011.
- Sims R.L.* García Márquez's Non-Fiction Works. Cambridge Companion to Gabriel García Márquez. N.Y., 2010. P. 144–158.

- Tejeda A.G.* Gabriel García Márquez. Obra: Prensa. URL: https://cvc.cervantes.es/actcult/garcia_marquez/obra/prensa.htm (дата обращения: 03.11.2017).
- Vargas E.* 10 lecciones y más del libro “Gabo periodista”, 2013. URL: <http://www.clasesdeperiodismo.com/2013/02/19/10-lecciones-y-mas-del-libro-gabo-periodista/> (дата обращения: 12.05.2017).
- Williams R.L.* An Introduction to the Early Journalism of Garcia Marquez: 1948–1958 *Latin American Literary Review*. Vol. 13. No. 25, Gabriel Garcia Marquez (Jan. — Jun., 1985). P. 117–132. URL: <https://www.jstor.org/stable/20119391> (дата обращения: 13.12.2017).

Veronika M. Sokolova

THE MAGIC OF NARRATIVE JOURNALISM BY GABRIEL GARCIA MARQUEZ

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article focuses primarily on various aspects of narrative journalism in the prose works by the internationally famous Columbian writer Gabriel Garcia Marquez. The researcher investigates how Marquez’s application of literary means allows the writer to obtain his individual style in journalism and to create his own “voice”. The article analyzes “magical journalism”, a narrative strategy based on an extended hyperbola and employed by Marquez. The writer widely used it in his journalistic works in order to avoid censorship in a newspaper and to engage the reader.

Key words: interaction of literature and journalism; author's journalism; narrative journalism; author's style; expressive literary means; hipérbole detallada.

About the author: *Veronika M. Sokolova* — Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Medialinguistics of Faculty of Journalism Lomonosov Moscow State University (e-mail: veronikasokol@yandex.ru).

References

- Martin Gerald. 2011. *Gabriel García Márquez Biografía. 2011.* [Gabriel García Márquez: a Life]. (In Russ) URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1024362> (accessed 25.11.2017).
- Timchenko I. Vozvrashenie avtorskoy zhurnalistiki. [Return of author’s journalism] *Zhurnalist. 2017, № 3.* (In Russ.) URL: <http://jrnlst.ru/vozvrashchenie-avtorskoy-zhurnalistiki> (accessed 10.12.2017).
- Arbasetti C.J. *Crónica: el lenguaje que baila, entre la literatura y los hechos.* 2016. URL: <http://periodismoinvestigativo.com/2016/03/cronica-el-lenguaje-que-baila-entre-la-literatura-y-los-hechos/> (accessed 20.04.2017).

- Cairati E. *Periodismo narrativo en Perú Trayectorias híbridas de la no ficción en el siglo XXI*, 2013/2014. URL: https://air.unimi.it/retrieve/handle/2434/354710/521885/phd_unimi_R09490.pdf (accessed 15.03.2017).
- Chillón A. *Literatura y periodismo. Una tradición de relaciones promiscuas*, UAB. Barcelona, 1999.
- Hernandez L. *Periodismo literario o narrativo del siglo XXI*. México, 2014. URL: http://www.academia.edu/6498423/PERIODISMO_LITERARIO_O_NARRATIVO_DEL_SIGLO_XXI_-_TESIS_DE_MAESTR%C3%8DA (accessed 16. 09. 2017).
- Márquez G.G. *Textos costeños* / Ed. J. Gilard. Madrid, 1991. Print. Obra periodística vol. (1948–1952). URL: <http://c.kabeh-ngerti.com/doc/5061/index.html?page=87> (accessed 13. 09. 2017).
- Márquez G.G. *Vivir para contarla*. Barcelona, 2002.
- Márquez G.G. *Crónicas y reportajes*, 3, ed. Bogotá, 1978.
- Márquez G.G. *El mejor oficio del mundo. Discurso a la Asamblea General de la Sociedad Interamericana de Prensa (SIP), Los Ángeles, 7 de octubre de 1996*. P. 1. Texto disponible en la página web de la FNPI. URL: http://www.fnpi.org/fileadmin/documentos/imagenes/Maestros/Textos_de_los_maestros/elmejor.pdf (accessed 16.10.2017).
- Mendelevich P. *Gabriel García Márquez, el periodista que escribía novelas*. 2014. URL: <http://www.lanacion.com.ar/1683170-gabriel-garcia-marquez-el-periodista-que-escribia-novelas> (accessed 22.09.2017).
- Muñoz Solano N. *Novelando en el Periódico y Reporteando en la Novela de América Latina*. Doctoral dissertation, Harvard University. 2013. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/11124833> (accessed 04.10.2017).
- Nuevos Cronistas de Indias 2, un encuentro internacional para analizar y promover la crónica* 15/10/2012. URL: https://www.clarin.com/no-ficcion/nuevos-cronistas-de-indias-2-discursos_0_H1qLRcAjvmg.html (accessed 04.10.2017).
- Rebollo S.F. *Literatura y Periodismo en el siglo XXI*, Fragua. Madrid, 2011.
- Sims R.L. *García Márquez's Non-Fiction Works*. Cambridge Companion to Gabriel García Márquez. N.Y., 2010, pp. 144–158.
- Tejeda A.G. *Gabriel García Márquez. Obra: Prensa*. URL: https://cvc.cervantes.es/actcult/garcia_marquez/obra/prensa.htm (accessed 03.11.2017).
- Vargas E. *10 lecciones y más del libro “Gabo periodista”*, 2013. URL: <http://www.clasesdeperiodismo.com/2013/02/19/10-lecciones-y-mas-del-libro-gabo-periodista/> (accessed 12.05.2017).
- Williams R.L. *An Introduction to the Early Journalism of Garcia Marquez: 1948–1958*. Latin American Literary Review. Vol. 13. No. 25, Gabriel Garcia Marquez (Jan. — Jun., 1985), pp. 117–132. URL: <https://www.jstor.org/stable/20119391> (accessed 13.12.2017).

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТАХ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т.Д. Венедиктова

ЖАНРООБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Процессы становления популярных жанров — новая область междисциплинарного и межкультурного диалога, предполагающего участие теоретиков и историков литературы.

Ключевые слова: литературная прагматика; популярный жанр; становление жанра.

«Воистину общество забавно, когда упрекает литературу за то, что она стала промышленной», — так писал в 1847 г. парижский критик Ш. де Ремюза, отвечая на сетования еще более знаменитого парижского критика О. де Сент-Бева: того удручало, что литература, идя на поводу рыночных практик, соскальзывает в «промышленное» состояние, что коммерческая беллетристика и подлинное искусство слова становятся пугающе неразличимы. Этот спор о падении литературных нравов продолжается и на страницах сегодняшних российских и не только российских газет, — разве что «промышленность» приобрела глобальный масштаб, а культурный рынок стал, фактически, транснациональным. Позиции «за» и «против» в этом давнем споре явно непродуктивны, а чтобы занять позицию более сложную, важно видеть обсуждаемый процесс в исторической и теоретической перспективе, — чего зачастую как раз не хватает¹.

Разговор о прагматике — производстве, восприятии, культурной функциональности — популярных жанров очень нужен. Он предполагает и смену, точнее, коррекцию, исследовательской оптики.

В привычном определении жанр — относительно стабильная совокупность формальных и тематических характеристик (поэтому

Венедиктова Татьяна Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tvenediktova@mail.ru).

¹ В этом смысле очень выразительно замечание Н. Пахсарьян о том, что по-русски «недо-прочитана» — соответственно, недо-осмыслена — даже классическая статья Сент-Бёва: ее название в переводе — «Меркантилизм в литературе» — не передает смысл ключевого для критика понятия.

жанр можно учредить, можно предъявить образец его реализации, к жанру можно отнести то или иное произведение, ему можно соответствовать или не соответствовать и т.д.). В трактовках, предлагаемых ниже, жанр — скорее поле практик: подражания, различения, категоризации, позиционирования и продвижения текста в культурном пространстве, его восприятия/присвоения и разного рода трансформаций. Жанр — поле сотрудничества многих инстанций: наряду с пишущими и читающими, к ним относятся издатели, продавцы и распространители книг, переводчики и критики, учителя и ученые знатоки литературы.

В связи с этим возникают вопросы. Насколько систематичны эти стихийные практики жанрогенеза? И наоборот, насколько чувствительны системы жанров к социальной, исторической, культурной динамике? Какую роль в их формировании и реформировании играют читатели и другие участники литературного процесса?

Формы романа, по замечанию Н. Пахсарьян, «внутренне взаимосвязаны с условиями их сочинения и публикации», каковые могут включать и образ жизни (например, городской), и характер знаний, транслируемых системой образования (например, приоритет научно-технических знаний), и гендерную, или возрастную, или социальную, или этническую специфику. В определение жанрового пакта входит всякий раз особый склад воображения и способ получения удовольствия от текста — характеристики, не наблюдаемые эмпирически, а лишь имплицитные текстом и потому исключительно сложные для изучения.

Современный американский теоретик популярных жанров Джон Ридер в книге «Научная фантастика и система жанров в массовой культуре» (2017) предполагает, что его предмет требует пересмотра традиционного подхода к проблеме жанра: «Перепутать жанр с набором формальных признаков — все равно что перепутать слово со звуком. Формальные признаки текста необходимы для существования жанра, как звук необходим для существования слова, но звук становится частью слова, а текст — образцом жанра только в сочетании с другими звуками или текстами внутри языковой или жанровой системы... Популярный жанр... складывается в результате внутрисистемных изменений в устоявшихся практиках рассказывания, распространения и осмысления историй. Это изменение происходит в социальном функционировании нарративных практик, т.е. в том, как одни нарративные практики распознаются и оцениваются в соотношении с другими»².

Популярное жанровое письмо, утверждает Дж. Ридер, свидетельствует о своего рода *диглоссии*. В строгом смысле этот термин

² Rieder J. Science Fiction and the Mass Cultural Genre System. Middletown, CT, 2017. С. 35–36.

относится к иерархическому распределению функций между разговорным языком и тем, который усваивается в процессе формального обучения, но расширительно его можно применить к функционированию жанров — их распределению соотносительно с уровнем грамотности и характером культурной компетенции, которыми располагает читатель.

Есть досуговое чтение, «для удовольствия», без претензий на статус, авторитет. И есть Литература как школьный предмет — локус культурного авторитета и условие становления полноценный субъектом в рамках данной культуры. Культурные компетенции, транслируемые Литературой с большой буквы (особенно, классикой), отличаются от прикладных культурных компетенций, в которых, впрочем, мы также нуждаемся, — ведь без них невозможна адаптация к меняющимся условиям жизни. Именно в этой зоне возникает характерное напряжение между высшими ценностями духа и удовольствиями потребления (вкуче с их экономической эксплуатацией), между Литературой («настоящей», «высокой», «элитарной») и популярной «паралитературой». В первой «жанровость» произведения выглядит, чем ближе к нашим дням, тем все более проблематичной и все менее актуальной, а во второй, ровно наоборот. Можно сказать, что эти два массива художественной словесности противостоят «по жанровому признаку», хотя... по тому же признаку они и сближаются, если иметь в виду нарастающую чуткость *всех* категорий современных читателей к жанровой игре, трансформациям и ироническим оксюморонам (сентиментальный триллер, любовный детектив и т.п.).

Пытаясь заново осмыслить оппозицию, обозначенную выше, — уже безнадежно «замыленную», но в каком-то смысле и неизбежную, — Джон Ридер предлагает различать *традиционную* и *органическую* систему жанров, ту и другую трактуя с опорой на социальную теорию Антонио Грамши.

Грамши, как известно, различал интеллектуалов традиционных и органических. Миссия первых, считал он, поддерживать преемственность в развитии культуры и общества, хранить и передавать Наследие. Ловушкой, в которую они нередко попадают, является иллюзия собственной автономии, неподверженности властным социополитическим процессам и подслеповатость к изменениям, вершинам в окружающей их культурной среде. Интеллектуалы органические исповедуют «прикладные ценности», в которых ищет выражение «новое культурно-историческое содержание»³. Они куда активнее по части освоения форм, становящихся, еще не осененных культурным авторитетом. Сходным образом, считает Ридер, различа-

³ Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991. С. 181.

ются жанровые системы, производимые в школьно-академической среде, в целом ориентированные на традицию, ее переработку, переозначивание, и жанровые системы, складывающиеся в живых культурно-коммуникативных, рыночных практиках. Они как будто бы предельно удалены от экспериментирующего авангарда, но и в них происходят процессы культурного поиска и обновления. Разработка новых приемов или переработка старых форм при этом неотрывны от возникновения/создания новых целевых аудиторий, новых видов контакта, новых техник взаимодействия читателя с текстом. По метафорическому выражению А. Зубова (использованному в статье, публикуемой в данной рубрике), происходит «колонизация» культурных, социальных и медийных территорий, прежде неизвестных, не существовавших на карте.

Освоение «новых территорий» рассматривается ниже в двух исторических вариантах: Н. Пахсарьян исследует роман городских тайн во Франции середины XIX в., А. Зубов — научную фантастику в России начала XX в. Ситуации эти одновременно несхожи и схожи, выразительны и многомерны, — обе представляют интерес для дальнейшего сотрудничества филологов с историками и социологами, а также «узких» специалистов с теоретиками жанра. В одном из ближайших номеров мы надеемся, в порядке дальнейшего развития этой темы, опубликовать статью Джона Ридера, обращенную к новейшим, современным нам видам жанрового письма.

Tatiana D. Venediktova

GENRE FORMATION IN CONTEXT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Pragmatics of popular genre formation is a new field of interdisciplinary and intercultural dialogue inviting participation of literary theoreticians and literary historians.

Key words: literary pragmatics; popular genre; genre emergence.

About the author: *Tatiana D. Venediktova* — Doctor of Philology, Professor, Chair of Department of Discourse and Communication Studies, School of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tvenediktova@mail.ru).

Н.Т. Пахсарьян

**РОМАНЫ «ГОРОДСКИХ ТАЙН»,
ИЛИ «ПРОМЫШЛЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
«ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭПОХИ»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматриваются особенности становления и эволюции жанра романа «городских тайн», получившего популярность после выхода в свет знаменитого сочинения Эжена Сю «Парижские тайны». Важную роль в истории жанра играл социокультурный контекст во всей его аксиологической неоднозначности: необходимость увеличить и ускорить публикации романских сочинений способствовала вторжению рыночных отношений в область литературного творчества, стремительное развитие городской цивилизации промышленной эпохи сопровождалось ростом преступности, что, в свою очередь, становилось темой журналистских заметок и источником романских сюжетов. Опора на актуальный социокультурный опыт порождала ощущение достоверности изображаемого в романе Э. Сю, о чем свидетельствуют и переписка автора с читателями, и многочисленные переиздания «Парижских тайн», и романы-подражания. Однако в более поздних образцах «романов городских тайн» происходит явное снижение референциальности, исчезает ощущение близости романских историй жизненному опыту читателей, возрастает опора на жанровую модель популярного романа, используются романские клише.

Ключевые слова: роман-фельетон; социально-криминальный жанр; популярность; городская цивилизация; социокультурный трансфер.

О том, что в литературном процессе XIX в. стала играть едва ли не главную роль “*littérature industrielle*”, знаменитый критик Ш. Сент-Бёв констатировал еще в 1839 г. [Sainte-Beuve, 1846: 49–515]¹. Негодуя

Пахсарьян Наталья Тиграновна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: npakhsarian@gmail.com).

¹ На русский язык заглавие статьи переведено как «Меркантилизм в литературе. См.: [Сент-Бёв, 1976: 212–233]. Однако такой перевод неудачен не только потому, что термин «меркантилизм» в точном смысле предполагает участие государства в хозяйственной деятельности. Даже если воспринимать это слово не терминологически, а как синоним «меркантильности», то и тогда следует учесть, что Сент-Бёв говорит не просто о корыстолюбии «промышленных» писателей, а об изменении всего механизма творчества и роли писателя в «промышленную эпоху».

против «катастрофического» положения современной словесности, критик обрушивался на романы-фельетоны, публикующиеся в периодической печати — «это шумное торжище, этот пропыленный бульвар современной литературы со всеми его закоулками и проходными дворами» [Сент-Бёв, 1976: 219]. Главным упреком Ш. Сент-Бёва в адрес авторов было то, что их целью стали «состязание самолюбий и настоящая потребность заработать на жизнь» [там же: 213], он возмущался тем, что «увеличение формата газет и появление романов с продолжением повлекли за собой обилие пустых слов, излишних описаний, ничего не значащих эпитетов» [там же: 224]. Главными причинами падения вкуса и морали критик считал «наступление литературной демократии» и подчинение всех усилий писателей и издателей меркантильным интересам.

Если отвлечься от почти памфлетного тона статьи Ш. Сент-Бёва, можно лишь согласиться с тем, что развитие романной прозы в XIX в. было тесно связано с развитием демократии и рынка². Важным следствием демократизации стал расцвет журналистики и публикация романов в прессе, вызвавшая яростные споры в обществе, отразившиеся в 1830–1840-е годы не только в литературно-критических дискуссиях, но даже в парламентских дебатах³. Родившийся и получающий все большую популярность среди широкой читательской публики жанр романа-фельетона был объектом нападков Ш. Сент-Бёва и его единомышленников прежде всего, потому что снимал ореол сакральности с процесса создания литературного сочинения, он словно бы превращал воспеваемое романтиками вдохновенное писательство в расчетливое и сухое производство текста. Такая позиция была весьма распространена в литературе романтической эпохи: «Ей чудилось, что изнутри ее подрывает мощный демон, существование которого она приписывала то измене писателей, ставших профессионалами, то расширению читательской публики до опасных классов трудящихся. Этот демон именовался промышленностью»⁴. Ш. Сент-Бёв поневоле констатировал сосуществование «двух литератур», одна из них стремится к эстетическому совершенству, другая же определяет себя в социальных и материальных условиях развития рынка [Durand, 2006: 27].

В самом деле, с начала столетия «читательская публика все больше увеличивается, число газет растёт, типографии вступают в эру про-

² О том, что становление жанра романа не только происходит параллельно со становлением в обществе демократических отношений, но и наделяет жанр своего рода «внутренней» демократией см.: [Wolf, 2005].

³ См.: [La querelle du roman-feuilleton. Littérature, presse et politique, un débat précurseur, 1999]. О контроле рынка, установившегося над литературой в XIX в.: [Aubry, 2006: 14].

⁴ См.: [Glincoer, 2009].

мышленного производства»⁵. Как заметил в 1847 г. другой известный литературный критик и политический деятель Ш. де Ремюза, «промышленность, благодаря размаху своих операций, ловкости расчетов и, быть может, своего рода искусству увеличивать стоимость и товарооборот, играет главную роль в современном обществе». При этом, в отличие от Ш. Сент-Бёва, Ш. де Ремюза склонялся к приятию подобной ситуации, уточняя: «Воистину общество забавно, когда упрекает литературу за то, что она стала промышленной» [Rémusat, 1999: 252]. Коль скоро производство и распространение товаров подчинялось экономическим законам буржуазного общества, закономерно, что и «производство» литературы, т.е. сочинение романов с учетом читательских вкусов, отнюдь не всегда рафинированных, забота издателей периодики о публикации тех произведений, которые приносили бы наибольший доход и, как следствие, их своеобразное руководство процессом создания романов-фельетонов потребовало ухода от «индивидуальных отношений между художником и его покровителем, основанных на культурном паритете» [Thiesse, 1980: 53] в сторону интерактивных и гетерогенных взаимодействий писателей, издателей, критики и читающей публики.

Новые условия сочинения и публикации сочетались с поисками новой тематики и проблематики романного жанра: пресса оказывалась не только площадкой для издания, но и источником сюжетов для романов-фельетонов. Наибольший успех жанра не случайно пришелся на произведения о современной жизни, фабулы которых черпались из заметок о “*faits divers*” — повседневных происшествиях. Разрозненные “*faits divers*”, возможно, сами по себе не создавали особого видения современного общества, но собранные в единую рубрику, они выполняли функцию описания повседневности⁶ и одновременно позволяли писательскому воображению развивать их в увлекательные истории с интригой. Еще до триумфа «Парижских тайн» (1842–1843) Э. Сю чрезвычайную славу получил роман-фельетон Ф. Сулье «Мемуары Дьявола» (1837–1838), сумевший размыть границу между референциальным текстом (газетной статьей об актуальном событии обыденной жизни общества) и художественным текстом, содержащим вымысел (в данном случае — даже фантастический вымысел). В конце концов жанр романа-фельетона стал восприниматься читателями как «некая завершенная форма повседневного происшествия» [Kalifa, 1999: 1346].

«Парижские тайны» Э. Сю публиковались с «Журналь де Деба» — печатном органе, первоначально созданном в 1789 г. для отчетов о дебатах в Национальном собрании, а с 1799 г., после приобретения

⁵ См.: [Roulet, 2001].

⁶ О структуре и смысле “*faits divers*” см.: [Barthes, 1981].

его умеренными роялистами братьями Бертенами, ищущем своих читателей «среди промышленной и торговой буржуазии, а также среди политиков и парламентариев» [Aguet, 1960: 258]. В свою очередь, одним из фабульных источников романа Э. Сю был судебный процесс над Суфларом и Лесажем, убийцами женщины по имени Рено, отчет о нем был помещен 8 марта 1839 г. в «Пресс»⁷. Именно тогда, полагают специалисты, возник замысел «Парижских тайн», и первые четыре части произведения были написаны до июня 1842 г., когда началась его публикация, продлившаяся до октября 1843 г. Публикация мгновенно стала бестселлером: очередные главы захлеб читали, с нетерпением ожидая продолжения⁸, очень быстро появились отдельные книжные издания (1843, 1844 гг. и т.д., всего — 14 прижизненных изданий), переводы на другие языки (10 переводов — за один только 1844 г.) и многочисленные подражания: «Лондонские тайны» П. Феваля (1843–1844), «Мадридские тайны» Х.М. Виллергаса (1844), «Берлинские тайны» А. Брасса (1844), «Брюссельские тайны» Суо де Варэна (1844–1846), «Лиссабонские тайны» К. Каштелу Бланку (1854), «Марсельские тайны» Э. Золя (1867), «Неаполитанские тайны» Ф. Матриани (1869–1870), «Нью-Йоркские тайны» Ж. Лермина (1874) и др.⁹ Историки литературы уже отмечали, что заглавие романа Э. Сю восходит к «Удольфским тайнам» А. Радклиф и что автор бестселлера и его эпигоны рисуют современный город, пространство насилия и преступлений, населенное «варварами» (определение Э. Сю), подобно средневековому городу [Letourneux, 2015: 9].

Но авантюрно-криминальный роман, как часто именуют «Парижские тайны», был одновременно «романом социальной истории»¹⁰: питаясь опытом готического жанра, историко-приключенческого романа и в то же время — физиологическими очерками и газетной криминальной хроникой, автор погружал читателя в экзотику современного индустриального города. Это сразу же отделяло произведение Э. Сю от источников: в готическом романе город редко, практически никогда не становился ареной, на которой разворачива-

⁷ См.: [Chabrier, 2012].

⁸ Даже «умирающие ждали окончания “Парижских тайн”, чтобы умереть»: [Gautier, 1858–1859: 161].

⁹ Подражания не ограничивались только теми произведениями, в которых сохранялась структура заглавия романа Э. Сю (тайны + название города), однако упоминание всех сочинений, созданных под влиянием этого произведения, сделало бы перечисление едва ли не бесконечным. Об английских подражаниях «Парижским тайнам» см.: [Palmer Chevasco, 2003]. Об итальянских создателях подобных романов см.: [Chabot, 1999]. О традиции романа «городских тайн» в России см.: [Genevray, 2015].

¹⁰ См.: [Les Mystères urbains au XIX siècle: le roman de l'histoire sociale, 2014].

лись фабульные «ужасы»; что же касается исторических романов, то ближайший предшественник автора «Парижских тайн», Виктор Гюго изображал в «Соборе Парижской богородицы» город давнего, XV в. и, хотя определенные параллели между изображением городских низов у Гюго и Сю просматриваются, тем не менее именно роман Э. Сю оказался главным источником «мифа о Париже» и классической «жанровой матрицей» [Kalifa, 2004: 148] для особого подвида популярного романа — романа «городских тайн».

Действие романа Э. Сю разворачивалось в пространстве, одновременно знакомом — и незнакомом. Автор открывал читающей публике тревожащий хаос и беспорядок под внешним порядком, превращал повседневное в пугающе экзотическое, отправляя главного героя-аристократа, герцога Родольфа Герольштейна, в места — средоточия нищеты, воровства и бандитизма. При этом, когда первые буржуазные читатели «Парижских тайн» устремились по маршрутам, которыми ходили персонажи Э. Сю, они обнаружили, что даже самые внешне невероятные картины, нарисованные романистом, соответствуют тому, что они увидели сами [Lyon-Caen, 2006: 148]. А для читателей из низов описанное в романе было «верным образом их унижительного положения» [Wandzioch, 2008: 126]. Таким образом, «Парижские тайны» воспринимались и были произведением, отражающим тогдашние реалии французской столицы, рисующим «драму, переживаемую современниками — нищету, вызванную началом промышленной революции» [Cooper-Richet, Mollier, 2002: 55]. Именно в это время в полицейских отчетах получает хождение слово “*bas-fond*”, обозначающее трущобы (и в отдельных случаях — обитателей этих трущоб), стремительное их оформление в городской жизни происходило параллельно с ростом преступности и порождало страх жителей перед опасностями города наступающей индустриальной эпохи. Криминальная атмосфера современного Парижа, постоянно растущая по мере развития «промышленного» характера городской жизни, пугала публику гораздо больше, чем экзотический Двор чудес, описанный в «Соборе Парижской богородицы»¹¹.

Восторженная реакция большинства читателей на «Парижские тайны» объясняется тем, что сюжет романа переживался ими как реальная история. Многие письма современников автору содержат уверения в том, что драмы их собственной жизни так похожи на драмы «Парижских тайн», что писателю полезно узнать их, чтобы почерпнуть материал для нового романа [Lyon-Caen, 2006: 147–149; 167–170].

¹¹ И. Оливье-Мартен, однако, склонен считать, что «Сю лишь сумел приспособить “Собор Парижской богородицы” Гюго к современному Парижу»: [Olivier-Martin, 1980: 62].

При этом Э. Сю, полагают исследователи, являет собой «редкий пример политического крещения автора посредством собственного произведения»¹²: обращаясь к изображению бедственного положения городского люда, писатель-денди в конце концов склоняется «к социалистической идеологии фурьеристского толка», вызвав критику К. Маркса¹³. Очевидно, что тем самым политико-социальная позиция автора «Парижских тайн» была воспринята всерьез, казалась (но и была) весьма влиятельной в европейском обществе 1840–1850-х годов. Отдавая должное очевидной эволюции общественных и политических воззрений Э. Сю, надо в то же время признать, что критико-публицистический замысел присутствовал у автора с самого начала сочинения. «Господину Сю...удалось осуществить самую резкую критику общества с глубиной, пронизательностью и энергией, достойными всяческой похвалы», — утверждал уже по выходе первых глав романа один из современных журналистов [Laverdant, 1962: 246]. По мнению Юдит Лион-Кэн, публика разделилась по отношению к книге Э. Сю на читателей-социалистов и читателей-филантропов: для первых автор был своего рода хирургом, безжалостно вскрывающим словесным скальпелем общественные язвы; для вторых он выступал «опекуном народа», демонстрирующим буржуазной публике программу филантропических действий во имя сохранения социального порядка [Lyon-Caen, 2006: 165–166]. Некоторые современники даже воспринимали публикующиеся части «Парижских тайн» как публицистические статьи Э. Сю, поднимающие актуальные политико-социальные проблемы [ibid.: 181]. Автор не только вводил в текст романа истории, почерпнутые из периодики — и иногда ссылаясь на источники (например, на статью А. Эскиро от 11 июня 1843 в «Ревю де Пари» — см. примечание к главе 9 части 8 «Парижских тайн»), но сочинял по ходу развития сюжета стилизованные газетные статьи, придумывал правдоподобные, но вымышленные органы печати (например, «Официальная газета Герольштейна»), превращая роман в «огромный гипертекст, в котором сходятся статьи, брошюры, исследования» [Grossir, 2008: 112]. Не только фабула, но и рассуждения-отступления автора, часто представляющие собой отклики на конкретные общественные события, вызывали большой интерес тогдашней публики, вступавшей с писателем в переписку. Тем самым «Парижские тайны» изобрели новый способ включаться в политические и социальные споры, поскольку обращались в художественном сочинении к политическому и социальному опыту читателей, побуждаемых высказываться в

¹² См.: [Charentenay, 2014].

¹³ См.: [Ibidem].

приватном, но предназначенном для публикации, эпистолярном общении с романистом» [Lyon-Caen, 2006: 261]¹⁴.

Это влияние и интерес к роману существовали, несмотря на его художественное несовершенство, осознаваемое и даже прямо заявленное автором, отстаивающим первенство содержания над формой. Как любое произведение популярной литературы критики уличали «Парижские тайны» в стереотипности персонажей и ситуаций. Автор не был свободен и от желания усилить эмоциональный эффект и увлекательность повествования путем своеобразной утрировки inferнальности романного пространства. Не случайно, например, когда любопытствующие решили сравнить описание «Белого кролика» в романе с реальным кабаре, то вместо зловещего притона они обнаружили обычное место отдыха обывателей [Gauthier, 2011: 64]. Следует сказать, однако, что между Сю и его подражателями существует достаточно заметная разница. По справедливому замечанию М. Летурнё, у П. Феваля, Понсон дю Терайя и других последующих сочинителей романов «городских тайн», «политическое высказывание быстро уступило место сенсационности», а «претензия на социальную картину... свелась к нескольким стереотипным обобщениям» [Letourneux, 2007: 148]. Уже один из современных Э. Сю критиков, Луи Рейбо, в 1844 г. сочинил шуточный рецепт «изготовления» романа-фельетона: «Например, вы берете несчастную и гонимую молодую женщину. Добавляете к ней грубого и кровавого тирана, чувствительного добродетельного пажа и неискреннего и вероломного confidenta. Когда у вас в руках все эти персонажи, хорошенько перемешайте их в двух, трех, четырех сотнях фельетонов и подавайте горячими»¹⁵. Конечно, уже у Э. Сю можно обнаружить практически все типы героев (вор, убийца, мошенник, сводня, невинная жертва и т.п.) и весь репертуар тем и мотивов (нищета, преступность, несправедливая пенитенциарная система общества, нравственные пороки и т.п.), которыми будут пользоваться его последователи. Однако то, что у автора «Парижских тайн» было описание типического (и воспринимаемого читателями как таковое), у его эпигонов оказывается попросту стереотипным¹⁶. «Там, где Сю открывал прятующийся лик общества — лик преступления и нищеты,

¹⁴ Ср. также: «Автор мало-помалу становится адресатом эмоциональных писем: народ узнает себя в романе и своими замечаниями и советами направляет первоначальный замысел. Это исключительное явление!» [Dictionnaire du roman populaire francophone, 2007: 419].

¹⁵ Цит. по: [Reybaud, Paturot, 1997: 100].

¹⁶ Хотя Рут Амосси права, что и в «промышленной литературе», как и в «физиологическом очерке», трудно провести границу между типическим и стереотипным, она права также и в том, что современная «промышленным» писателям критика упрекала их вовсе не по причине стремления к типизации, а из-за плохого стиля, небрежностей, вызванных торопливостью, и т.п. См.: [Amosy, 1989: 113–123, 114–115].

связи, существующие между богачами и ворами, его продолжатели, подхватывая его идеи, делают лишь одно — воспроизводят ничего никому не открывающие штампы» [Letourneux, 2007: 149]. Если Э. Сю «питается референциальной логикой современного ему журналистского дискурса»¹⁷, то его последователи постепенно все больше встраивают свои сочинения прежде всего в романическую традицию, озабочены соответствием жанровой логике популярного романа. Закономерна поэтому реакция Жюль Валлеса на один из романов П. Феваль из серии «городских тайн»: «Как мы далеки даже не просто от правдивого — от вероятного! А “Парижские тайны” рассказывали о мире, который существовал и даже еще сохранился — пусть в агонии, на окраинах» [Vallès, 1864: 329]. Городское пространство в поздних романах «городской тайны» 1850—1870-х годов в конечном счете превращалось в мифологический топос, наделялось символично-фантастическими чертами, писатели, ставящие во главу угла функцию развлечения, все более утрачивали пафос социальности, а потому могли придерживаться разных политических взглядов (П. Феваль — легитимист, Понсон дю Терай — бонапартист, Жюль Лермина — анархист, Г. Эмар — республиканец и т.п.), но использовать сходные поэтологические приемы. И хотя как издательская серия романы «городских тайн» выходила из печати еще и после Первой мировой войны, но к началу XX столетия, справедливо отмечает М. Летурнё, “mystères urbains” исчерпали свой жанровый потенциал и постепенно исчезли из поля актуальной словесности, растворившись в других жанрах популярной литературы¹⁸.

Список литературы

- Sent-Bév III*. Литературные портреты. Критические очерки. М., 1976.
- Aguet J.-P.* Le tirage des quotidiens de Paris sous la monarchie de Juillet // *Revue suisse d'histoire*. Vol. X. 1960. № 2. P. 216—286.
- Amossy R.* Types ou stéréotypes? Les “Physiologies” et la littérature industrielle // *Romantisme*. 1989. № 64. P. 113—123.
- Aubry D.* Du roman-feuilleton à la série télévisuelle. Pour une rhétorique du genre et de la sérialité. Berne, 2006.
- Barthes R.* Essais critiques. Paris, 1981.
- Bory J.L.* Eugène Sue, le roi du roman populaire. Paris, 1962.
- Chabot P.* Les avatars italiens des Mystères de Paris d’Eugène Sue // *Frontières et passages, les échanges culturels et littéraires* / Ed. par Ch. Fourier et D. Mortier. Rouen, 1999. P. 129—136.
- Chabrier A.* De la chronique au feuilleton judiciaire: itinéraires des “causes célèbres” // *CONTEXTES* [Revue électronique]. 2012. № 11. URL: <http://contextes.revues.org/5312>

¹⁷ См.: [Letourneux, 2016].

¹⁸ См.: [Letourneux, 2015].

- Charentenay A. de, Goudmand A.* Fiction et idéologie: Marx, lecteur des Mystères de Paris // *CONTEXTES* [Revue en ligne]. N° 14, 2014. URL: <http://journals.openedition.org/contextes/5991>
- Cooper-Richet D., Mollier J.-Y.* Le roman populaire du XIX siècle: à l'origine des rituels de participation et d'identification // *Les cultes médiatiques: culture fan et oeuvres cultes*. Rennes, 2002. P. 53–65.
- Dictionnaire du roman populaire francophone / Sous la direction de D. Com-père. Paris, 2007.
- Durand P.* De la “littérature industrielle” au “poème populaire moderne”. Filtrages médiatiques et littéraires de la “culture de masse” au XIX siècle // *Culture de masse et culture médiatique en Europe et dans les Amériques, 1860–1940* / Sous la direction de J.-Y. Mollier, J.-F. Sirinelli, F. Valloton. Paris, 2006.
- Gauthier N.* La ville criminelle dans les grands cycles romanesques de 1840 à 1860: stratégies narratives et clichés. Thèse. Univ. Grenoble; Montréal, 2011.
- Gautier Th.* Histoire de l'art dramatique en France depuis vingt-cinq ans. Bruxelles, 1858–1859. En 6 vol. T. 3.
- Genevray F.* Trois décennies de “mystères urbains” en Russie: de la peinture du peuple à l'inventaire des bas-fonds // *Les Mystères urbains au XIX siècle: circulations, transferts, appropriations* // *Medias 19* [Revue en ligne]. 2015. URL: <http://www.medias19.org/index.php?id=17039>
- Glinoeur A.* Classes de textes et littérature industrielle dans la première moitié du XIXe siècle // *CONTEXTES* [Revue électronique]. 2009. Varia. URL: <http://journal.openedition.org/contextes/4325>
- Grossir C.* Du feuilleton à l'Assemblée Nationale: Eugène Sue et *Les Mystères de Paris* // *Romantisme*. 2008/ 3. N° 141. P. 107–118.
- Kalifa D.* Usage du faux. Faits divers et romans criminels au XIX siècle // *Annales. Histoire. Sciences Sociales*. Vol. 54. 1999. N° 6. P. 1345–1362.
- Kalifa D.* Les lieux du crime. Topographie criminelle et imaginaire social à Paris au XIXe siècle // *Sociétés et Représentations*. 2004/1. N° 17. P. 131–150.
- La querelle du roman-feuilleton. Littérature, presse et politique, un débat pré-curseur / Textes réunis et présentés par Lise Dumasy. Grenoble, 1999.
- Les Mystères urbains au XIX siècle: le roman de l'histoire sociale* / Sous la direction de C. Saminadayar-Perrin // *Autours de Vallès*. 2014. N° 43. 255 p.
- Letourneux M.* Paris, terre d'aventures. La construction d'un espace exotique dans les récits de mystères urbains // *Le voyage à Paris*. RITM. 2007. N° 37. P. 147–161.
- Letourneux M.* Les “mystères urbains”, expression d'une modernité énigmatique // *Alla ricarca delle radici popolari della cultura europea. Looking for the Roots of European Popular Culture*. Bologne, 2009. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00645212>.
- Letourneux M.* La disparition du genre des mystères au début du XX siècle // *Les Mystères urbains au XIX siècle: circulations, transferts, appropriations* // *Medias 19* [Revue en ligne]. 2015. URL: <http://www.medias19.org/index.php?id=17039>.

- Letourneux M.* Imaginaires sériels et circulation internationale. Le cas des mystères urbains (France, Grande Bretagne) // *Medias 19* [Revue en ligne]. 2016. URL: <http://www.medias19.org/index.php?id=15038>.
- Lyon-Caen J.* La Lecture et la Vie. Les usages du roman au temps de Balzac. Paris, 2006.
- Olivier-Martin Y.* Histoire du roman populaire en France. Paris, 1980.
- Palmer Chevasco B.* Mysterymania. The Reception of Eugène Sue in Britain 1838–1860. Oxford; N.Y., 2003.
- Rémusat Ch. de.* De l'esprit littéraire sous la Restauration et depuis 1830 (Revue des Deux Mondes. 1847. 30 avril) // La querelle du roman-feuilleton. Littérature, presse et politique, un débat précurseur / Textes réunis et présentés par Lise Dumasy. Grenoble, 1999.
- Reybaud L., Paturot J.* A la recherche d'une position sociale, présentée par Sophie-Anne Leterrier. Paris, 1997.
- Roulet C.* Le commerce du livre et la relation auteur-lecteur dans la première moitié du XIXe siècle en France // *Labyrinthe* [Revue électronique]. 2001. № 10. URL: <http://labyrinthe.revues.org/1187>.
- Sainte-Beuve Ch.* De la littérature industrielle // {Revue des Deux Mondes. 1 septembre 1839} Sainte-Beuve Ch. Portraits contemporains. Paris, 1846. 3 vol. T. 1. P. 495–515.
- Thiess A.-M.* L'éducation sociale d'un romancier. Le cas d'Eugène Sue // *Actes de la recherche en sciences sociales*. Vol. 32–33, 1980. P. 51–63.
- Vallès J.* Les romans nouveaux // *Le Progrès de Lyon*. 1864. 14 février. N1. P. 329.
- Wolf N.* Le roman comme la démocratie // *Revue d'histoire littéraire de la France*. Vol. 105. 2005. P. 343–352.
- Wandzioch M.* La manipulation des affects dans le roman populaire. Le cas des Mystères de Paris d'Eugène Sue // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia literaria romanica*. 2008. № 6. P. 125–133.

Natalia T. Pakhsarian

THE CITY MYSTERIES NOVELS OR “INDUSTRIAL LITERATURE” IN SOCIAL AND CULTURAL CONTEXT OF “INDUSTRIAL EPOCH”

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the peculiarities of development as well as evolution of the genre of the “city mysteries” novel which started to be very popular after Eugene Sue’s novel “The Mysteries of Paris” was published. The social and cultural context with all its axiological ambiguity was playing a very important role. Intrusion of the market relations into the sphere of literature resulted in the need to increase

and speed up publication of novels, the explosive growth of the industrial epoch's city civilization was accompanied by the growth of crime which in its turn became a topic for journalists and the source of the novels' plots. Appeal to the readers' sociocultural experience created a powerful effect of reality in Sue's novels — proved by the author's correspondence with his readers, the multiple editions of the novel and attempts at its imitation. In subsequent texts the genre scheme and novelistic clichés become more conspicuous while the sense of relevance for the readers' life experiences dramatically decreases.

Key words: feuilleton novel; social criminal genre; popularity; urban civilization; socio-cultural transfer.

About the author: *Natalia T. Pakhsarjan* — Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, School of Philology, Department of Foreign Literature (e-mail: npakhsarian@gmail.com).

References

- Sainte-Beuve Ch. *Literaturnye portrety. Kriticheskie ocherki* [Literary Portraits. Critical Essays]. Moscow, 1976, 581 p. (In Russ.).
- Aguet J.-P. Le tirage des quotidiens de Paris sous la monarchie de Juillet, *Revue suisse d'histoire*, 1960, vol. X, № 2, pp. 216–286.
- Amossy R. Types ou stéréotypes? Les “Physiologies” et la littérature industrielle, *Romantisme*. 1989, № 64, pp. 113–123.
- Aubry D. *Du roman-feuilleton à la série télévisuelle. Pour une rhétorique du genre et de la sérialité*. Berne, 2006, 244 p.
- Barthes R. *Essais critiques*. Paris, Éditions du Seuil, 1981, 275 p.
- Bory J.L. *Eugène Sue, le roi du roman populaire*. Paris, 1962, 448 p.
- Chabot P. Les avatars italiens des Mystères de Paris d'Eugène Sue, *Frontières et passages — Les échanges culturels et littéraires*, ed. par Ch. Fourier et D. Mortier. Rouen, 1999, pp. 129–136.
- Chabrier A. De la chronique au feuilleton judiciaire: itinéraires des “causes célèbres”, *COntEXTES [Revue électronique]*, 2012, № 11. URL: <http://contextes.revues.org/5312>
- Charentenay A. de, Goudmand A. Fiction et idéologie: Marx, lecteur des Mystères de Paris, *COntEXTES [Revue en ligne]*. 2014, № 14. URL: <http://journals.openedition.org/contextes/5991>
- Cooper-Richet D., Mollier J.-Y. Le roman populaire du XIX siècle: à l'origine des rituels de participation et d'identification, *Les cultes médiatiques: culture fan et oeuvres cultes*. Rennes, 2002, pp. 53–65.
- Dictionnaire du roman populaire francophone, Sous la direction de D. Com père. Paris, 2007, 490 p.
- Durand P. De la “littérature industrielle” au “poème populaire moderne”. Filtrages médiatiques et littéraires de la “culture de masse” au XIX siècle, *Culture de masse et culture médiatique en Europe et dans les Amériques, 1860–1940*, Sous la direction de J.-Y. Mollier, J.-F. Sirinelli, F. Valloton. Paris, 2006, 336 p.

- Gauthier N. *La ville criminelle dans les grands cycles romanesques de 1840 à 1860: stratégies narratives et clichés*. Thèse. Univ. Grenoble; Montréal, 2011, 586 p.
- Gautier Th. *Histoire de l'art dramatique en France depuis vingt-cinq ans*. Bruxelles, 1858–1859. En 6 vol. T. 3.
- Genevray F. Trois décennies de “mystères urbains” en Russie: de la peinture du peuple à l’inventaire des bas-fonds, Les Mystères urbains au XIX siècle: circulations, transferts, appropriations, *Medias 19 [Revue en ligne]*. 2015. URL: <http://www.medias19.org/index.php?id=17039>
- Glinoyer A. Classes de textes et littérature industrielle dans la première moitié du XIXe siècle, *COntEXTES [Revue électronique]*. 2009. Varia. URL: <http://journal.openedition.org/contextes/4325>
- Grossir C. Du feuilleton à l’Assemblée Nationale: Eugène Sue et Les Mystères de Paris // *Romantisme*. 2008, 3, № 141, pp. 107–118.
- Kalifa D. Usage du faux. Faits divers et romans criminels au XIX siècle, *Annales. Histoire. Sciences Sociales*. 1999, Vol. 54, № 6, pp. 1345–1362.
- Kalifa D. Les lieux du crime. Topographie criminelle et imaginaire social à Paris au XIXe siècle, *Sociétés et Représentations*. 2004/1, № 17, pp. 131–150.
- La querelle du roman-feuilleton. Littérature, presse et politique, un débat précurseur, Textes réunis et présentés par Lise Dumasy. Grenoble, 1999, 276 p.
- Les Mystères urbains au XIX siècle: le roman de l’histoire, Sous la direction de C. Saminadayar-Perrin. *Autours de Vallès*. 2014, № 43, 255 p.
- Letourneux M. Paris, terre d’aventures. La construction d’un espace exotique dans les récits de mystères urbains, *Le voyage à Paris. RITM*. 2007, № 37, pp. 147–161.
- Letourneux M. Les “mystères urbains”, expression d’une modernité énigmatique, *Alla ricarica delle radici popolari della cultura europea. Looking for the Roots of European Popular Culture*. Bologne, 2009. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00645212>.
- Letourneux M. La disparition du genre des mystères au début du XX siècle, Les Mystères urbains au XIX siècle: circulations, transferts, appropriations, *Medias 19 [Revue en ligne]*. 2015. URL: <http://www.medias19.org/index.php?id=17039>.
- Letourneux M. Imaginaires sériels et circulation internationale. Le cas des mystères urbains (France, Grande Bretagne), *Medias 19 [Revue en ligne]*. 2016. URL: <http://www.medias19.org/index.php?id=15038>.
- Lyon-Caen J. *La Lecture et la Vie. Les usages du roman au temps de Balzac*. Paris, 2006. 383 p.
- Olivier-Martin Y. *Histoire du roman populaire en France: de 1840 à 1980*. Paris, 1980, 301 p.
- Palmer Chevasco B. *Mysterymania. The Reception of Eugène Sue in Britain 1838–1860*. Oxford; N.Y., 2003, 284 p.
- Rémusat Ch. de. De l’esprit littéraire sous la Restauration et depuis 1830 (Revue des Deux Mondes. 1847. 30 avril), *La querelle du roman-feuilleton. Littérature, presse et politique, un débat précurseur*, Textes réunis et présentés par Lise Dumasy. Grenoble, 1999, 280 p.

- Reybaud L., Paturot J. *A la recherche d'une position sociale, présentée par Sophie-Anne Leterrier*. Paris; Belin, 1997, 425 p.
- Roulet C. Le commerce du livre et la relation auteur-lecteur dans la première moitié du XIXe siècle en France, *Labyrinthe [Revue électronique]*. 2001, N° 10. URL: <http://labyrinthe.revues.org/1187>.
- Sainte-Beuve Ch. De la littérature industrielle, {*Revue des Deux Mondes. 1 septembre 1839*} Sainte-Beuve Ch. *Potraits contemporains*. 1846, 3 vol., t. 1, pp. 495–515.
- Thiesse A.-M. L'éducation sociale d'un romancier. Le cas d'Eugène Sue, *Qctes de la recherche en sciences sociales*. 1980, vol. 32–33, pp. 51–63.
- Vallès J. Les romans nouveaux, *le Progrès de Lyon*. 1864, N° 1 (14 février), p. 329.
- Wolf N. Le roman comme la démocratie, *Revue d'histoire littéraire de la France*, 2005, vol. 105, N° 2, pp. 343–352.
- Wandzioch M. La manipulation des affects dans le roman populaire. Le cas des *Mystères de Paris* d'Eugène Sue, *Acta Universitatis Lodziensis. Folia literaria romanica*, 2008, N° 6, pp. 125–133.

А.А. Зубов

**«РОМАН С НАУЧНОЙ ПОДКЛАДКОЙ»:
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ
В РОССИИ НАЧАЛА XX в.**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье с позиций социологии литературы рассматривается жанр научной фантастики в России начала XX в. Карта русской литературы в указанный период представляла дифференцированную систему практик, институтов и читательских аудиторий, отношения между которыми коррелировали с отношениями в социальном пространстве. Автор описывает процесс институционализации популярного жанра научной фантастики в России в указанный период в социальном и экономическом контексте: дает характеристику механизмам продвижения жанра на литературном рынке и указывает на экономические ограничения, сдерживавшие появление русскоязычных научно-фантастических романов. Автор утверждает, что научная фантастика в указанный период представляла собой находящийся в стадии становления литературный проект, открытую нишу на литературном рынке, богато представленную западными «научными романами», количественно превосходившими отечественные романы той же тематики. Для повышения интереса отечественных «профессиональных беллетристов» к жанру издатели конструировали представления о научной фантастике как типе письма, открывающем путь к литературному успеху.

Ключевые слова: литература как институт; социальное воображение; научная фантастика; иллюстрированные журналы; П.П. Сойкин.

Предлагаемая статья представляет собой опыт описания жанра научной фантастики в России начала XX в. с точки зрения качественной социологии литературы. Работая (эксплицитно) в рамках отечественной школы социологии литературы (исследований Б.В. Дубина, А.И. Рейтблата) и (имплицитно) концепции литературного поля П. Бурдьё, мы видим цель данной статьи в том, чтобы, во-первых, локализовать жанр научной фантастики на карте русской литера-

Зубов Артем Александрович — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общей теории словесности (дискурса и коммуникации) МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: artem_zubov@mail.ru).

туры начала XX в. и, во-вторых, реконструировать транслируемые агентами-посредниками (издателями, критиками) представления о социальных возможностях, связанных с жанром.

I

Научная фантастика — жанр популярной литературы, становление и развитие которого в России происходит в начале XX в. Категория жанра рассматривается нами в социологическом измерении и понимается как социальный институт, основанный на постоянном взаимодействии социальных ролей писателя и читателя как основных агентов производства, потребления и воспроизводства литературы, агентов-посредников (издателя, критика, литературного журналиста, педагога, ученого) и институтов-распространителей (библиотек, книжных магазинов).

Понятие популярной литературы используется как социологическая характеристика: оно локализует сегмент литературного производства на карте литературы, указывает на его связь с другими сегментами, описывает качественный и количественный характер аудитории и специализированные каналы трансляции культурных продуктов. Одновременно понятие популярного рассматривается в антропологическом аспекте: оно характеризует чтение как социальную практику и указывает на его место в ряду других повседневных практик.

Понятия становления и развития описывают процесс институционализации жанра. Жанровое обозначение появляется, опознается и используется исполнителями социальных ролей поля литературы (писателями, критиками, издателями, продавцами книжных магазинов, библиотекарями и т.д.), формируя и трансформируя ожидания от литературных текстов, которые ассоциируются или потенциально могут ассоциироваться с ним, а также представления о достижимом горизонте литературного качества, о стратегиях интерпретации, о позиции (репутации) жанра в поле литературы.

Институциональная и эстетическая автономизация жанра происходит за счет увеличения количества «обслуживающих» его специализированных агентов. Автономный жанр, таким образом, — это тот, с которым на всех этапах жизненного цикла литературной публикации «работают» специализированные агенты (писатели пишут, издатели издают, критики оценивают, магазины продают, читатели читают, ученые изучают научную фантастику именно как «научную фантастику») и который предлагает своим читателям способы получения «удовольствия от текста» (а значит, прочтения и оценки),

отличные от тех, что предлагают другие литературные жанры или нежанровая литература.

Формализация эстетических установок жанра приводит впоследствии к появлению мастерских жанрового письма и института премий, который задает представление о норме и служит одним из инструментов канонизации внутри жанра. Об укреплении позиции жанра в поле литературы свидетельствует создание писательских организаций, читательских сообществ и научных ассоциаций, введение курсов по истории жанра в образовательные программы, появление специализированных литературно-критических и научных журналов.

Метафорически история жанра может быть описана как «колонизация» новых культурных, социальных и медийных территорий: жанр завоевывает нового читателя (растет гендерное, возрастное, профессиональное разнообразие аудитории), издателя (публикации научной фантастики появляются не только в популярных, но и в престижных литературных и научных изданиях¹), воспроизводит и репродуцирует себя во всевозможных медийных форматах.

Встраивание жанра, который опознается как новый, в существующую систему литературных жанров трансформирует систему в целом. Во-первых, эстетически: предлагая новые конфигурации литературных приемов и переопределяя уже существующие как жанровые. Во-вторых, социологически: связываясь с определенными социальными группами как своей «целевой аудиторией».

II

Жанровое обозначение «научная фантастика» появляется в 1910 г. в журнале «Мир приключений» как характеристика романа Уэллса «Война миров»². В дореволюционной России переводы Уэллса публиковались и в толстых литературных журналах, принадлежащих сектору элитарного производства, и в тонких, причем разные публикации получали разную жанрово-эстетическую характери-

¹ В 2007 г. том сочинений Филипа Дика (при жизни однозначно жанрового писателя, публиковавшегося в «массовых» литературных журналах) вышел в «Библиотеке Америки» (“Library of America”) — одном из сильнейших институтов классикализации литературы в Америке, сравнимый с французской «Библиотекой Пляяды» и отечественными «Литературными памятниками».

В России интенсивно происходит формирование жанрового канона. В 2003–2010 гг. «АСТ» выпускало серию «Библиотека мировой фантастики»: крупноформатные омнибусы, оформление которых повторяло оформление серии «Золотой фонд мировой классики» («АСТ», 2002–2012). Хотя есть отдельные попытки классикализации научной фантастики: в 2006 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» вышло научное издание романа Стругацких «Улитка на склоне».

² Подробнее см.: [Зубов, 2016].

стику: в «Вестнике Европы», например, Уэллс был назван «научно-реалистическим модернистом» [Lyubimova, Proskurnin, 2005: 63]. Тем не менее именно обозначение «научно-фантастический» прижилось и стало регулярно использоваться с произведениями Уэллса, а позже распространилось и на других авторов.

«Мир приключений» — литературное приложение к «тонкому иллюстрированному журналу для семейного чтения» «Природа и люди» (1889–1918) П.П. Сойкина, локализовавшегося в секторе популярного культурного производства. Понятие популярной культуры/литературы в позднеимперской России определяется учеными по-разному.

А.И. Рейтблат, устанавливая корреляцию между уровнем культурной иерархии, социальной принадлежностью писателя и читателя, количественными характеристиками аудитории, размером гонорара и способом тиражирования литературной продукции, представляет структуру читательской публики конца XIX — начала XX в. в виде пирамиды, «где вверху будут “образованные” читатели, внизу — “простонародье”, а между ними — “средние” читательские слои» [Рейтблат, 2009: 23]. Самая малочисленная группа занимала вершину пирамиды. Многочисленные и стремительно растущие — «промежуточная» и «простонародная» читательские аудитории. Каждая из групп обслуживалась своими писателями и своим «типом литературы», распространявшимся через специализированные каналы. «Образованные читатели» покупали толстые литературные журналы, содержащие переиздания классики и «проблемные» романы на социальные темы. «Средний» читатель выбирал газеты и тонкие иллюстрированные журналы. «Низовой» — газеты, лубочные издания [там же: 27–34].

Цели обращения к печатному слову, способы его распространения и потребления делали границу между «низким» и «средним» читателем проницаемой. Они, однако, резко противопоставлялись аудитории «элитарной» литературы. Джефффри Брукс определяет всю литературу «низких» слоев (распространяя это понятие на «низких» и на «средних» читателей в классификации Рейтבלата) как популярную, т.е. формульную и читаемую большинством [Brooks, 2003: xv]. В свою очередь «средние» и «низкие» читательские слои Брукс дифференцирует с точки зрения выбираемых ими культурных продуктов, связывая выбор с местом проживания (сельская местность или город): деревенские крестьяне предпочитали несерийные лубочные книги, горожане — периодические иллюстрированные журналы и газеты с «романами с продолжением» [Ibid.: xvii].

Основными поставщиками популярной литературы были «универсальные издатели» А.С. Суворин и И.Д. Сытин, стремившиеся

охватить и «среднего», и «низового» читателя во всем его многообразии: по уровню образования, возрасту (публикуя материалы для взрослых и детей) и гендеру (издавая книги и журналы для «семейного чтения»). Запуская проект иллюстрированного журнала «Природа и люди», Сойкин, с одной стороны, продолжил опыт Суворина и Сытина (совмещавших развлекательные и образовательные материалы), с другой — отказался от «универсальности» в пользу более узкой специализации.

В тонких иллюстрированных журналах в целом публиковался не только литературный материал, но также публицистический, научный и научно-популярный. Журналы становились, таким образом, «в силу универсального содержания своеобразными хрониками, книгами для чтения и энциклопедиями» [Рейтблат, 2009: 108]. Общая ориентация журналов при этом была на сенсационность, злободневность, скандальность: полицейская хроника в них соседствовала с криминальным романом, отчет о научной экспедиции с этнографическим рассказом, новости из мира науки с «научными романами». Разные журналы имели разную тематическую специализацию, и, значит, ориентировались на разные сегменты аудитории. Например, «Вокруг света» Сытина (в 1908–1917 гг. — В.А. Попова) был журналом этнографии, путешествий и приключений. «Природа и люди», хотя и был близок журналу Сытина, фокусировался на точных науках, этнографии и романах естественно-научной тематики. Литературные и научные публикации в этих журналах дополняли друг друга: статьи ученых поясняли (напрямую или косвенно) сенсационность романов.

Литературное ядро журнала Сойкина составляли «научно-фантастические романы» («научные» и «астрономические романы», «романы с научной подкладкой»), что отличало его от других иллюстрированных журналов, фокусировавшихся на исторических сюжетах. Сойкин издавал Ж. Верна, Г. Уэллса, К. Лассвица, Ж. Ле Фора, А. Графиньи, О. Бельяра, М. Ренара и других известных зарубежных авторов. Сделав ставку на этот тип литературы, Сойкин и Я.И. Перельман (ответственный редактор журнала «Природа и люди» и идеолог «Мира приключений»), вскоре, однако, осознали, что не могут предложить читателю подобных русскоязычных романов.

III

«Русские писатели неохотно берутся за темы научно-фантастического характера. У нас нет ни своего Верна, ни своего Уэллса, ни даже своего Лори», — так начинается анонимная рецензия на по-

весть А. Куприна «Жидкое солнце»³. «Экскурсии в область научно-фантастической беллетристики» в русской литературе были: автор статьи называет романы Соломина, «В мире будущего» Шелонского, «Красная звезда» Богданова, «астрономическую фантазию» Циолковского «На Луне», романы М. Волохова, М.К. Первухина и К. Алазанцева⁴. Однако никто из перечисленных писателей не сумел составить конкуренцию Верну или Уэллсу.

Автор очерка подробно разбирает повесть Куприна и формулирует критерии «качества» научной фантастики. Хотя литературные достоинства повести высоки и в чем-то даже превосходят творения Верна и Уэллса, научная идея в ней оказалась неубедительной. Куприн предложил теорию солнечного двигателя, сгущающего солнечные лучи в газ — изобретение, которое должно было стать «одним из величайших дел, когда-либо предпринятых величайшим существом *Homo sapiens*» [Ловец солнечных лучей, 1913: 705]. Однако эта идея, уверяет автор статьи, неоригинальна: солнечные двигатели существуют в действительности и используются в Калифорнии, Индии и Египте. Более того, Куприн не сумел предложить и плана практического использования этого изобретения: автор повести «не разворачивает грандиозных перспектив, не поражает читателя панорамой неожиданных возможностей, вытекающих из этого открытия» — а ведь именно это и делает «подобные научно-фантастические произведения заманчивыми и захватывающими» [там же: 710].

Эксплицитно автор очерка заявляет, что в России нет своих сильных авторов научной фантастики, имплицитно же призывает русскоязычных писателей начать работать в этом жанре. Писать научную фантастику непросто: в ней важен баланс научности и литературности, однако награда за труды велика — мировой успех, сравнимый с успехом Верна и Уэллса. Эти романисты позиционировались в журналах Сойкина и Попова как «звезды», как ведущие литераторы современности, воздействующие на читателей глубиной социального анализа и пророческим видением будущего.

В одном 1908 г. журнале «Вокруг света» вышло сразу несколько статей, в которых конструировался образ Верна и Уэллса как про-

³ См.: [Ловец солнечных лучей, 1913].

По-видимому, автором этой рецензии, а также анонимных предисловий и комментариев к литературным публикациям в «Мире приключений» был Перельман — ему принадлежала идея создания журнала, и он отвечал за отбор материала в каждый выпуск.

⁴ М. Волохов, К. Алазанцев, П., М.П., М. Алазанцев, Л.Т., Леонид Томский, В. Украинцев, В. Де-Мар, Михаил Де-Мар, М. Замятин, М. Константинов и Староверов — псевдонимы писателя М.К. Первухина. Если автор очерка и знал об этом, то, вероятно, не хотел разоблачать мистификацию.

видев грядущего: Верн предвидел автомобиль и подводную лодку⁵; Уэллс берет область современной науки или общественной жизни и логически шаг за шагом рисует ее возможное будущее⁶. О рассказе Уэллса «Сухопутные броненосцы» писали: «Это замечательный пример оправдавшегося в действительности пророчества писателя-беллетриста» [Уэллс, 1917: 95]. «Фантастические романисты не успевают пустить в ход какую-нибудь выдумку, как жизнь постепенно уже догоняет их», — писал Бразуль о романе Уэллса «Война миров» [Бразуль, 1913: 913]. Пушкарский в очерке о Верне утверждал, что задача научно-фантастических романов состоит в том, чтобы «легко перескочить через затруднения, неразрешимые без целого ряда новых открытий» [Пушкарский, 1915: 149], т.е. подсказать науке пути к созданию новых изобретений.

В сознании читателей формировался образ научно-фантастического письма как ключа к раскрытию личного научно-творческого потенциала: современная наука, осмысленная через призму «научно-фантастического воображения», обнаруживает перед смотрящим множество вариантов своего развития. Научная фантастика, таким образом, оказывается жанром, наиболее подходящим для осмысления современности в ее динамике.

Несмотря на столь яркую рекламу (научная фантастика как усилитель воображения и медиатор между настоящим и будущим), рынок подталкивал к поиску коммерческих подходов к продвижению жанра. Сойкин, стремясь убедить своих читателей, что в России есть сильные авторы научной фантастики и что они публикуются в его изданиях, в 1913 г. переиздает в «Мире приключений» роман Н.Н. Соколова «Ариасвати»⁷. Реклама публикации была направлена на переопределение жанровой идентичности романа и включение его в новый жанровый контекст. В анонсе «Ариасвати» определяется как «научный роман» и сравнивается с произведениями Верна и Г. Эмара: «Здесь не только фантастические рассказы, в роде Ж. Верна и т.п., о чудесах нашей будущей техники... автор задается более серьезною задачею — осветить, насколько это возможно для неподготовленного читателя, в повествовательной форме дебри сравнительного языкознания (филологии) и показать, к каким любопытным выводам приходит эта как будто “сухая” наука. В данном случае его занимает филология арийцев, родоначальников современных европейцев»⁸. (Реклама была повторена в 1914 г. в № 10 журнала.)

⁵ См.: [Пророчества писателей-утопистов, 1908: 67].

⁶ См.: [Гений фантазии — Г. Уэллс, 1908: 785].

⁷ Роман Соколова впервые был опубликован в журнале «Природа и люди» в 1893 г. (№ 22–52), в 1909 г. вышел отдельным книжным изданием.

⁸ Мир приключений. 1913. № 10. [Вставка после с. 768.]

Роман Соколова, однако, далек от технических фантазий Уэллса или Верна, в нем больше необъяснимо-мистического, чем научно-технического, хотя он и позиционируется как один из наиболее удачных русскоязычных «научных романов». По-видимому, редакции просто больше нечего было предложить читателям.

В 1910-х годах научная фантастика становится жанром, который мыслится как еще не реализовавший себя проект, как ниша на литературном рынке России. Научная фантастика — в далекой перспективе — открывает перед писателем путь к успеху и славе, даже статусу провидца технократического будущего — своеобразному «низовому» варианту поэта-пророка элитарной литературы. О богатстве и щедрых гонорарах редакция, однако, умалчивает.

Перевес зарубежных «научных романов» в изданиях Сойкина объясняется не только отсутствием достойных русскоязычных эквивалентов, но и экономическими причинами. В связи с тем, что Россия не подписывала ни двухсторонние договоры об охране авторской собственности, ни Бернскую конвенцию 1886 г., издатели журналов могли публиковать переводы без разрешения правообладателей. Труд переводчиков же оплачивался по очень низкой ставке (5–10 р. за печатный лист). Иными словами, публикация переводного романа была экономически выгоднее, чем оригинального русскоязычного произведения. Более того, гонорары в тонких журналах были меньше, чем в толстых: например, Л.Н. Толстой за один печатный лист в 1890-е годы получал около одной тысячи рублей, Н.С. Лесков — 500 руб. [Рейтблат, 2009: 94], популярный же беллетрист Н.Н. Карзин получил от Сойкина 500 руб. за издание целого собрания сочинений⁹, А. Зарин за публикацию собрания рассказов получил от Сойкина 90 руб.¹⁰ Ориентация на переводные произведения заметно сокращала графу расходов издательства Сойкина.

Гонорар как форма реализации отношений между писателями, издателями и читателями — один из параметров, указывающих на статус писателя и письма на разных уровнях культурной иерархии: «тираж издания и гонорарная ставка находились... в обратно пропорциональной зависимости (чем выше тираж, тем ниже гонорар)» [там же: 98]. Вершину социальной пирамиды составляли немногочисленные, но материально обеспеченные читатели, которые могли платить за издания больше, чем многочисленные, но малоимущие «низовые» читатели. В то же время «образованную» аудиторию обслуживали писатели, для которых литераторство не было основным источником дохода: многие из «элитарных» писателей жили за счет

⁹ РГАЛИ. Ф. 468. Оп. 1. Ед. хр. 18.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 468. Оп. 3. Ед. хр. 12.

доходов с поместий и в гонорарах, по сути, не нуждались. Их литературный труд, однако, оплачивался лучше, чем труд писателей из других секторов литературного производства: размер гонорара, таким образом, зависел от социального статуса. Труд «профессиональных беллетристов», для которых писательство было основным источником дохода, ценился невысоко, что говорит о слабой социальной потребности в отечественной литературе (большинство читало зарубежную литературу в подлиннике или в переводе) и в целом о низком статусе писательства как «торговли» талантом. (Шкала гонорара, таким образом, представляет горизонтальную ось на карте литературы, сословная принадлежность агента института литературы — вертикальную¹¹).

Сойкин, хотя и сотрудничал со многими популярными беллетристами, в основном публиковал научные и научно-популярные статьи ученых и популяризаторов науки, что, с одной стороны, до определенной степени освобождало его от необходимости «играть» по правилам литературного поля, с другой, — делало зависимым от поля науки, агенты которого сами диктовали условия сотрудничества и определяли размеры гонораров. Ученый-любитель, журналист и популяризатор науки Е.А. Предтеченский попросил у Сойкина 250 р. за издание книги «Астроном-любитель»¹²; драматург и историк И.Л. Щеглов (Леонтьев) потребовал у Сойкина за издание труда «Народ и театр» 500 р. с условием, что если работа станет лауреатом премии Академии Наук и если весь тираж будет распродан, то автору полагается еще 300 р.¹³ Несмотря на эти условия, отказаться от сотрудничества с учеными и популяризаторами Сойкин не мог, так как именно их вклад придавал смысл и наделял содержанием литературные публикации.

* * *

Завершая статью, следует сказать, что мы охватили очень короткий промежуток времени — всего около семи лет с момента первых случаев использования обозначения «научная фантастика» до революции 1917 г., вызвавшей резкие сдвиги в институте литературы,

¹¹ Поэзия («самый “аристократичный” вид литературного творчества») и «проблемный» роман находятся на противоположных сторонах от вертикальной оси: гонорары за поэзию меньше, чем за прозу, но занимают одну плоскость относительно горизонтальной оси. «Проблемный» роман и роман «профессионального беллетриста» находятся на одной стороне от вертикальной оси, но на противоположных от горизонтальной.

¹² РГАЛИ. Ф. 468. Оп. 3. Ед. хр. 4.

¹³ РГАЛИ. Ф. 468. Оп. 3. Ед. хр. 9.

Книга Шмелева в итоге вышла в издании А.С. Суворина в 1911 г.

переопределившей понимание «высокого» и «низкого» в культуре, перенастроившей динамику отношений между полем литературы и полем власти. Мы не утверждаем, что за этот период жанр институционализировался; напротив, мы хотели показать, что жанр мыслился именно как проект — как ниша на литературном рынке, в которой издатели видели большой символический потенциал.

Вопрос, не рассмотренный в данной публикации, но который надеемся развить в дальнейшем, — это вопрос об аудитории научной фантастики. Очевидно, что понятия «низкого» и «среднего» читателя охватывали слишком широкую и разнородную аудиторию, чтобы каждого ее представителя можно было рассматривать как заинтересованного читателя Верна, Уэллса или же Циолковского. Внутри этой широкой группы следует выделить более узкую категорию фабричных рабочих — «рабочую интеллигенцию», для которой чтение «научных романов» было частью повседневных практик; их анализ станет логичным продолжением исследования по социологии института литературы, представленного в этой статье.

Список литературы

В статье использовались архивные материалы РГАЛИ.

- Бразуль Д.* Безголовое человечество. Фантазия Г. Уэллса и действительность // Мир приключений. 1913. № 5. С. 913–918.
- Гений фантазии — Г. Уэллс. Краткая характеристика // Вокруг света. 1908. № 47. С. 785–788. [Без подписи.]
- Зубов А.* Научная фантастика в России начала XX века: археология жанра // *Leo Philologiae: фестшрифт к 70-летию Л.И. Соболева.* М., 2016. С. 106–127.
- Ловец солнечных лучей. По поводу повести А.И. Куприна «Жидкое солнце» // Мир приключений. 1913. № 10. С. 697–710. [Без подписи.]
- Пророчества писателей-утопистов // Вокруг света. 1908. № 4. С. 67. [Без подписи.]
- Пушкарский М.* Пророческий роман Жюль Верна // Мир приключений. 1915. № 6. С. 149.
- Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
- Уэллс Г.Д.* Сухопутные броненосцы // Мир приключений. 1917. № 2. С. 95–122.
- Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Evanston, Ill, 2003.
- Lyubimova A., Proskurnin B.* H.G. Wells in Russian Literary Criticism, 1890s–1940s // The Reception of H.G. Wells in Europe / Ed. Patrick Parrinder, John S. Partington. N.Y., 2005. P. 63–73.

Artem A. Zubov

**“SCIENTIFIC NOVEL”:
SCIENCE FICTION AND THE SOCIAL IMAGINARY
IN THE EARLY 20TH CENTURY RUSSIA**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In the *fin-de-siècle* Russia, literature, perceived from the sociological perspective, functioned as a differentiated system of practices and institutions. Hierarchical interrelations within the system were defined by the relations in the social space. In this article, I describe the process of the institutionalization of the popular genre of science fiction in Russia from sociological and economic perspectives by characterizing the means, which editors of popular periodicals used to promote the genre in the literary market, and economic restrictions that limited the flow of Russian language scientific novels. I argue that at that time science fiction existed as an emerging literary project — an open niche in the market where European scientific novels quantitatively exceeded Russian language novels on the same subject. To raise the “professional belletrists” interest in the genre, editors constructed and advanced the social image of science fiction as a mode of writing which opened the way to literary success.

Key words: literature as a social institution; social imaginary; science fiction [nauchnaya fantastika]; illustrated magazines; Pyotr Soykin.

About the author: *Artem A. Zubov* — Candidate of Philology, lecturer, Lomonosov Moscow State University, School of Philology, Department for Discourse and Communication Studies (e-mail: artem_zubov@mail.ru).

References

In this article, I use data from the Russian State Archive of Literature and Art (Rossiyskiy gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva).

Brazul D. Bezgolovoye chelovetchestvo. Fantaziya G. Wellsa i deistvitelnost' [Headless Humanity. Wells' Fantasies and Reality]. *Mir priklucheniy* [The World of Adventures], 1913, № 5, pp. 913–918. (In Russ.)

Geniy fantazii—G. Wells. Kratkaya kharakteristika [Master of Fantasy — H. Wells. A Short Characteristic]. *Vokrug sveta* [Around the World], 1908, № 47, pp. 785–788 [Anonymous]. (In Russ.)

Zubov A. Nauchnaya fantastika v Rossii v nachale 20 veka: arkhologiiya zhanra [Science Fiction in the Early 20th century Russia: The Archaeology of the Genre]. *Leo Philologiae: A festschrift honoring Lev Sobolev's 70th anniversary*. Moscow, 2016, pp. 106–127.

Lovets solnechnykh lutchey. Po povodu povesti A.I. Kuprina *Zhidkoye solntse* [The Catcher of the Sun Rays. On A. Kuprin's novella *The Liquid Sun*].

- Mir priklucheniy* [The World of Adventures], 1913, № 10, pp. 697–710 [Anonymous]. (In Russ.).
- Prorotchestva pisateley utopistov [Prophecies by the Writers of Utopias]. *Vokrug sveta* [Around the World], 1908, № 4, p. 67 [Anonymous]. (In Russ.).
- Pushkarskiy M. Prorotchesky roman Zhulya Verna [Jules Verne's Prophetic Novel]. *Mir priklucheniy* [The World of Adventures], 1915, № 6, pp. 149–160. (In Russ.).
- Reiltblat A.I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugiye raboty po istricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and Other Works in the Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow, 2009, 448 p. (In Russ.).
- Wells H. Sukhoputnye bronenosy [The Land Ironclads]. *Mir priklucheniy* [The World of Adventures], 1917, № 2, pp. 95–122. (In Russ.).
- Brooks J. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Evanston, Ill., 2003. 450 p.
- Lyubimova A., Proskurnin B.H.G. Wells in Russian Literary Criticism, 1890s–1940s. *The Reception of H.G. Wells in Europe*. Ed. Patrick Parrinder, John S. Partington. N.Y., 2005, pp. 63–73.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А.С. Гурьев

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕФОРМУЛИРОВАНИЯ¹

Данное исследование, выполненное на основе корпусного анализа 300 случаев употребления коннектора *то есть*, посвящено прагматическим аспектам переформулирования как одного из видов логико-семантических отношений. Будучи удобным дискурсивным инструментом, который позволяет говорящему остановить продвижение текста, чтобы доработать «неудавшийся», в его понимании, фрагмент текста, переформулирование может быть двух видов: локальным (микросинтаксическим) и масштабным (макросинтаксическим). Если микросинтаксическое переформулирование подразумевает замену одного зависимого члена предложения другим, то макросинтаксическое переформулирование затрагивает две или более самостоятельные клаузы. Опираясь на работы исследователей Фрибургской группы [Groupe de Fribourg 2012], статья описывает прагматические механизмы обоих видов переформулирования, а также их связь с некоторыми когнитивными операциями, сопровождающими речевую деятельность.

Ключевые слова: переформулирование; прагматика; микросинтаксис; макросинтаксис; логико-семантические отношения; семантика; речевая деятельность.

1. Вводные замечания: переформулирование как логико-семантическое отношение. В данном исследовании мы хотим осветить некоторые аспекты *переформулирования* (П) как одного из видов логико-семантических отношений, при котором связываемые этим отношением два фрагмента текста описывают одну ситуацию [Инькова, Гурьев в печати]. Среди работ, посвященных П, можно, в частности, выделить те, что исследуют его коммуникативные [Schiffrin, 1982], интерактивные [Jeanneret, 1992] или семантические аспекты [Fuchs, 1994; Rossari, 1993; Vassiliadou, 2004; Cuenca, 2003; Blakemore, 2007; Nyland, 2007]. В нашем исследовании, которое опирается на

Гурьев Александр Станиславович — Ph. D., постдокторант, филологического факультета Женевского университета (e-mail: Alexander.Guryev@unige.ch).

¹ Исследование выполнено в рамках совместного российско-швейцарского проекта “Corpus-based contrastive study of connectors in Russian” (РФФИ № 16-24-41002, ШННФ/FNS № IZLRZ1_164059). Автор выражает благодарность О.Ю. Иньковой и И.М. Кобозевой за полезные обсуждения и замечания в ходе работы над статьей.

результаты анализа 300 случаев употребления коннектора *то есть*², мы сосредоточимся на прагмасинтаксических операциях, лежащих в основе П. В этом мы будем опираться главным образом на работы исследователей Фрибургской группы (Швейцария, Groupe de Fribourg), которая разработала теорию прагмасинтаксиса на основе корпусных исследований устной французской речи [Groupe de Fribourg, 2012; Berrendonner, 2004], а также на работы группы исследователей из университета Экс-ан-Прованса (Франция, Groupe aixois de recherche en syntaxe, GARS), которая известна своим грамматическим анализом особенностей разговорного французского языка [Blanche-Benveniste, 1989; 1997; 2003]. Интерес к исследованиям этих групп с нашей стороны обусловлен тем, что они указывают на необходимость различать при синтаксическом анализе речи два вида конструкций: *микросинтаксические* и *макросинтаксические*. Действительно, как будет видно из данного исследования, П, в зависимости от характера сопутствующих ему прагмасинтаксических операций, может быть двух видов: локальным (микросинтаксическим) или масштабным (макросинтаксическим). Важно, что, согласно теории Фрибургского прагмасинтаксиса, микросинтаксические и макросинтаксические структуры являются результатом разных когнитивных процессов. Прежде чем перейти непосредственно к анализу, мы определим П как логико-семантическое отношение.

П действует в своей прототипической форме три компонента [Gülich & Kotschi, 1983: 308]: переформулируемый фрагмент текста А, переформулирующий фрагмент текста В и связывающий их показатель П, выраженный коннектором (*то есть, иначе говоря, иными словами* и т.д.) или другими средствами, в том числе и паралингвистическими (пауза, интонация незавершенности, удлинение слога, повторение слова и т.п.) [Jeanneret, 1992: 72]. Ср. (1), которое содержит переформулируемое А (*эти два несчастья*), переформулирующее В (*зловещее письмо старосты и переезд на новую квартиру*) и коннектор *то есть*:

- (1) Но в самом-то деле [эти два несчастья]_А, то есть [зловещее письмо старосты и переезд на новую квартиру]_В, переставали тревожить Обломова и поступали уже только в ряд беспокойных воспоминаний. [И.А. Гончаров. Обломов (1859)]

Отметим, что с формальной точки зрения фрагменты А и В могут быть разной степени сложности: от части синтаксической группы до цепочки независимых высказываний. Вопрос о том, каким ви-

² Примеры заимствованы из Надкорпусной базы данных коннекторов (НБД), созданной на основе параллельного русско-французского и французско-русского подкорпуса НКРЯ (подробнее о концепции НБД [см.: Инькова, Кружков, 2016; Зацман и др., 2016]).

дом синтаксической связи связаны между собой оба фрагмента, остается в лингвистике спорным. Русская грамматика предпочитает говорить об особом виде синтаксической связи — пояснении, рассматриваемом только в рамках простого предложения, — отмечая в целом сходство пояснения с сочинением, но в то же время указывая на имеющиеся у него признаки подчинения [РГ-80 II, § 2084; Глебская, 2000]. Однако с семантической точки зрения синтаксические структуры, квалифицируемые как пояснительные, неоднородны. Наряду с «собственно пояснением», или, в нашей терминологии, **переформулированием** (1), русская грамматика относит к пояснительным также отношение «включение» (2) и «уточнение» (3) [РГ-80 II, § 2084]:

- (2) Дарья Михайловна считала переезд на лето в деревню необходимым [для детей]_А, *в особенности* [для девочки]_В [Толстой, РГ-80]
- (3) Вино и баранину мне привозят [с гор]_А, [с моей фермы]_В [Куприн, РГ-80]

Однако, если при пояснении «два разных обозначения отнесены к одному и тому же предмету», то при включении «второй член ряда называет то, что входит в состав первого», а при уточнении «второй член ряда более точно (узко) определяет то, что названо первым членом» [РГ-80 II, § 2084–2089]. Таким образом, в отличие от П, которое указывает на тождество денотативных областей элементов А и В, два других отношения основаны на соотношении элемента и множества (включение) или переходе от общего к частному (уточнение) [Инькова, Манзотти в печати]. Действительно, как было показано в [Инькова, Гурьев в печати], показатели этих трех отношений далеко не всегда взаимозаменяемы; ср. (4) и (5) или (6), неприемлемую трансформацию (2) выше:

- (4) У меня в доме живет и теща, *то есть* мать моей жены, и дети [Н.В. Гоголь. Нос (1836)]
- (5) У меня в доме живет и теща, **а именно* мать моей жены, и дети
- (6) Дарья Михайловна считала переезд на лето в деревню необходимым для детей, **то есть* для девочки.

Таким образом, главное отличие П состоит в том, что оно устанавливает тождество денотативных областей фрагментов текста А и В, соединенных данным отношением и являющихся двумя разными способами описать один предмет или одну и ту же ситуацию.

2. Прагматика переформулирования. С прагматической точки зрения П удобно тем, что оно позволяет говорящему вернуться в ходе коммуникации к предыдущему фрагменту сообщения с целью его оптимизации в том или ином аспекте. Можно, следовательно, предположить, что П имеет общие черты с разного рода речевыми

сбоями (хезитации, повторы, паузы, онлайн-коррекции, редактирование и т.п.) [Подлеская, Кибрик, 2007; Кипяткова, Верходанова, Ронжин, 2012], так как все они сигнализируют о временной приостановке говорящим своей речевой программы. Ср. (1) и (4) выше, где переформулирующее В не продвигает программу, а возвращает к предыдущему высказыванию А, практически являясь его повтором и выполняя ту же синтаксическую функцию.

Сходство между двумя явлениями косвенно подтверждается тем, что их показатели могут быть использованы для перевода друг друга. Ср. (7) и его французский перевод (8), где использован показатель П *c'est-à-dire* (русск. *то есть*) для передачи хезитации говорящего, обозначенной в русском тексте многоточием:

- (7) Я только хочу сказать, что те права, [которые меня]_А... [мой интерес]_В затрагивают, я буду всегда защищать всеми силами [Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]
- (8) А ceci: lorsqu'il s'agira de droits [qui me toucheront]_А, *c'est-à-dire* [qui toucheront mon intérêt personnel]_В, je saurai les défendre de toutes mes forces [Trad. par Henri Mongault (1952)]

Таким образом, оба явления — П и речевые сбои — указывают на невозможность осуществления говорящим своей речевой программы с первой попытки: говорящий вынужден вернуться по тем или иным причинам к предыдущему этапу и прервать тем самым актуализацию своей программы. В то же время если П и речевые сбои сигнализируют о временной приостановке высказывания говорящим на структурном, или синтагматическом, уровне, они тем не менее способствуют продвижению речевой программы говорящего на интерактивном уровне, указывая на то, что им ведутся поиски более «удачной» формулировки для осуществления своего коммуникативного замысла.

Можно предположить, что в устной спонтанной речи, где говорящий постоянно сталкивается с проблемами планирования дискурса [Подлеская, Кибрик, 2007], характерным будет употребление П в функции онлайн-редактирования или маркера коррекции речевого сбоя, тогда как в письменной речи П будет часто являться частью коммуникативной программы, выступая в качестве аргументативной стратегии, позволяющей варьировать форму подачи информации.³ Так, с помощью П одна и та же информация может быть представлена аналитически или синтетически [Groupe de Fribourg, 2012: 308–309]. При аналитическом способе подачи информации фрагмент В более детально излагает фрагмент А (9), тогда как при синтетическом, наоборот, резюмирует его (10):

³ Подробное изучение аспектов употребления переформулирования в разных регистрах речи требует отдельного корпусного исследования.

- (9) Ту науку, в которой стал работать Зельдович, он назвал [«Релятивистская астрофизика»]_А, *то есть* [физика космических явлений, для понимания которых необходима теория относительности]_В. [Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)]
- (10) Игнорируют или отрицают [принципиальную незавершенность]_{А1} и [диалогическую открытость художественного мира Достоевского]_{А2}, *то есть* [самую сущность его]_В. [М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

Подчеркнем при этом, что разные с точки зрения прагматики проявления П — результат одной семантической операции, которая отсылает к предыдущему фрагменту текста А и структурирует альтернативным способом его семантическое содержание с помощью фрагмента текста В. Подобно другим логико-семантическим отношениям и выражающим их коннекторам (*и, а, но, хотя, однако* и т.п.), употребление П и его показателя *то есть* не зависит от регистра речи.

Наконец, заметим, что П может иметь не только локальный характер, затрагивая синтагмы или их части, но и более масштабный характер, затрагивая более сложные текстовые конфигурации:

- (11) <...> [впрочем, отчего ж мне и не признаться в свою очередь, с самого начала я дал обещание, что женюсь не ее дочери, обещание словесное, совершенно свободное... Это была девушка... впрочем, она мне даже нравилась... хотя я и не был влюблен... одним словом, молодость]_А, *то есть* [я хочу сказать, что хозяйка мне делала тогда много кредиту и я вел отчасти такую жизнь... я очень был легкомыслен...]_В [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Иными словами, П может быть двух видов: микросинтаксическим (9)–(10) и макросинтаксическим (11) (ср. также такие понятия, как «микрорекоррекции» и «макрорекоррекции» в работе [Подлеская, Кибрик, 2007]). Ниже, опираясь на теоретические положения Фрибурского прагмасинтаксиса, мы рассмотрим отличия первого от второго.

3. Микросинтаксис vs макросинтаксис. Согласно теории прагмасинтаксиса, синтаксический анализ речевой деятельности должен учитывать наличие двух составляющих: **микросинтаксиса** и **макросинтаксиса** (*micro-syntaxe, macro-syntaxe*)⁴.

Микросинтаксис воплощает в строгом смысле слова грамматическую систему языка, в которой различные структурные элементы предложения зависят грамматически друг от друга [Groupe de Fribourg, 2012: 47; Bergendonner, 2004: 251]. Так, следуя грамматическим законам, простые морфосинтаксические элементы, морфемы, вступают между собой в различные комбинации или синтагмы,

⁴ В статье ключевые понятия Фрибурского прагмасинтаксиса переведены нами с французского языка на русский.

которые, в свою очередь, формируют самостоятельную предикативную структуру, именуемую **клаузой** (*clause*). Важно подчеркнуть, что клауза является максимальной комбинаторной единицей: она не зависит грамматически от других примыкающих к ней клауз, вместе с которыми она образует единый текст.

В отличие от микросинтаксиса макросинтаксис (именуемый также прагмасинтаксисом) представляет собой полисемиотическую модель: высказывание есть результат взаимодействия грамматической системы языка, где оно реализовано посредством клаузы, и паралингвистической, где клауза в зависимости от коммуникативного замысла говорящего сопровождается соответствующей интонацией (пунктуацией), мимикой или определенными жестами [Groupe de Fribourg, 2012]. В то же время любое высказывание или клауза приравнивается к действию, которое направлено на трансформацию исходного состояния **дискурсивной памяти** собеседников (ДП)⁵ (*mémoire discursive*) по принципу ДПⁱ, ДПⁱ⁺¹... ДПⁱ⁺ⁿ:

$$(12) \text{ ДП}^i \xrightarrow{\hspace{2cm}} \text{ ДП}^{i+1} \xrightarrow{\hspace{2cm}} \text{ ДП}^{i+2}$$

Клауза 1

Клауза 2

|

|

Катя поехала в город.

Она вернется после обеда.

Подчеркнем, что обе составляющие — микросинтаксис и макросинтаксис — вносят свой вклад в структуризацию речи, дополняя друг друга, и говорящий должен найти компромисс между ними. Так, при микросинтаксических операциях основная нагрузка падает на короткую память говорящего, так как его когнитивные усилия направлены на воспроизведение морфосинтаксических комбинаций, формирующих структуру клаузы [Berrendonner, 2004: 256]. Напротив, при макросинтаксических операциях когнитивные усилия направлены прежде всего на осуществление процесса инференции, на установление кореферентности между излагаемыми фактами и на создание «общей картины» коммуникативной ситуации. При этом, учитывая, что существенная нагрузка выпадает на процессы инференции, в устной спонтанной речи можно наблюдать упрощение синтаксического строя [Berrendonner, 2004: 256–257].

Исследования по нейролингвистике косвенно подтверждают положения Фрибургского прагмасинтаксиса. Считается, что при речевой деятельности левое и правое полушария мозга говорящего

⁵ Ср. более известное в лингвистике понятие “common ground” [Clark, Brennan, 1991].

имеют разные, но взаимодополняющие функции. Так, если дословное понимание и грамматическая обработка текста (т.е. микросинтаксис) сопровождается в значительной степени активностью левого полушария, то по мере того как усложняется дискурсивная составляющая текста, увеличивая нагрузку на процессы инференции (т.е. макросинтаксис), возрастает и активность правого полушария [Xu, Kemeny, Park, Frattali, Braun, 2005].

4. Микросинтаксическое переформулирование. На долю микросинтаксического П, при котором фрагменты текста А и В представляют собой зависимые члены предложения или их части, в нашем корпусе приходится 44,3% или 133 случая употребления *то есть*:⁶

- (13) вот-с, изволите видеть: <...> [студент]_А, [бывший]_В *то есть*, денег не платит, векселей надавал. [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

По мнению К. Бланш-Бенвенист [Blanche-Benveniste 2003], локальное П свидетельствует о том, что построение клаузы происходит сначала на парадигматическом уровне, где осуществляется актуализация некой абстрактной синтаксической группы, и только затем на синтагматическом уровне, где происходит выбор того или иного лексического средства, ее заполняющего. В процессе речи говорящий может, следовательно, всегда вернуться к исходной синтаксической группе для оптимизации ее лексического состава:

(14) вот-с,	изволите	студент	денег не платит, векселей
видеть		бывший [студент]	надавал

Таким образом, учитывая, что при построении высказывания усилия говорящего одновременно направлены и на микросинтаксис, и на планирование речевой программы (выстраивание макроструктур с учетом процессов инференции и установления кореферентности между излагаемыми фактами), П может существенно облегчить коммуникативную задачу говорящего, предоставляя ему возможность доработать «неудавшийся» фрагмент, предложив более удачный вариант. Неслучайно производимые П операции рассматриваются как «отпечатки» когнитивных усилий говорящего [Jeanneret, 1992: 72].

5. Макросинтаксическое переформулирование. На долю макросинтаксического П, при котором фрагменты текста А и В представляют собой клаузы, в нашем корпусе приходится 49,7%, или 149 случаев употребления *то есть*. В макросинтаксических конфигурациях А

⁶ При этом было зафиксировано 18 случаев (6%), которые могут трактоваться двояко: либо как микросинтаксические, либо как макросинтаксические конфигурации. В данном исследовании, ограниченном по объему, эти вопросы обсуждаться не будут.

и В могут быть репликами диалога, принадлежащими разным собеседникам (15), отдельными предложениями (16), самостоятельными предикативными структурами в составе сложного предложения (17), или последовательностями клауз разной степени сложности (18):

- (15) – Да, надо будет поехать. [Ужасно далеко жили они.]_А — [*То есть* от вас далеко.]_В [Л.Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886)]
- (16) – Я ведь и не знал, что ты тоже у старухи закладывал. [И... и... давно это было?]_А *То есть* [давно ты был у ней?]_В [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]
- (17) [Ольга в строгом смысле не была красавица]_А, *то есть* [не было ни белизны в ней, ни яркого колорита щек и губ]_{В1}, [и глаза не горели лучами внутреннего огня]_{В2}; [ни кораллов на губах, ни жемчугу во рту не было]_{В3}; [ни миньятюрных рук, как у пятилетнего ребенка, с пальцами в виде винограда]_{В4}. [И.А. Гончаров. Обломов (1859)]
- (18) [Во время происхождения тайны ты как бы отсутствуешь. <...> Что-то подобное... я так думаю... испытывает человек, который много дней провел в келье. Мир для него обнаружился в бесконечных деталях. Очертаниях.]_А *То есть* [тайна, она может быть доступна, как предметная вещь, как ваза, например, но чтобы что-то понять, должно быть больно.. А как понять, если не болит?]_В [Светлана Алексиевич. Время second-hand // Дружба народов. 2013]

Заметим, что нередко в этих конфигурациях один из фрагментов или оба фрагмента А и В являются обрывочными:

- (19) Не будете больше этим заниматься? От радости все помутилось в голове у Варенухи, лицо его засияло, и он, не помня, что говорит, забормотал: — [Истинным...]_А *То есть* [я хочу сказать, ваше ве...]_В [Сейчас же после обеда...]_В. — Варенуха прижимал руки к груди, с мольбой глядел на Азazelло. [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)]
- (20) — [А па-а-азвольте спросить, это вы насчет чего-с]_А, — начал про-виантский, — *то есть* [на чей... благородный счет... вы изволили сейчас...]_В [А впрочем, не надо!]_В. Вздор! Вдова! [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Подобные конфигурации с обрывочными фрагментами характерны для устной спонтанной речи и являются результатом коммуникативных сложностей, возникших у говорящего при реализации коммуникативной программы. В (19)–(20) в поисках наиболее приемлемого варианта говорящим сделано несколько попыток (причем не всегда успешных) построить высказывание нужным ему образом. Неслучайно в таких конфигурациях можно наблюдать повторные упоминания показателя П *то есть*:

- (21) — [Так вот, Дмитрий Прокофьевич, я бы очень, очень хотела узнать... как вообще... он глядит теперь на предметы]_А, *то есть*, [поймите меня, как бы это он вам сказать]_В; *то есть* [лучше сказать: что он любит и что не любит?]_В. [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Наконец, к макросинтаксическому П относятся также конфигурации, в которых фрагмент А является зависимым синтаксическим элементом в составе первой клаузы, а фрагмент В оформлен в виде вставочной клаузы; но подобные конфигурации редки (в нашем корпусе зафиксировано два случая):

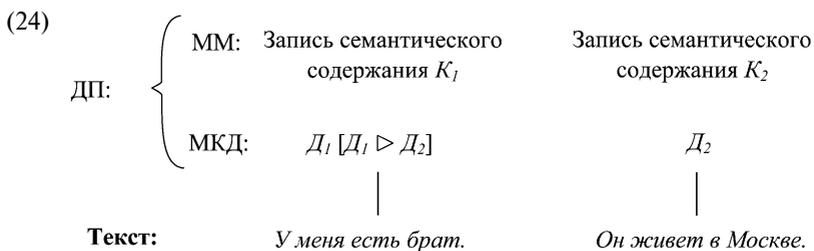
- (22) [А сегодня поутру, в восемь часов]_А, — *то есть* [это на третий-то день, понимаешь?]_В — вижу, входит ко мне Миколай, не тверезый, да и не то чтоб очень пьяный, а понимать разговор может. [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Прагмасинтаксис относит масштабное П к одному из видов макросинтаксических комбинаций (*routines macro-syntaxiques*), которые объединяют две самостоятельные клаузы, K_1 и K_2 . Помимо собственно П (23)а, к ним относятся следующие комбинации⁷.

- (23) Виды макросинтаксических комбинаций:
- а) **Действие + Переформулирование** (*Action + Réfection*):
[я не взял с собой паспорт] ^{K_1} [то есть забыл его дома] ^{K_2}
 - б) **Инициация + Действие** (*Préparation + Action*):
[у меня есть брат] ^{K_1} [он живет в Москве] ^{K_2}
 - в) **Действие + Подтверждение** (*Action + Confirmation*):
[здесь цены будут подешевле] ^{K_1} [мне так кажется] ^{K_2}
 - г) **Действие + Продолжение** (*Action + Continuation*):
[это здание построили давно] ^{K_1} [в нем сейчас идут ремонтные работы] ^{K_2}

Как мы видим, прототипическая структура макросинтаксической комбинации состоит из двух клауз. Это обусловлено тем, что первая клауза K_1 сама по себе не имеет возможности полностью передать коммуникативный замысел говорящего и требует актуализации второй клаузы K_2 . Ср., например, комбинацию (23)б, в которой K_1 вводит новый элемент (*брат*), иницируя коммуникативную программу, а K_2 применяет к этому элементу определенное действие и тем самым реализует минимальную речевую программу говорящего. Таким образом, производимое начальной клаузой действие D_1 предвосхищает последующее действие D_2 : D_1 [$D_1 > D_2$]. Эта операция фиксируется на метакоммуникативном уровне в одном из компонентов дискурсивной памяти (ДП), именуемом **моделью коммуникативных действий** (МКД) (*modèle des actions communicatives*). В то же время вводимая каждой клаузой новая информация сохраняется в другом компоненте дискурсивной памяти — **модели мира** (ММ) (*modèle du monde*). Это значит, что осуществляемые клаузами операции фиксируются не только на информативно-семантическом уровне (т.е. моделью мира), но также и на метакоммуникативном уровне относительно друг друга (т.е. моделью коммуникативных действий) (24):

⁷ Подробнее см. [Groupe de Fribourg, 2012: 154].

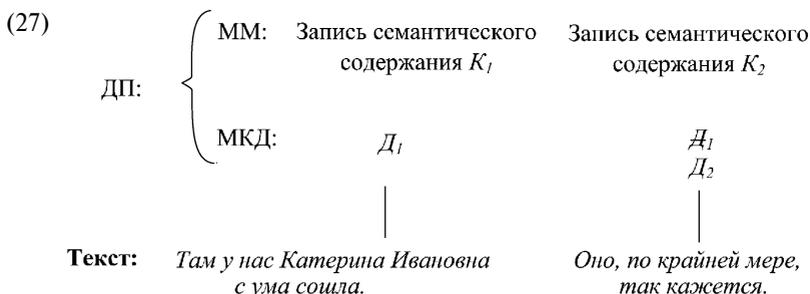
Считаясь одной из разновидностей макросинтаксических комбинаций, перечисленных в (23), П относится к разряду парадоксов [Groupe de Fribourg, 2012: 140—141, 316]. Как мы уже отмечали, будучи парадигматической операцией, П временно приостанавливает актуализацию речевой программы говорящего на синтагматическом уровне и тем самым позволяет ему доработать «неудавшееся» или «незавершенное», в его понимании, высказывание:

(25) [Там у нас Катерина Ивановна с ума сошла]^{K1}, <...> *То есть* [оно, по крайней мере, так кажется]^{K2}. Впрочем... Мы там не знаем, что и делать, вот что-с! [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

То есть при П, где семантическое содержание K_2 по-другому репрезентирует коммуникативный замысел говорящего, чем содержание K_1 , говорящий сигнализирует о замещении предыдущего действия D_1 на последующее D_2 :

(26) [Там у нас Катерина Ивановна с ума сошла]^{D1} | [Оно, по крайней мере, так кажется]^{D2} | <...> Мы там не знаем, что и делать, вот что-с!

В свою очередь, эта операция по замещению одного действия другим фиксируется в дискурсивной памяти (ДП) на метакоммуникативном уровне моделью коммуникативных действий. Парадокс переформулирования как раз и заключается в том, что возникает некоторое противоречие между двумя компонентами ДП — моделью мира (ММ) и моделью коммуникативных действий (МКД) (27):

Тогда как на метакоммуникативном уровне происходит временная остановка программы в связи с заменой первоначального действия D_1 последующим D_2 , моделью мира на информативно-семантическом уровне продолжает вести запись поступления новой информации, содержащейся в каждой отдельной клаузе (ср. употребление анафорического местоимения (*оно*) в K_2 (27), которое отсылает к содержанию, сохранившемуся в дискурсивной памяти собеседников, K_1 в целом).

6. Выводы. Переформулирование, как мы показали, может быть двух видов: микросинтаксическим и макросинтаксическим. В обоих случаях П является удобным дискурсивным инструментом, позволяющим говорящему доработать «неудавшийся», в его понимании, фрагмент текста (собственный или собеседника), чтобы пояснить или прокомментировать его, внести коррекцию или построить аргументацию, подобрать языковые средства, которые более точно передали бы замысел говорящего. Тем не менее между двумя видами П имеются и принципиальные отличия.

Микросинтаксическое П — явление сугубо интра-клаузальное: оно позволяет говорящему сохранить целостность структуры своего высказывания и одновременно произвести операцию замещения одного зависимого члена предложения другим, часто употребляющимся в той же синтаксической функции, что и переформулируемый фрагмент. С этой точки зрения микросинтаксическое П удобно тем, что говорящему не требуется строить новую клаузу, для того чтобы осуществить эту замену. В противном случае говорящему пришлось бы каждый раз прибегать к построению нового высказывания, что противоречило бы закону экономии в языке.

При макросинтаксическом П фрагменты текста А и В представляют собой отдельные клаузы. При этом если моделью коммуникативных действий фиксируется остановка в продвижении речевой программы говорящего в связи с заменой одного действия другим, то моделью мира осуществляется обновление поступающей информации, заключенной в каждой клаузе. Иными словами, при макросинтаксическом П наблюдается продвижение программы на информативно-семантическом уровне и ее остановка на метакоммуникативном уровне.

На этом основании П можно отнести к подклассу так называемых вертикальных или статичных логико-семантических отношений (наряду с такими отношениями, как генерализация и спецификация): подобное отношение «позволяет тексту двигаться в том смысле, что он[о] увеличивает его объем материально и семантически, добавляя новую информацию <...>. Но е[го] природа <...> вертикальна,

статична» [Инькова, 2017: 63] (ср. также понятия «вертикальные интерпретирующие речевые акты» в работе [Кобозева, Лауфер, 1994]). Допустимая «доза» переформулирования в речи зависит, по-видимому, от языка и от регистра речи. В работе [Cuenca, 2003: 1088] показано, например, что академические тексты, написанные на испанском, содержат больше конструкций с П, чем тексты, написанные на английском, в силу того что нормы испанского языка в сравнении с английскими позволяют в большей степени пользоваться дигрессией в противовес линейному порядку текста.

Список литературы

- Глебская Т.Ф.* К вопросу о пояснительной связи в простом предложении // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. Вып. 3 (19). С. 66–68.
- Зацман И.М., Инькова О.Ю., Кружков М.Г., Попкова Н.А.* Представление кроссязыковых знаний о коннекторах в надкорпусных базах данных // Информатика и ее применения. 2016. № 10/1. С. 106–118.
- Инькова О.Ю.* Генерализация: определение, текстовые функции, показатели (на материале русского, французского и итальянского языков) // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 52–82.
- Инькова О.Ю., Гурьев А.С.* К вопросу о категории пояснения в русской грамматике // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1. В печати.
- Инькова О.Ю., Кружков М.Г.* Надкорпусные русско-французские базы данных глагольных форм и коннекторов // Inkova O., Trovesi A. (a c. di). *Lingue slave a confronto*. Bergamo, 2016. С. 365–392.
- Инькова О., Манзотти Э.* О семантике спецификации (на материале русского и итальянского языков). В печати.
- Кипяткова И.С., Верходанова В.О., Ронжин А.Л.* Сегментация паралингвистических фонационных явлений в спонтанной русской речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2 (18). С. 17–23.
- Кобозева И.М., Лауфер Н.И.* Интерпретирующие речевые акты // Арутюнова Н.Д., Рябцева Н.К. (отв. ред.). Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 63–71.
- Подлеская В.И., Кибрик А.А.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. 2007. Сер. 2. С. 2–23.
- Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
- Berrendonner A.* Grammaire de l'écrit vs grammaire de l'oral: le jeu des composantes micro- et macro-syntaxiques. Interactions orales en contexte didactique. Rabatel A. (éd.). Lyon, 2004. P. 249–262.
- Blakemore D.* 'Or'-parentheticals, 'that is'-parentheticals and the pragmatics of reformulation // Journal of Linguistics. 2007. 43 (2). P. 311–339.

- Blanche-Benveniste C.* Approches de la langue parlée en français. Gap-Paris, 1997.
- Blanche-Benveniste C.* La naissance des syntagmes dans les hésitations et répétitions du parler. Le sens et la mesure. De la pragmatique à la métrique, Hommages à Benoît de Cornulier. Paris, 2003. P. 153–169.
- Blanche-Benveniste C.* Les régulations syntaxiques dans les productions de français parlé. LINX 20, Analyse grammaticale de corpus oraux. 1989. P. 7–20.
- Clark H.H., Brennan S.E.* Grounding in communication. Perspectives on socially shared cognition. 1991. 13. P. 127–149.
- Cuenca M.J.* Two ways to reformulate: a contrastive analysis of reformulation markers // Journal of Pragmatics. 2003. 35 (7). P. 1069–1093.
- Fuchs C.* Paraphrase et énonciation. Paris, 1994.
- Groupe de Fribourg. Grammaire de la période. Berne, 2012.
- Gülich E., Kotschi T.* Les marqueurs de la reformulation paraphrastique. Cahiers de linguistique française. 1983. 5. P. 305–351.
- Hyland K.* Applying a Gloss: Exemplifying and Reformulating in Academic Discourse // Applied Linguistics. 2007. 28/2. P. 266–285.
- Jeanneret T.* Pourquoi reformuler et comment le faire? // Tranel. 1992. 18. P. 67–81.
- Rossari C.* Les opérations de reformulation. Berne, 1994.
- Schiffrin D.* Cohesion in Everyday Discourse: The Role of Paraphrase // Sociolinguistic Working Paper. 1982. 97. P. 3–17.
- Vassiliadou H.* Les connecteurs de reformulation *c'est-à-dire* en français et *ōilađi* en grec // Lingvisticae Investigationes. 2004. 27 (1). P. 125–146.
- Xu J., Kemeny S., Park G., Frattali C., Braun A.* Language in context: emergent features of word, sentence, and narrative comprehension // Neuroimage. 2005. 25 (3). P. 1002–1015.

Alexander Guryev

PRAGMATIC AND COGNITIVE ASPECTS OF REFORMULATION

This study, based on a corpus analysis of 300 uses of the connector *to est'* in Russian (Eng. *that is*, Lat. *id est*), focuses on pragmatic aspects of reformulation as one type of logico-semantic relations. Being an efficient discursive instrument, which allows the speaker to stop syntagmatic structuring of discourse in order to restate a “failed” text fragment in a more optimal way, reformulation can be of two types: local (micro-syntactic) and large-scale (macro-syntactic). If micro-syntactic reformulation consists in replacing one dependent grammatical constituent with another, macro-syntactic reformulation involves two or more grammatically independent clauses. Following the theoretical framework of the Groupe de Fribourg (2012), the article highlights the pragma-syntactic mechanisms

of two types of reformulation and their relationship with some cognitive operations involved in discourse processing.

Key words: reformulation; pragmatics; micro-syntax; macro-syntax; logico-semantic relations; semantics; discourse processing.

About the author: *Alexander Guryev* — Ph. D., postdoctoral researcher, Faculty of Humanities, University of Geneva (e-mail: Alexander.Guryev@unige.ch).

References

- Glebskaja T.F. K voprosu o pojasnitel'noj svjazi v prostom predlozhenii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 2000, vyp. 3 (19), pp. 66–68.
- Zacman I.M., Inkova O. Ju., Kruzhkov M.G., Popkova N.A. Predstavlenie krossjazykovyh znanij o konnektorah v nadkorpornyh bazah dannyh. *Informatika i ee primenenija*, 2016, № 10/1, pp. 106–118.
- Inkova O. Ju. Generalizacija: opredelenie, tekstovye funkcii, pokazateli (na materiale ruskogo, francuzskogo i ital'janskogo jazykov). *Voprosy jazykoznanija*, 2017, № 3, pp. 52–82.
- Inkova O. Ju., Guryev A.S. K voprosu o kategorii pojasnenija v ruskoj grammatike. *ruskij jazyk v nauchnom osveshhenii*, 2018, № 1, v pechati.
- Inkova O. Ju., Kruzhkov M.G. *Nadkorpornyje rusko-francuzskie bazy dannyh glagol'nyh form i konnektorov*. Inkova O., Trovesi A. (a c. di). *Lingue slave a confronto*. Bergamo, 2016, pp. 365–39.
- Inkova O., Manzotti E. *O semantike specifikacii (na materiale ruskogo i ital'janskogo jazykov)*. V pechati.
- Kipjatkova I.S., Verhodanova V.O., Ronzhin A.L. Segmentacija paralingvističeskikh fonacionnyh javlenij v spontannoju ruskoju reči. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubežnaja filologija*, 2012, vyp. 2 (18), pp. 17–23.
- Kobozeva I.M., Laufer N.I. Interpretirujushhie rečevye akty. Artjunova N.D., Rjabceva N.K. (otv. red.), *Logičeskij analiz jazyka. Jazyk rečevykh dejstvij*. M., 1994, pp. 63–71.
- Podlesskaja V.I., Kibrik A.A. Samoispravlenija govorjashhego i drugie tipy rečevykh sboev kak objekt korpusah ustnoj reči. *Nachno-tehnicheskaja informacija*, 2007, ser. 2, pp. 2–23.
- Russkaja grammatika annotirovanija v*, pod red. N. Ju. Shvedovoj. M., 1980.
- Berrendonner A. *Grammaire de l'écrit vs grammaire de l'oral: le jeu des composantes micro- et macro-syntaxiques*. Interactions orales en contexte didactique. Rabatel A. (éd.). Lyon, 2004, pp. 249–262.
- Blakemore D. 'Or'-parentheticals, 'that is'-parentheticals and the pragmatics of reformulation. *Journal of Linguistics*. 2007. 43 (2), pp. 311–339.
- Blanche-Benveniste C. *Approches de la langue parlée en français*. Gap-Paris, 1997.
- Blanche-Benveniste C. *La naissance des syntagmes dans les hésitations et répétitions du parler. Le sens et la mesure. De la pragmatique à la métrique, Hommages à Benoît de Cornulier*. Paris, 2003, pp. 153–169.

- Blanche-Benveniste C. Les régulations syntaxiques dans les productions de français parlé. *LINX 20, Analyse grammaticale de corpus oraux*, 1989, pp. 7–20.
- Clark H.H., Brennan S.E. Grounding in communication. *Perspectives on socially shared cognition*, 1991, 13, pp. 127–149.
- Cuenca M.J. Two ways to reformulate: a contrastive analysis of reformulation markers. *Journal of Pragmatics*. 2003, 35 (7), pp. 1069–1093.
- Fuchs C. *Paraphrase et énonciation*. Paris, 1994.
- Groupe de Fribourg. *Grammaire de la période*. Berne, 2012.
- Gülich E., Kotschi T. Les marqueurs de la reformulation paraphrastique. *Cahiers de linguistique française*, 1983, 5, pp. 305–351.
- Hyland K. Applying a Gloss: Exemplifying and Reformulating in Academic Discourse. *Applied Linguistics*. 2007, 28/2, pp. 266–285.
- Jeanneret T. Pourquoi reformuler et comment le faire? *Tranel*, 1992, 18, pp. 67–81.
- Rossari C. *Les opérations de reformulation*. Berne, 1994.
- Schiffrin D. Cohesion in Everyday Discourse: The Role of Paraphrase. *Sociolinguistic Working Paper*, 1982, 97, pp. 3–17.
- Vassiliadou H. Les connecteurs de reformulation *c'est-à-dire* en français et *ðilaði* en grec. *Lingvisticae Investigationes*, 2004, 27 (1), pp. 125–146.
- Xu J., Kemeny S., Park G., Frattali C., Braun A. Language in context: emergent features of word, sentence, and narrative comprehension, *Neuroimage*, 2005, 25 (3), pp. 1002–1015.

М.Ю. Привизенцева

ЭЛЛИПСИС СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В бурятском языке морфологическое оформление именных зависимых при наличии вершины именной группы и без нее различается: в препозиции к выраженному существительному зависимое не маркируется, а если существительное элидировано, то к линейно последнему из зависимых присоединяются показатели падежа, числа и посессивности. В статье утверждается, что при эллипсисе существительного в бурятском удаляется составляющая малого объема, включающая только корень и словообразовательные категории. Словоизменительные показатели, находящиеся вне элидированной составляющей, оказываются без основы существительного, к которой присоединяются в обычном случае, и клитизируются к ближайшему доступному элементу — зависимому отсутствующего существительного. При таком подходе некоторую трудность вызывают генитивные зависимые: несмотря на то, что они находятся вне элидированной составляющей, к ним показатели отсутствующей вершины присоединяться не могут.

Ключевые слова: эллипсис; эллипсис существительного; именная группа; бурятский язык.

1. Введение

Термин «эллипсис» в широком смысле используется для обозначения явления, при котором в предложении отсутствует некоторая фонетическая цепочка и ее значение восстанавливается из контекста или ситуации. Синтаксические и семантические свойства именного эллипсиса и его отличия от других типов эллипсиса составляют тему для научных дискуссий на протяжении последних 30 лет [Lobeck, 1995; Kestner, 1996; Llombart-Huesca, 2002; Corver, van Koppen, 2009; 2011; Saab (в печати)]. Тем не менее вопросы о наличии структуры на месте элидированного элемента и об условиях лицензирования эллипсиса остаются открытыми. В данной работе представлен ма-

Привизенцева Мария Юрьевна — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mprivizentseva@gmail.com).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 16-18-02081.

териал именного эллипсиса в бурятском языке, который, насколько нам известно, ранее в связи с теорией и типологией эллипсиса не обсуждался, а лишь поверхностно затрагивался в традиционных грамматических описаниях бурятского языка, таких как [Поппе, 1938; Рорре, 1960; Санжеев, 1962]. С одной стороны, морфологические особенности маркирования именного зависимого при опущенном существительном в бурятском наиболее естественно анализируются в рамках подхода, согласно которому именной эллипсис — постсинтаксический процесс «удаления» именной вершины. С другой стороны, данные бурятского языка могут быть использованы как аргумент против такого подхода, поскольку, как будет продемонстрировано в данной статье, задействованных им механизмов оказывается недостаточно для объяснения всех фактов бурятского эллипсиса.

В разделе 2 есть необходимые для дальнейшего изложения сведения о бурятском языке и структуре именной словоформы. В разделах 3 и 4 рассматриваются свойства эллипсиса существительного, обсуждается минимальный и максимальный объем элидируемой составляющей, а также показан возможный анализ этого явления. Проблему для него представляет поведение генитивных зависимых, которым посвящен раздел 5. Раздел 6 содержит заключение.

2. Имя и структура именной группы в бурятском языке

Бурятский язык относится к монгольской ветви алтайской языковой семьи и используется в некоторых районах России (Бурятия, Иркутской области и Забайкальском крае), а также на севере Монголии и в северо-восточных областях Китая. В данной статье представлены данные баргузинского диалекта бурятского языка, полученные в результате работы с носителями, проживающими в с. Барагхан Курумканского района Республики Бурятия².

Бурятский язык характеризуется наличием гармонии гласных, агглютинативным строем и левым ветвлением. В (1) представлен пример простого предложения, иллюстрирующий некоторые свойства бурятского языка: финальное расположение глагола, отсутствие согласования зависимого внутри именной группы и гармонию гласных в суффиксе прошедшего времени (также этот показатель может реализоваться как *-əə-*, *-oo-* или *-θθ-*)³. Помимо

² Автор выражает глубокую благодарность носителям бурятского языка, в результате работы с которыми написание этой статьи стало возможным.

³ При представлении примеров мы следуем Лейпцигским правилам глоссирования (см.: URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>). Список используемых сокращений приведен в конце статьи.

этого к типологическим особенностям бурятского языка можно отнести расположение вопросительных слов *in situ*, вариативное маркирование прямого дополнения и развитую систему причастных и деепричастных форм.

- (1) *bi xara xon-i:-jə ala-a:-b*
 я черный овца-CNT2-ACC зарезать-PRТ1-1SG
 ‘Я зарезал черную овцу.’

Грамматические категории существительного в бурятском — число, падеж и посессивность. Показатель числа присоединяется непосредственно к основе, далее следует маркер падежа, а затем — показатель посессивности:

- (2) *noxoi-nu:d-tə-mni*
 собака-PL-DAT-POSS.1SG
 ‘моим собакам’
- (3) $\sqrt{\text{-NUM-CASE-POSS}}$

Несколько нетривиальным в (3) представляется взаимное расположение показателей падежа и посессивности. В различных языках падеж, как правило, является наиболее внешним элементом словоформы, в частности, при его структурной реализации соответствующая проекция оказывается наиболее внешней в именной словоформе [Bittner, Hale, 1996]. Можно предположить, что и в бурятском структурно падеж находится выше других именных показателей, а наблюдаемый порядок — производный, что он возникает вследствие морфологических процессов, таких как понижение (Lowering) или локальная дислокация (Local Dislocation) [Embick, Noyer, 2001]. Тем не менее на данный момент какие-либо аргументы в пользу такой реорганизации бурятской словоформы отсутствуют, поэтому мы будем следовать ‘принципу зеркальности’, согласно которому морфологический порядок показателей отражает их структурное расположение [Baker, 1985], и предположим, что бурятская именная словоформа имеет следующую структуру:

- (4) [_{POSS.P}...[_{KP}...[_{NUM.P}...[_{NP}[_{VP} *noxoi*]]] -*nu:d*] -*tə*] -*mni*]⁴
 собака PL DAT POSS.1SG

3. Эллипсис существительного

Зависимые существительного (прилагательные, числительные, причастия, падежнооформленные зависимые) в бурятском в обычном случае не выражают падежные и числовые характеристики вер-

⁴ Мы придерживаемся гипотезы позднего озвучивания [Maranz, 1994], согласно которой на стадии синтаксической деривации фонетическая реализация языковых структур еще отсутствует. Морфемы в (4) даются только для удобства восприятия.

шины (5). Единственное исключение — указательные местоимения, форма которых зависит от единственного или множественного числа существительного (6).

- (5) а. *jəxə noxoi-nu:d-to /*jəxə-nu:d-tə noxoi-nu:d-to*
 большой собака-PL-DAT большой-PL-DAT собака-PL-DAT
 ‘большим собакам’
- б. *xəjor noxoi-nu:d-to /*xəjor-nu:d-to noxoi-nu:d-to*
 два собака-PL-DAT два-PL-DAT собака-PL-DAT
 ‘двум собакам’
- с. *ax-i:n noxoi-nu:d-to /*ax-i:n-nu:d-ta noxoi-nu:d-to*
 брат-CNT2-GEN собака-PL-DAT брат-CNT2-GEN-PL-DAT собака-PL-DAT
 ‘собакам брата’
- (6) а. *ənə noxoi-do /*ənən-də noxoi-do*
 этот собака-DAT этот. OBL-DAT собака-DAT
 ‘этой собаке’
- б. *ədə noxoi-nu:d-to /*ədə:n-də noxoi-do*
 этот.PL собака-PL-DAT этот.PL.OBL-DAT собака-PL-DAT
 ‘этим собакам’

Отсутствие именной вершины к зависимым присоединяются показатели падежа, числа и посессивности. Так, в примере (7а) прилагательное оформляется дативом — падежом, который соответствует позиции именной группы, в (7б) оставшееся именное зависимое присоединяет показатели множественного числа и падежа, а в (7с) добавляется и маркер посессивности.

- (7) *jamar ʉnʉn-də /*ʉnʉn-u:d-tə Badma ədʲə ʉg-θ:-b?*
 какой корова-DAT корова-PL-DAT Бадма еда. ST дать-PRT1-Q
 {ЛК: ‘Какой корове / каким коровам Бадма дал еду?’}
- а. *tərə jəxə /*jəxə-də ʉg-θ:*
 он большая большая-DAT дать-PRT1
 ‘Он дал большой.’
- б. *Tərə *jəxə /*ʉjəxə-nu:d-tə ʉg-θ:*
 он большая большая-PL-DAT дать-PRT1
 ‘Он дал большим.’
- с. *Tərə *jəxə /*ʉjəxə-nu:d-tə-mni ʉg-θ:*
 он большая большая-PL-DAT-1SG дать-PRT1
 ‘Он дал моим большим.’

Во всех примерах (7а–с) оставшимся элементом именной группы является прилагательное, (8а–б) иллюстрирует аналогичное функционирование числительных и указательных местоимений. Генитивные зависимые существительного рассматриваются в разделе 5.

- (8) а. *Sajana gurban ʉnʉn-də ədʲə ʉg-θ:, bi durbən-də*
 Саяна три корова-DAT еда. ST дать-PRT1 я четыре-DAT
ʉg-θ:-b
 дать-PRT1-1SG
 ‘Саяна дала еды трем маленьким коровам, а я дала четырем.’

- b. *jamar vaza Darima aba-xa han-a:-tai bai-ga:-b?*
 какой ваза Дарима братъ-РОТ думать-PRТ1-СОМ быть-PRТ1-О
Darima энэ n-i:-jэ aba-xa han-a:-tai bai-ga:
 Дарима этот. ОВЛ-СНТ2-АСС братъ-РОТ думать-PRТ1-СОМ быть-PRТ1
 ‘Какую вазу Дарима хотела купить? Она хотела купить эту.’

В отсутствие существительного показателя присоединяются не ко всем его зависимым, а только к линейно последнему как в (9), где оставшаяся часть именной группы состоит из двух прилагательных и падежом маркируется только линейно второе. Падежное оформление только первого прилагательного или обоих признается носителями языка неграмматичным.

- (9) *Badma эдэ биф:хан со:хор үн'эн-дэ үг-ө.,*
 Бадма еда.СТ маленький пятнистый корова-ДАТ дать-PRТ1
jэхэ xurin-дэ үфө: үг-ө:-гни.
 большой коричневый-ДАТ еще дать-PRТ1-NEG
 /*jэхэ-дэ xurin-дэ /*jэхэ-дэ xurin
 большой-ДАТ коричневый-ДАТ большой-ДАТ коричневый
 ‘Бадма дал еду маленькой пятнистой корове, а большой коричневой еще нет.’

Таким образом, морфологическое оформление именных зависимых при наличии вершины именной группы и без нее различаются: в препозиции к выраженному существительному зависимое не маркируется, а если существительное элидировано, то к линейно последнему из зависимых присоединяются показатели падежа, числа и посессивности. Аналогичная ситуация наблюдается в венгерском языке [Saab, Lipták, 2016; Ruda, 2016], а также, предположительно, и в некоторых других агглютинативных языках без согласования в именной группе, таких как, например, кечуа [Weber, 1983], персидский [Ghaniabadi, 2010] (цит. по: [Saab, Lipták, 2016] или горномарийский [Привизенцева, 2016].

В работе [Saab, Lipták, 2016] предлагается анализ эллипсиса существительного в венгерском языке, который также подходит для объяснения описанных выше данных бурятского языка. Прежде чем перейти к анализу бурятского материала кратко рассмотрим основные особенности этого подхода в сравнении с другими.

Во-первых, большинство работ, посвященных эллипсису существительного, пытается ответить на вопрос о том, как именно обеспечивается отсутствие фонетической реализации именной вершины. Ответ, как правило, связывается со специфическими характеристиками оставшихся именных зависимых. При этом подходы сильно различаются в том, какие именно это характеристики. В [Lobesck, 1995] утверждается, что позицию отсутствующего существительного занимает нулевое местоимение *pro*, которое должно жестко управляться. Это осуществляется посредством признаков [+plural],

[+partitive] и [+possessive] у оставшихся зависимых. В [Corver, van Koppen, 2009; Eguren, 2010] эллипсис существительного понимается как «удаление» некоторого фонологического материала и связывается с контрастивностью сохраненных зависимых. Так, в [Corver, van Koppen, 2009] зависимое имеет признак [F], из-за наличия которого оно передвигается в более высокую фокусную проекцию. По сравнению с перечисленными выше подходами решение в [Alexiadou, Gengel, 2012; Saab, Lipták 2016; Saab (в печати)] представляется менее содержательным: вслед за [Merchant, 2001] отсутствие именной составляющей лицензируется при помощи признака [E] на вершине, который должен содержать все синтаксические, семантические и фонологические свойства и ограничения, связанные с эллипсисом. Если некоторая вершина имеет этот признак, ее комплемент не озвучивается.

Во-вторых, подходы к эллипсису существительного пытаются объяснить возможные различия в оформлении зависимого с именной вершиной и в ее отсутствие. Известно, например, что в немецком присоединение к некоторым прилагательным согласовательных показателей становится обязательно только в отсутствие существительного (10a–b) [Sleeman, 1996], а в нидерландском к зависимому без существительного в некоторых формах присоединяется дополнительный показатель, наличие которого в других случаях неграмматично (11) [Corver, van Koppen, 2009].

(10) a. *ein lila / lilanes Kleid*
 ART.INDEF лиловый лиловый.AGR платье
 ‘лиловое платье’ [Sleeman, 1996]

b. *ein *lila /^{OK}lilanes [e]*
 ART.INDEF лиловый лиловый.AGR
 ‘лиловое’ [Ibidem]

(11) a. *Ik heb gisteren een zwart (*-e) konijn zien lopen.*
 я AUX вчера ART.INDEF черный-AGR кролик видеть гулять
 ‘Я вчера видел черного кролика.’ [Corver, van Koppen, 2009]

b. *Over konijnen gesproken... (В разговоре о кроликах...)*
Ik heb gisteren een zwart-e zien lopen.
 я AUX вчера ART.INDEF черный-AGR видеть гулять
 ‘Я вчера видел черного.’ [Ibidem]

В венгерском, как и в бурятском, именные зависимые в обычном случае не оформляются какими-либо показателями, но присоединяют различные маркеры при эллипсисе существительного. В [Saab, Lipták, 2016] утверждается, что это не согласование зависимого с нулевой вершиной, а клитизованные показатели самой отсутствующей вершины⁵.

⁵ Для языков, в которых зависимые в именной группе согласуются с присутствующей вершиной, утверждается, что при эллипсисе существительного согласовательные показатели сохраняются, а маркеры вершины удаляются.

- (13) а. *morin*
 'лошадь'
 б. *mori-fon*⁷
 лошадь.ST-SUF
 'табунщик'
- (14) *Badma basagan-ai-n nom unfa-lga-da bajarla-na*
 Бадма девочка-CNT1-GEN книга читать-NMN-DAT радоваться-PRS
 'Бадма радуется, что дочь читает книгу.'
- (15) *gər / gər-xən*
 дом дом-DIM
 'дом' 'домик'

Если окажется, что какой-либо из рассматриваемых показателей при эллипсисе существительного может присоединяться к оставшемуся «на поверхности» зависимому, значит, проекция, в которой он расположен, не обязана элидироваться вместе с корнем. Наименее вероятным представляется такое функционирование словообразовательного показателя *-fan-*, поскольку он добавляется лишь к небольшому закрытому классу корней (хоть и на регулярной основе), а значит, вопрос о наличии в синтаксической структуре отдельной соответствующей ему проекции остается открытым. Действительно, как показывает пример (16), этот показатель не может присоединяться к сохраненному именному зависимому, как это делают маркеры падежа и посессивности. Эллипсис корня без деривационного показателя невозможен.

- (16) **bidə səsən mori-d-o:r bəfə, xarin bərxə-fən-ə:r-nʲ*
 мы умный лошадь.ST-PL-INSTR NOT а умелый-SUF-INSTR-poss.3
otogorxo-no-bdi
 гордиться-PRS-1PL
 'Мы гордимся не умными лошадьми, а умелым табунщиком.'

Вопрос о структуре номинализаций с показателем *-lga-* может стать темой для отдельного исследования и не решается в данной статье, однако, как показывает пример (17), *-lga-* находится ближе к корню, чем показатель числа.

- (17) *Badma Sajani-i-n gorod ofo-lgo-nu: d-i:-jə mədə-nə*
 Бадма Саяна-CNT2-GEN город ездить-NMN-PL-CNT1-ACC знать-PRS
 'Бадма знает о поездках Саяны в город.'

При эллипсисе существительного номинализатор *-lga-* не присоединяется к оставшимся зависимым — ни к внутреннему, ни к внешнему аргументу (18). В отличие от всех предыдущих примеров здесь показатели элидированного существительного впервые должны присоединяться к генитивному зависимому, однако между по-

⁷ Последний согласный существительного *morin* — так называемый «беглый п», который удаляется перед рядом других показателей.

казателем генитива и последующим падежом вершины находится атрибутивизатор *-xi*. Причины, по которым датив не присоединяется непосредственно в генитиву, рассматриваются в следующем разделе, здесь же важно, что присоединение показателя номинализации неграмматично вне зависимости от наличия или отсутствия *-xi*:

- (18) *Badma basagan-ai-n nom unfa-lga-da bajarla-la,*
 Бадма девочка-CNT1-GEN книга читать-NMN-DAT радоваться-PRS
xarin xubtu:n-ḡi-n-xi-dḡ bajarla-na-gui
 а сын-CNT1-GEN-ATR-DAT радоваться-PRS-NEG
*/*xubtu:n-ḡi-n-xi-lḡ-dḡ /*xubtu:n-ḡi-n-xi-lḡ-dḡ /*nom-lḡo-do*
 сын-CNT1-GEN-ATR-NMN-DAT сын-CNT1-GEN-ATR-NMN-DAT книга-NMN-DAT
 ‘Бадма радуется, что дочь читает книгу, а тому, что читает сын, не радуется.’

Расположение и статус показателя диминутива могут быть разными: в одних языках он ближе к словообразовательным показателям, в других — к словоизменительным [de Belder et al., 2009]. В бурятском он, как и другие рассмотренные выше показатели, не может присоединяться к зависимым отсутствующей вершины, ср. неграмматичность словоформы *bari-gda-han-xan-da* ‘строить-PASS-PFCT-DIM-DAT’ в (19).

- (19) *jamar ḡar-xḡn-dḡ Bair bai-na? Tḡḡḡ haja bari-gda-han*
 какой дом-DIM-DAT Баир быть-PRS тот недавно строить-PASS-PFCT
*ḡar-xḡn-dḡ /*bari-gda-han-xan-da /^{OK}bari-gda-han-da*
 дом-DIM-DAT строить-PASS-PFCT-DIM-DAT строить-PASS-PFCT-DAT
bai-na
 быть-PRS
 ‘В каком домике живет Баир? Он живет в недавно построенном.’

Таким образом, минимальная элидирующаяся именная составляющая включает корень (\sqrt{P}) и словообразовательные показатели (в том числе показатель диминутива), в то время как словоизменительные показатели, такие как число, падеж и посессивность могут находиться вне элидированной составляющей и клитизоваться к оставшимся элементам именной группы.

Теперь определим, совпадают ли минимальный и максимальный объем эллипсиса. Ранее приведенные примеры показывают присоединение показателя числа отсутствующего существительного к его зависимому, а значит, проекция NumP может не элидироваться. Пример (20) демонстрирует, что включение проекции числа в элидированную составляющую невозможно. Если бы число можно было элидировать вместе с корнем, то множественная интерпретация второй части предложения оказалась бы доступна и в отсутствие маркера множественного числа.

- (20) *Badma ubhə so:xor unʲən-nɯ:d-tə ʉg-ø:, xarin boro-do-nʲ*
 Бадма сено пятнистый корова-PL-DAT датʹ-PRТ1 а коричневый-
 DAT-POSS.3
ʉʃ: *ʉg-ø:-guj.*
 еще датʹ-PRТ1-NEG
 ‘Бадма дал сено пятнистым коровам, а коричневой /*коричневым
 не дал.’

5. Генитивное зависимое

Согласно анализу бурятского эллипсиса, представленному в предшествующих разделах, элидируется составляющая уровня nP, а само наличие эллипсиса обеспечивается при помощи признака [E] в вершине проекции NumP. Такой анализ не предсказывает каких-либо ограничений на набор зависимых, к которым присоединяются суффиксы числа, падежа и посессивности. В этом разделе показано, что такое предсказание оказывается неверным для бурятского языка.

Зависимые, оформляемые генитивом, в бурятском распадаются на два класса: референтные и нереферентные. Пример (21а) показывает, что первый тип — референтное зависимое — опционально вызывает посессивное маркирование вершины именной группы, в то время как нереферентное в примере (21b) не может контролировать посессивность.

- (21) a. *ax-i:-n gər-(i:nʲ)*
 брат-CNT2-GEN дом-POSS.3
 ‘дом брата’
- b. *hurgu:li-i-n bagfa-(*nʲ)*
 школа-CNT2-GEN учитель-POSS.3
 ‘школьный учитель’
- /mini: hurgu:li-i-n bagfa-(mni)*
 я.OVL школа-CNT2-GEN учитель-POSS.1SG
 ‘мой школьный учитель’

Эллипсис вершинного существительного и последующее присоединение к генитивному зависимому показателей вершины неграмматичны с любым из типов генитивных зависимых — как референтным, так и нереферентным. Примеры (22а) и (22b) демонстрируют недопустимость присоединения показателя датива в позиции непрямого дополнения к различным типам генитивного зависимого, а пример (22с) иллюстрирует аналогичное функционирование аблатива.

- (22) a. *ba:b-ai-n nɯxəɣ-tə xamʒa:n so: aʒal ʉg-ø:, xarin*
 папа-CNT1-GEN друг-DAT магазин в работа датʹ-PRТ1 а
*əʒ-i:-n nɯxəɣ-tə /*əʒ-i:-n-də — nom-oi san so:*
 мама-CNT2-GEN друг-DAT мама-CNT2-GEN-DAT книга-CNT1 казна в
 ‘Другу папы дали работу в магазине, а мамину — в библиотеке.’

- b. *də:də hurgruli-i-n bagfa-da salin ug-ə:*,
 верхний школа-CNT2-GEN учитель-DAT зарплата дать-PRТ1
*juri:n hurgruli-i-n bagfa-da /*hurgruli-i-n-da — ugi:*
 простой школа-CNT2-GEN учитель-DAT учитель-CNT2-GEN-DAT NEG
 ‘Университетскому преподавателю дали денег, а школьному нет.’
- c. *Dugar ər:i:-n-gə: noxoi-ho: ai-dag-gui, xarin*
 Дугар сам-CNT2-GEN-REFL собака-ABL бояться-НАВ-NEG а
*xurf-i:-n-gə: noxoi-ho: /*xurf-i:-n-hə: бага-ha:*
 сосед-CNT2-GEN-REFL собака-ABL сосед-CNT2-GEN-ABL малый-ABL
xoifo: ai-dag
 назад бояться-НАВ
 ‘Дугар не боится свою собаку, а собаку соседа боится еще с детства.’

Очевидное различие между генитивными и другими рассмотренными зависимыми — наличие падежного показателя. Если падеж элидированной вершины присоединяется к генитивному зависимому, внутри одного фонетического слова оказываются два падежных показателя, в то время как стандартно к существительному присоединяется только один. Пример (23а) с дативом поверх комитатива, (23b) инструменталисом поверх комитатива, а также примеры в (24) показывают, что в бурятском нет ограничения на «нанизывание» падежей.

- (23) a. *boro:-toi-do xufalta duha:l-na*
 дождь-COM-DAT крыша течь-PRS
 ‘В дождь крыша протекает.’
- b. *xoto-so xarta:bxa unə-tsi-gər xadalda-na*
 город-DAT картошка цена-COM-INSTR продать-PRS
 ‘В городе картошка дорогая.’

Также примерно для половины опрошенных носителей бурятского языка грамматично присоединение показателя датива поверх генитива, как в примерах (24а–b). Такие двухпадежные конфигурации отличаются от запрещенных в (22) по ряду свойств. Во-первых, антецедент отсутствующего существительного не содержится в предшествующем контексте. Во-вторых, ограничен набор возможных интерпретаций отсутствующего имени: в (24а) оно не может интерпретироваться как офис или работа. В-третьих, присоединение к генитиву других падежных показателей невозможно (24с). На основании этого, мы считаем, что в (24а–b) представлено нулевое существительное со значением ‘семья/дом’, а не эллипсис существительного.

- (24) a. *ji xaija: ofo-no-ʔ ax-i:-n-da*
 ты куда ездить-PRS-2SG брат-CNT2-GEN-DAT
 ‘Куда ты едешь? К семье брата. / К брату домой.’ / ‘*К брату на работу / *В офис.’
- b. *əz-i:-n-də tɛlɛvɪzɔr bai-na*
 мать-OBL2-GEN-DAT телевизор быть-PRS
 ‘Телевизор есть у мамы.’

- с. *хэн-эр* *отогорхо-дог-об?* **ах-и-н-га:р*
 кто-INSTR гордиться-НАВ-Q брат-CNT2-GEN-INSTR
 ‘Кем ты гордишься? Семейй брата. /Братом.’

Другое возможное объяснение неграмматичности эллипсиса с генитивным зависимым состоит в том, что в отсутствие существительного его генитивные зависимые оказываются лишены источника тематической роли или падежа. Минимальная пара в (25а–б) показывает, что наличие у элидированного имени генитивного зависимого допустимо, а запрет примеров в (22) возникает, поскольку показатели элидированной вершины не могут присоединяться к генитивному зависимому.

- (25) а. **Dorʒo Badm-i:-n* *эгэфи:-дэ* *səʂəg-u:d-i:-jə* *bəʂəgl-ɛ,*
 Доржо Бадма-CNT2-GEN сестра-DAT цветок-PL-CNT2-ACC дарить-PRT1
Dugar-ai-n-da *bəʂəgl-ɛ:-gui*
 Дугар -CNT1-GEN-DAT дарить-PRT1-NEG
 ‘Доржо подарил цветы маме Бадмы, а сестре Дугара — не подарил.’
- б. *Dorʒo Badm-i:-n* *tənəg* *эгэфи:-дэ* *səʂəg-u:d-i:-jə*
 Доржо Бадма-CNT2-GEN глупый сестра-DAT цветок-PL-CNT2-ACC
bəʂəgl-ɛ, *Dugar-ai-n* *səʂən-də* *bəʂəgl-ɛ:-gui*
 дарить-PRT1 Дугар-CNT1-GEN умный-DAT дарить-PRT1-NEG
 ‘Доржо подарил цветы глупой сестре Бадмы, а умной сестре Дугара не подарил.’

Отметим, что при именном эллипсисе в английском языке обнаруживается обратная ситуация. Существительное может отсутствовать, когда его единственное зависимое — посессор; если же за посессором следует прилагательное, обязательно используется проформа *one*.

- (26) а. *I like John's car, but I don't like Mary's (*one).*
 б. *I like Peter's car, but I don't like Mary's red *(one).*

Существующие подходы к именному эллипсису предлагают различные интерпретации данных в (26). Так, в [Lobeck, 1995; Llombart-Huesca, 2002] разница между (26а) и (26б) объясняется наличием признака [+possessive] у посессора и отсутствием у прилагательных признаков, необходимых для лицензирования эллипсиса. Вместе с тем в [Saab, в печати] утверждается, что в английском мы имеем дело с эллипсисом составляющей NumP, а прилагательные оказываются внутри элидированной области. В предыдущем разделе показано, что в бурятском элидируется составляющая nP, а, следовательно, падеж элидированной вершины должен присоединяться ко всем именным зависимым, расположенным выше.

6. Заключение

В бурятском языке именные зависимые, как правило, не согласуются с вершиной, однако при эллипсисе существительного

к оставшемуся представителю именной группы присоединяются показатели числа, падежа и посессивности. В статье утверждается, что в бурятском мы имеем дело с эллипсом составляющей nP, а словоизменительные показатели существительного в его отсутствие клитизируются к зависимому. При таком подходе некоторую трудность вызывают генитивные зависимые: несмотря на то, что они находятся вне элидированной составляющей, к ним показатели отсутствующей вершины присоединяться не могут.

Список использованных сокращений

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; AGR — согласовательный показатель; ART — артикль; ATR — атрибутив; AUX — вспомогательный глагол; CNT — коннектив; COM — комитатив; DAT — датив; DIM — диминутив; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; INDEF — неопределенность; INSTR — инструменталис; NEG — отрицание; NMN — номинализатор; NOT — отрицание; OBL — косвенный падеж; PASS — пассив; PFCT — перфект; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PRT — претерит; Q — вопросительная частица; REFL — рефлексив; SG — единственное число; ST — усеченная основа; SUF — суффикс.

Список литературы

- Привизенцева М.Ю.* Двойное падежное маркирование и структура именной словоформы (на материале бурятского, горномарийского и мокшанского языков) // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3 / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2016. С. 225–241.
- Поппе Н.Н.* Грамматика бурят-монгольского языка. М., 1938.
- Санжеев Г.Д., Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б.* Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М., 1962.
- Alexiadou A., Gengel K.* NP ellipsis without focus movement/projections: the role of classifiers. // In Ivona Kučerová & Ad Neeleman (eds), Contrast and positions in information structure. Cambridge, 2012. P. 177–205.
- Baker M.* The mirror principle and morphosyntactic explanation // Linguistic inquiry. Vol. 16. 1985. №. 3. P. 373–415.
- De Belder M., Faust N., Lampitelli N.* On an inflectional and a derivational diminutive // Roots, 2009. Stuttgart, 2009.
- Bittner M., Hale K.* The structural determination of case and agreement // Linguistic Inquiry. Vol. 27. 1996. P. 1–68.
- Corver N., van Koppen M.* Let's Focus on Noun Phrase Ellipsis. // Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik (48) / Ed. by Zwart C.J.W. Groningen, 2009. P. 3–26.

- Eguren L.* Contrastive focus and nominal ellipsis in Spanish // *Lingua* 120 (2). 2010. P. 435–457.
- Embick D.* Linearization and local dislocation: Derivational mechanics and interactions // *Linguistic analysis*. Vol. 33. 2007. № 3–4. P. 2–35.
- Embick D., Noyer R.* Movement operations after syntax // *Linguistic inquiry*. Vol. 32. 2001. № 4. P. 555–595.
- Ghaniabadi S.* The empty noun construction in Persian. University of Manitoba (Doctoral dissertation), 2010.
- Llombart-Huesca A.* Anaphoric One and NP-Ellipsis // *Studia Linguistica* Vol. 56. 2002. № 1. P. 59–89.
- Lobeck A.* Ellipsis: Functional heads, licensing, and identification. Oxford, 1995.
- Merchant J.* The syntax of silence: sluicing, islands and theory of ellipsis. Oxford, 2001.
- Poppe N.N.* Buriat grammar. Indiana University, 1960. Vol. 2.
- Ruda M.* NP ellipsis (effects) in Polish and Hungarian: FFs on Fs, Agree, and Chain Reduction // *The Linguistic Review*. Vol. 33. 2016. № 4. P. 649–677.
- Saab A.* Nominal ellipses // *Oxford Handbook of Ellipsis*. Oxford, to appear.
- Saab A., Lipták A.* Movement and deletion after syntax: Licensing by inflection reconsidered // *Studia Linguistica*. Vol. 70. 2016. P. 66–108.
- Sleeman P.* Licensing Empty Nouns in French. University of Amsterdam. (Doctoral dissertation) 1996.
- Weber D.* Relativization and nominalized clauses in Huallaga Quechua. Berkeley, 1983.

M. Ju. Privizentseva

NOMINAL ELLIPSIS IN BURYAT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The morphological marking of nominal modifiers before a head noun and under nominal ellipsis is different. If the noun is present, its modifiers do not show any agreement markers, while in the absence of the head the linearly last modifier appears with case, number and possessive markers. This paper states that nominal ellipsis in Buryat involves a small constituent that includes only the noun root and some derivational categories. Inflectional categories, which are located outside the elided constituent, are left without the host they are usually attached to and therefore cliticize to the next available element, to a modifier of the omitted noun. Genitive modifiers pose a problem for this analysis: they occur in the position outside the elided constituent, but noun markers cannot be attached to them.

Key words: nominal ellipsis; ellipsis; noun phrase; Buryat.

About the author: *Maria Ju. Privizentseva* — PhD student, Moscow State University, philological faculty, department of theoretical and applied linguistics (e-mail: mprivizentseva@gmail.com).

References

- Privizentseva M.Ju. *Dvojnoe padezhnoe markirovanie i struktura imennoj slovoformy (na materiale buryatskogo, gornomarijskogo i mokshanskogo yazykov)* [Case compounding and structure of noun phrase: evidence from Buryat, Hill Mari and Moksha]. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2016». Vyp. 3 [Tipology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Tipology of morphosyntactic parameters 2016”, 3]. Ed. by E.A. Lyutikova, A.V. Zimmerling, M.B. Konoshenko, M., 2016, pp. 225–241. (In Russ.).
- Poppe N.N. *Grammatika buryat-mongol'skogo yazyka* [Buryat-Mongolian language]. M., 1938. (In Russ.).
- Sanzheev G.D., Bertagaev T.A., Tsydendambaev Ts. B. *Grammatika buryatskogo yazyka: Fonetika i morfologiya* [Grammar of Buryat: Phonetics and morphology]. M., 1962. (In Russ.).
- Alexiadou A., Gengel K. *NP ellipsis without focus movement/projections: the role of classifiers*. In Ivona Kučerová & Ad Neeleman (eds), *Contrast and positions in information structure*. Cambridge, 2012, pp. 177–205.
- Baker M. The mirror principle and morphosyntactic explanation. *Linguistic inquiry*. Vol. 16. 1985. № 3, pp. 373–415.
- De Belder M., Faust N., Lampitelli N. *On an inflectional and a derivational diminutive*. *Roots*, 2009. Stuttgart, 2009.
- Bittner M., Hale K. The structural determination of case and agreement. *Linguistic Inquiry*. Vol. 27. 1996, pp. 1–68.
- Corver N., van Koppen M. *Let's Focus on Noun Phrase Ellipsis*. Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik (48). Ed. by Zwart C.J.W. Groningen, 2009, pp. 3–26.
- Eguren L. *Contrastive focus and nominal ellipsis in Spanish*. *Lingua* 120 (2). 2010, pp. 435–457.
- Embick D. Linearization and local dislocation: Derivational mechanics and interactions. *Linguistic analysis*. Vol. 33. 2007. № 3–4. pp. 2–35.
- Embick D., Noyer R. Movement operations after syntax. *Linguistic inquiry*. Vol. 32. 2001. № 4, pp. 555–595.
- Ghaniabadi S. *The empty noun construction in Persian*. University of Manitoba (Doctoral dissertation), 2010.
- Llobart-Huesca A. Anaphoric One and NP-Ellipsis. *Studia Linguistica* Vol. 56. 2002. № 1, pp. 59–89.
- Lobeck A. *Ellipsis: Functional heads, licensing, and identification*. Oxford, 1995.
- Merchant J. *The syntax of silence: sluicing, islands and theory of ellipsis*. Oxford, 2001.
- Poppe N.N. *Buriat grammar*. *Indiana University*, vol. 2. 1960.

- Ruda M. NP ellipsis (effects) in Polish and Hungarian: FFs on Fs, Agree, and Chain Reduction. *The Linguistic Review*. Vol. 33. 2016. № 4, pp. 649–677.
- Saab A. Nominal ellipses. *Oxford Handbook of Ellipsis*. Oxford, to appear.
- Saab A., Lipták A. Movement and deletion after syntax: Licensing by inflection reconsidered. *Studia Linguistica*. Vol. 70. 2016, pp. 66–108.
- Sleeman P. *Licensing Empty Nouns in French*. University of Amsterdam. (Doctoral dissertation) 1996.
- Weber D. *Relativization and nominalized clauses in Huallaga Quechua*. Berkeley, 1983.

Т.И. Тарелкина

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОДНОЗНАЧНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ И СПОСОБЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ТЕКСТЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский педагогический государственный университет»
119991, Москва, М. Пироговская, 1/1*

Статья посвящена раскрытию семантического потенциала междометий в тексте. Автор рассматривает нехарактерные случаи употребления междометий в тексте и живой разговорной речи, выявляя контекстные показатели. Отдельно рассмотрены случаи иронического употребления междометий, выявлены предпосылки к образованию дискурсивных маркеров на базе междометий, выражающих эмоциональное отношение говорящего к действительности. В качестве примеров использованы материалы Национального корпуса русского языка, данные художественных и публицистических текстов.

Ключевые слова: междометие; семантика; контекстные показатели.

На современном этапе развития лингвистики междометие определяется как часть речи, которая кратко выражает волеизъявления и эмоции, не называя их: *ура, фи, ах, ой, увы* и др. [Грамматика, 2005: 732; Колесникова, 2015: 259–261; Краткая грамматика, 1989: 341; Современный русский язык, 2006: 182; Современный русский язык, 2010: 279; Учеваткин, 2011: 158]. Вследствие своего особого статуса в грамматической системе языка междометие не относится ни к служебным, ни к знаменательным частям речи.

Рассматриваемый класс слов обладает широким спектром значений. Например, многозначное междометие *ой* в зависимости от ситуации и коммуникативных установок говорящего выражает радость, испуг, удивление, восторг, сожаление о чем-либо [БТС: 707; Квеселевич, Сасина, 1990: 193–195; СОШ: 416; СССРЯ: 241–242]. Наряду с многозначными междометиями, выражающими самые разные, а порой прямо противоположные эмоции, в русском языке существуют междометия, семантический диапазон которых сводится к единственному значению: *ура, алло, браво, бис, спасибо, увы* и др.

Тарелкина Татьяна Игоревна — аспирант Московского педагогического государственного университета (e-mail: lady-x-18@mail.ru).

В настоящей статье рассматриваются нехарактерные случаи употребления эмоциональных, императивных и этикетных междометий в речи и тексте, выявляются новые значения, отсутствующие в толковых словарях и Словаре структурных слов русского языка.

Об этикетных словах типа *здравствуй*, *пожалуйста* в науке существуют следующие мнения:

1) эти формулы находятся вне частей речи (А.И. Германович, Д.Э. Розенталь, Л.Д. Чеснокова, К.А. Войлова, Н.Г. Гольцова и др.);

2) являются частицами (А.А. Зализняк) или «омокомплексами частиц и особой группой междометий» (В.В. Морковкин);

3) входят в состав междометий, являясь:

а) отдельным семантическим разрядом (В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, Н.А. Германов);

б) эмоциональными междометиями (Р.Н. Панов, Н.С. Валгина).

Образования *спасибо*, *здравствуй*, *пожалуйста* и др. вслед за Н.С. Валгиной, В.В. Виноградовым, Н.А. Германовым, Р.Н. Пановым, Е.В. Середой и Н.М. Шанским рассматриваются в данной статье как междометия, что обусловлено рядом факторов:

1) они не обладают номинативным значением;

2) этот разряд слов, как эмоциональные и императивные междометия, пополняется за счёт «перехода слов из самостоятельных частей речи»;

3) представляют собой застывшие формы, за исключением некоторых слов, обладающих формами словоизменения: *здравствуй* — *здравствуйте*;

4) имеют повторы: *спасибо-спасибо*, *пожалуйста-пожалуйста*;

5) содержат «элементы эмоциональности» в семантике, выраженные интонацией, а жестикация позволяет некоторым этикетным словам «принимать новые элементы значения»: *Может, чайку со мной испить изволите?* — *Спасибо-спасибо*, — *энергично замахав головой, отказался Фандорин* [Середа, 2010, эл. ресурс; Сайфеева, 2015: 74–75].

В отличие от эмоциональных «этикетные» междометия употребляются в речевой ситуации, требующей соблюдения норм этикета, и не всегда выражают эмоции говорящего, т.е. отмеченное свойство является для них необязательным, факультативным.

В данной работе широко употребительны термины «значение» и «употребление» междометий, которые тесно связаны между собой. Тем не менее, их необходимо разграничивать. Под **употреблением** междометия понимается его способность реализовывать свое **значение** — выражение эмоций и волеизъявлений — в речевой ситуации и тексте. Таким образом, основное различие между рассматриваемыми терминами состоит в том, что значением междометия мы на-

зываем ту интерпретацию, которая зафиксирована в традиционном употреблении междометия как части речи (выражаемая эмоция и волеизъявление) и присуща ему как единице языка; а употребление междометия — это та интерпретация, которую оно получает в контексте, вербальном или ситуативном. Употребление междометия в конкретном контексте может как соответствовать его системному значению, так и отличаться от него. Такие употребления можно назвать нестандартными.

Вместе с тем, употребление междометия в несвойственной ему ситуации приводит к появлению нового значения: *После всех городских индустриальных сказок и демографических катастроф ивановская женщина стала работником, добытчиком, героем труда, одиночкой, и, в конечном счете, мужчиной. Ура? Только ли с ивановскими женщинами произошла эта метаморфоза? Женщины осваивают сексуальность по мужскому типу, и давно уж осваивают. Называется это, кстати, именно что «постиндустриальной сексуальностью», считается важной общественной тенденцией* (Е. Пищикова. Город после мифа // «Русская жизнь», 2012) [НКРЯ]. В рассматриваемом примере эмоциональное междометие *ура* употреблено в речевом акте вопроса, выражающего сомнение. Повествователь задумывается о том, хорошо ли для общества, что женщины стали работать наравне с мужчинами и выполнять мужские функции (*женщина стала работником, добытчиком, героем и мужчиной; женщины осваивают сексуальность по мужскому типу*). Способность нести интонационный и отражающий его пунктуационный показатель иллюкутивной функции вопроса (в одной из ее разновидностей) свидетельствует о появлении в семантике данного слова предикативного значения, а именно, значения общей положительной оценки. Предикативное значение не свойственно междометию как части речи. Таким образом, подобные примеры показывают, что у данного междометия формируется новое значение, близкое к значению предикативных наречий положительной оценки *хорошо, отлично* и т.п.

Настоящая статья направлена на выявление нестандартных употреблений однозначных междометий, не зафиксированных в толковых словарях.

В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Словаре структурных слов и Русско-английском словаре междометий и релятивов Д.И. Квеселевича и В.П. Сасиной иноязычные по происхождению междометия *браво, бис* и *ура* являются однозначными: **Браво**, межд. ‘возглас, выражающий одобрение, восхищение’ [Квеселевич, Сасина, 1990: 49; СОШ: 54; СССРЯ: 36]; **Бис**, межд. ‘обращённый к исполнителю возглас, требующий повторного исполнения: *сыграть на бис*’ [Квеселевич, Сасина, 1990: 43; СОШ: 45–46; СССРЯ: 34];

Ура, межд. ‘боевой клич войск при атаке, а также восклицание, выражающее воодушевление, восторженное одобрение’ [СОШ: 777].

По сравнению с вышеупомянутыми словарями, в Большом толковом словаре у междометий *ура* и *браво* выделено два близких значения, отличающихся друг от друга ситуативной обусловленностью: **Браво**, межд. ‘1) возглас, выражающий восхищение исполнением, игрой артиста (артистов) и т.п. (обычно сопровождается аплодисментами зрителей, слушателей); 2) выражает похвалу, одобрение: *Браво! Один ноль в нашу пользу; Прекрасное решение, браво!* [БТС: 94]; **Ура**, межд. ‘1) боевой клич при атаке: *Атакующие кричали «ура»; Над полем боя гремело «ура»* // клич воинов, выражающий одобрение чего-л., восторг по поводу чего-л.: *Войска крикнули «ура» генералу, принимающему парад* (в последнем примере представлено ритуальное употребление междометия: так принято кричать на параде, когда генерал или маршал поздравляет воинов. — Т.Т.); 2) восклицание, выражающее воодушевление, восторженное одобрение: *Публика кричала «ура» актёру*’ [БТС: 1395–1396; см. также: Квеселевич, Сасина, 1990: 284–285; СССРЯ: 364].

За рассматриваемыми междометиями следует признать только одно значение, которое реализуется в повседневной жизни и театре (см. межд. *браво*, выражающее восхищение и восторг: *Она по-прежнему нравится всем честным девушкам, она устраивает громкие премьеры, и мы по-прежнему кричим ей: «Браво! Бис!»* (М. Перова. Театр теней и румян); *Выпьём, чтобы тучи остались позади!.. — Браво! — закричали родственники. — Молодец, орёл, джигит!..* (С. Довлатов. Наши) [НКРЯ]) или в армии и обыденной жизни (см. межд. *ура*, используемое для выражения радости, ликования и воодушевления): *Спустя несколько дней Шаманов бодро докладывал с экранов телевизоров: уничтожены практически все боевики, тяжело ранен неуловимый Басаев, Грозный наш, ура!* (А. Григорьев. Шаманские пляски // «Вслух о...», 2003.08.04); *Валерия. Ура! мы все-таки купили его!* [цифровой фотоаппарат. — Т.Т.] *Разница с мельницей огромная!* (Выбор цифрового фотоаппарата. 2007–2008) [НКРЯ]), что обусловлено следующими причинами:

1) близостью отмеченных составителями рассматриваемых толковых словарей значений анализируемых междометий;

2) преимущественным употреблением в современных текстах анализируемых междометий в одном из выделенных значений. В частности, междометие *ура* в значении ‘решимость сразиться с противником’ встречается в текстах 1980–2017 гг., согласно данным Национального корпуса русского языка, крайне редко — в четырех случаях из 200, что составляет 2% от общего числа рассмотренных примеров: *Как раз тогда начнётся война, и мы пойдём в атаку. —*

Куда? — В атаку. «**Ура!**» «Вперёд!» В атаку (С. Козлов. Правда, мы будем всегда?); Для сбережения пули на каждом выстреле всякий своего противника должен целить, чтобы его убить. Кого из нас убьют — царство небесное, живым — слава! Паникеры и трусы должны истребляться на месте. За мной, в атаку, **ура!** Ступай, ступай! Атакуй! В штыки! (М. Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010) [НКРЯ];

3) выделение носителями языка единственного значения междометий *ура* и *браво*;

4) употребление междометия *ура* в значении ‘боевой клич при атаке’ является ритуальным и не предполагает обязательного наличия соответствующей эмоции.

Междометие **ура** используется для выражения радости, ликования и восторга [БТС: 1395–1396; Квеселевич, Сасина 1990: 284; СОШ: 777; СССРЯ: 364], например: *Гриша, дрожащий от нетерпения, как щенок перед утренней прогулкой, завопил счастливым голосом: — Ура! Мы едем в Шереметьево!* (Л. Улицкая. Пиковая дама); *Но в данном случае произошла неожиданная неприятность. Произошло... (что бы такое придумать?) ... непредвиденное происшествие. В типографии книгу набрали, но... (ура, придумал!) ... обвалился потолок. Вы представляете! Вот так они работают, наши хвалёные строители* (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру) [НКРЯ]. В первом примере на выражаемую эмоцию указывают следующие показатели: *дрожащий от нетерпения, счастливый голос*. Во втором описан процесс создания литературного произведения, и междометие *ура* выражает радость человека от интересной придумки: *придумал*. Фраза *ура, придумал!* является вставной конструкцией, прерывающей повествование и воспроизводящей внутреннюю речь повествователя.

Единичные случаи не совсем типичных употреблений междометия *ура* представлены в текстах:

1) *Перед нами — крупный художник, основатель нового направления в живописи. Может быть, мы ещё увидим его полотна в Третьяковской галерее. Ура, товарищи! — Ура! — закричали гости* (И. Грекова. На испытаниях) [НКРЯ]. В рассматриваемом примере *ура* употреблено в ситуации пафосной речи на банкете. В данном случае в семантику междометия *ура* наряду со значением маркера эмоции говорящего дополнительно включается призыв к аудитории выразить свое эмоциональное отношение, прокричав *ура*, косвенными показателями чего являются наличие обращения (*товарищи*) и соответствующая реакция на побуждение. Выделенный семантический оттенок реализуется в восклицательном предложении, построенном по схеме «междометие + обращение!»;

2) *Минут через пять, когда я поняла, что он [Игоряша. — Т.Т.] сбежал, я пошла и заперла дверь. На тумбочке у дверей я увидела его связку ключей, которая у Игоряши была много лет на всякий случай. Он ею пользовался только если приводил детей из школы, а меня дома не было, что случалось крайне редко. Я подбросила ключи на руке. Ура? Я ведь столько лет этого хотела? Для себя — да. Но не для детей* (Н. Терентьева. Училка). В данном тексте междометие *ура* указывает на ментальное состояние повествователя и выражает непонимание и растерянность, проявляющиеся в вопросительном предложении *Я ведь столько лет этого хотела?* Героиня произведения находится в затруднении: с одной стороны, она хотела, чтобы Игоряша ушёл, а с другой — не знает, радоваться случившемуся или огорчаться. Данное наблюдение подтверждает фраза *Для себя — да. Но не для детей*, являющаяся ответом на вопрос *Я ведь столько лет этого хотела?* К появлению новых оттенков в семантике междометия *ура* приводит его употребление в вопросительном междометном предложении.

Не зафиксированные в словарях случаи употребления можно выявить у «этикетных» междометий: *спасибо, здравствуйте (здрасьте), пожалуйста*.

Междометие ***спасибо*** в большинстве случаев используется для выражения благодарности [БТС: 1246; Квеселевич, Сасина, 1990: 255; СОШ: 699; СССРЯ: 325], например, в следующих текстах: «...*Коллектив газеты творчески подходит к своему делу, это особенно ощущается в последнее время. Спасибо за умную, лишённую дешёвой конъюнктуры, такую «свою», семейную газету. Молодцы!» И вам спасибо, наши дорогие читатели, что вы остаётесь с нами, так внимательно к газете и к труду журналистов* (Из почты «МП». За нашу газету!); — *Ирина, вы совсем не выглядите замужней дамой... — Спасибо, значит, я хорошо сохранилась, несмотря на то что многие годы отдала большому спорту* (Н. Зуев. Ирина Слуцкая — снежная королева) [НКРЯ].

Вместе с тем, междометие *спасибо* в зависимости от коммуникативных установок говорящего выполняет следующие прагматические функции:

1) используется как маркер вежливости при отказе (см. знач. 1.1. и 1.1.1. в: [СССРЯ: 325]. — Т.Т.): — *Ужинать будешь? — спросила крупная старуха в халате без пуговиц. — Нет, спасибо, не хочется* (И. Грекова. Перелом) [НКРЯ];

2) входит в этикетную формулу *спасибо, хорошо* (см. знач. 1.2. в: [СССРЯ: 325]. — Т.Т.). В этом случае оно утрачивает значение благодарности, так как формулы вежливого обращения не предполагают непременно наличия соответствующей эмоции: «*Как вы себя чувствуете?» — спросил Хрипушин мимоходом. «Спасибо, хорошо», — ответил Зыбин, усаживаясь на свой стул в углу* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей) [НКРЯ].

В обычном значении междометие **здравствуйте (здрасьте)** используется в ситуации приветствия и факультативно выражает значение радости от встречи (см. 1 знач. в: [БТС: 361; Квеселевич, Сасина, 1990: 114; СОШ: 212; СССРЯ: 129]. — Т.Т.): — *Ой, извините, отец Андрей, — учтиво всполошился Корнилов. — Я вас не заметил. Здравствуйте!* — **Здравствуйте**, — *ответил отец Андрей (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); Подошла официантка Джамия, бывшая ученица Ирины <...> — Здрасьте, Ирина Ивановна, — поздоровалась Джамия (В. Токарева. Своя правда) [НКРЯ]. Наряду с указанным значением анализируемое междометие служит средством выражения удивления (см. 2 знач. в: [БТС: 361; Квеселевич, Сасина, 1990: 115; СОШ: 212]; см. также знач. 1.1.1. в: [СССРЯ: 129]. — Т.Т.): — *Вы что же думаете, если дети приемные, то они меньше любят своих родителей, чем родные? Как у вас вообще язык повернулся такое спросить? — Вот тебе здрастьте! Дети приемные? Это интересно (А. Маринина. Последний рассвет); — А рядом с тобой это Югов? — Ага! — Вы знакомы? — Здрасьте! Лучшие друзья (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора) [НКРЯ]. Семантика удивления реализуется в двух синтаксических моделях — восклицательном междометном предложении **Здрасьте!** и предложении фразеологизированной структуры **Вот тебе здрастьте!**, включающем в себя языковую единицу **здрасьте**, — и встречается в реактивных репликах диалога: — *Как у вас вообще язык повернулся такое спросить? — Вот тебе здрастьте! Дети приемные? Это интересно; — Вы знакомы? — Здрасьте! Лучшие друзья.* Вовсе не обязательно, чтобы первая реплика единства была вопросом, ср. *Я не смогу с тобой пойти. — Здрасьте! Ты же обещал.***

Определённый интерес представляет междометие-фразеологизм **здрасьте-пожалуйста**, объединившее в себе два междометия — **здрасьте** и **пожалуйста**. Оно способно к выражению следующих эмоций:

1) **недоверия и удивления**: «**Здрасьте, пожалуйста — Гретхен!** — *пронеслось у меня в голове. — Ни за что не поверю, что отец у неё был первый! И вообще — что за бред! При чём здесь Гретхен?!*» (В. Белоусова. Второй выстрел) [НКРЯ]; [Корр.:] *А как по части дрессуры?* [В. Якубов:] *С макаками проще, конечно. Потому что Митя умнее [Митя — гамадрил. — Т.Т.]. [Корр.:] Здрасьте-пожалуйста, Митя умнее, но дрессируется хуже?* [В. Якубов:] *Вот поэтому и хуже, что умнее. Его просто так не заставишь (Московский комсомолец, 21.12.2015).* В приведенных примерах семантика междометного фразеологизма раскрывается благодаря предложениям: *При чём здесь Гретхен?!; Умнее, но дрессируется хуже?* — а также за счет слов и их сочетаний, содержащих сему 'недоверие': *ни за что не поверю, что за бред!;*

2) **обиды**: — *Я и так почти слепая, мне нельзя пить. Я через неделю к Федорову на операцию лечу, мама уже договорилась. А вы идите, —*

она печально улыбнулась Валентине, — я сама разберусь. **«Здравствуйте, пожалуйста, — с обидой подумала Валентина, — стараешься, заступаешься, а тебе ни спасибо, ни до свидания»** (А. Саед-Шах. Заступница) [НКРЯ]. Значение этой эмоции выражено при помощи контекстных показателей: *с обидой; стараешься, заступаешься, а тебе ни спасибо, ни до свидания*.

Употребления императивных междометий в художественных текстах, как правило, реализуют значения, зафиксированные в толковых словарях (в частности, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой; в Большом толковом словаре): *Происходило это чаще всего так: вваливался ко мне запорошённый снегом Сысоев <...> и говорил: «Да ладно книжки читать, всех не перечитаешь, — и попохотывал от собственного остроумия. — Айда к нам — чайку попьём»* (Б. Окуджава. Искусство кройки и житья); *Васька деловитой неспешной походкой прошёл по палубе. Он облизывался. — Кис-кис! — осторожно пропел Березин: Васька [кот. — Т.Т.] не повёл ухом* (Б. Житков. Сию минуту-с!..); *У нас тут и хворые, и раненые есть, вон у Ивана свищ на ране открылся. Эй, Иван, слезавай давай с нар, перьва помощь приспела* (В. Астафьев. Пролетный гусь) [НКРЯ]. В приведенных примерах междометие *айда* обозначает приглашение пойти куда-нибудь [БТС: 31; Квеселевич, Сасина, 1990: 29; СОШ: 19], при помощи *кис-кис* подзывают кота [СОШ: 255], а *эй* является междометием оклика [БТС: 1514; СОШ: 841].

Однако некоторые императивные междометия характеризуются более широким семантическим диапазоном.

Обычно междометия ***алло*** и ***алё*** употребляются при отклике на телефонный звонок [БТС: 35; Квеселевич, Сасина, 1990: 30; СОШ: 21; СССРЯ: 28], например: — ***Алё!*** — *раздался тихий голосок в наушнике у Маши. — Как слышите, приём!* (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница); *Бесстыжая горничная, поставив одну ногу на стул, сняла трубку с рычажка и сказала в неё: — Алло!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [НКРЯ]. Однако встречаются случаи, когда представленные междометия употребляются для привлечения внимания собеседника, непосредственно присутствующего при разговоре [СССРЯ: 29]: — ***Алё, ты меня слышишь?*** — *теребил Петя Колю, который задумался о чём-то и никак не реагировал на то, что ему пытался сказать друг; — Ты меня совсем не слушаешь. Алё! Я хочу сказать тебе что-то действительно важное, — безуспешно пыталась привлечь внимание Вадима Галя (из разг. речи); Она с порога громко закричала — как будто дед Иван был глухим, как пень: — Алло, я ищу таланты! — Да, — ответил дед Иван* (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница) [НКРЯ].

Междометие ***брысь*** служит для того, чтобы прогонять кошку [БТС: 99; Квеселевич, Сасина, 1990: 51; СОШ: 57; СССРЯ: 36]: —

Брысь со стола! — прикрикнула Лена на кошку. Однако иногда *брысь* применимо в этом же значении и к человеку (см. знач. 1.1. в: [СССРЯ]. — Т.Т.): — *Мне врач нужен! Покалечишь — кто Валерку лечить будет?* — А ну, **брысь!** — рявкнул ефрейтор, отшвырнув Петьку в сторону (А. Геласимов. Степные боги); *Я бы и твою жену с собой взял, да только не могу! Она мне всех манекенщиц распугает!* — **Брысь**, кому сказал! Ты еще здесь? — топнул ногой Дурнев (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона) [НКРЯ].

В ряде текстов встречаются случаи иронического употребления междометий *браво*, *спасибо*, *ура*, построенного на несоответствии узаконенных словарями значений рассматриваемых междометий речевой ситуации, возможной при неформальном общении, когда участники коммуникации находятся в равных условиях и занимают одинаковое положение в обществе:

1) — *Не знаем мы, куда он ездит, а только у Пупсика после его приездов какие-то боли внизу живота, а у неё отродясь такого не было!* — вдруг выступила скрипучим голосом родная няня. «Какой экспромт! **Браво!**» — взмахнула родительница Пупсика пушистыми ресницами (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»); — *Она изо всех сил старалась соответствовать избранному тону беседы, и надо отдать должное <...>, у неё это неплохо получалось.* — **Браво!** — прокомментировал Серёга с лёгким оттенком лести (Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть) [НКРЯ]. В первом случае ироническая интерпретация поддерживается следующей особенностью контекста: выражающее восторг междометие *браво* употреблено по поводу высказывания, уместность которого вызывает большие сомнения (*боли внизу живота, которых отродясь не было*, тогда как боли внизу живота бывают у всех женщин без исключения). Во втором случае ироническую интерпретацию поддерживает контекстный показатель с лёгким оттенком лести: Серёга льстит героине произведения, но на самом деле недоволен тем, как она держалась во время разговора и вела беседу;

2) междометия *ура* и *спасибо* при ироническом употреблении выражают:

а) **недовольство**: — *Вы не смотрите, что они такие обыкновенные!* — закричала Валентина Ивановна. — *Они ссорятся каждый выходной, мама кричит на папу, папа уходит и пьёт во дворе с мужиками, а бабушка настраивает детей против отца! А дети дерутся друг с другом! И в школе дерутся со всеми! **Ура!** Идите сюда!* (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996) [НКРЯ]. В данном употреблении междометие *ура* иронически подчеркивает ненормальность сложившегося положения вещей, обусловленного непростой ситуацией в семье: то, что родители *ссорятся каждый*

выходной, мама кричит на папу, папа уходит и пьёт с мужиками, бабушка настраивает детей против отца, дети дерутся, заведомо не может вызывать радостного воодушевления, обычно выражаемого междометием *Ура!*;

б) укор: *Македонцы корят: ну спасибо, русские, помогли оружием! Поди им растолкуй, что самолёты наши переданы немцам в аренду, что это не мы вооружаем НАТО против братьев...* Мы снова говорим на разных языках (И. Свиноаренко. Умытая Россия) [НКРЯ]; — *Спасибо, что сломал компьютер, — с укоризной сказала Надя; — Спасибо, что пролил на платье кофе, — недовольно сказала девушка* (из разг. речи). На это указывают следующие контекстные показатели: *корят, с укоризной, недовольно*. Данное употребление междометия *спасибо* возможно только тогда, когда происходит нежелательное для говорящего событие (аренда русских самолётов немцами, поломка компьютера, пятно на платье).

Отдельного рассмотрения заслуживает употребление междометия *пожалуйста*, выражающего обиду / досаду и несогласие с чем-либо: — *Я всё равно буду действовать и поступать так, как считаю нужным. Ты меня не переубедишь, мама!* — *Ну и пожалуйста!* — с горечью сказала Анна Петровна. — *Только не говори потом, что я тебя не предупреждала; — Я считаю, что ты не права в вопросах воспитания детей. — И пожалуйста!* Однако я останусь при своём мнении, — с досадой произнесла Саша (из разг. речи). В обоих случаях обиженная сторона твёрдо убеждена в своей правоте: *не говори, что я не предупреждала; останусь при своём мнении*. На семантику выражаемых эмоций указывают слова *с горечью, с досадой*. Данное употребление сродни ироническому в том плане, что прямое употребление междометия *пожалуйста* в качестве вежливой положительной реакции на речевой акт партнера по общению используется для выражения противоположной — отрицательной реакции. Невежливость речевого акта несогласия с собеседником, нарушающего одно из правил речевого общения (см. Постулат согласия Дж. Лича [Leech, 1983: 136]; см. также [Шпомер, 2011: 33]), смягчается использованием вежливого междометия, а отрицательные эмоции передаются с помощью мимики, изменения тона голоса и т.п.

На базе междометий *пожалуйста*¹, *здравствуйте* (*здрасьте*), *здрасьте-пожалуйста* развиваются дискурсивные маркеры, ввод-

¹ Здесь следует отметить, что междометие *пожалуйста* в своем обычном значении используется: 1) для выражения вежливой просьбы [Квеселевич, Сасина, 1990: 210; СОШ: 507; СССРЯ: 268]: *Лекции читаются не у нас, а в конференц-зале главного корпуса. Не опаздывайте, пожалуйста* (А. Шляхов. Доктор Данилов в морге, или невероятные будни патологоанатома); — *Пожалуйста, снимите своего ребёнка с бордюра, — вежливо объясняю я мамочке, которая подвесила своего мальчугана чуть ли не над самым вольером. — Вы таблички видите? Написано же: «Детей на ограждении не ставить!»* (Московский комсомолец, 08.08.2013); 2) для вежливого ответа

ные слова, характеризующие анализируемую ситуацию с позиции желательности / нежелательности и выражающие эмоциональное отношение говорящего к описываемой ситуации:

1) дискурсивный маркер *пожалуйста* характеризует соответствующую чьим-либо желаниям ситуацию:

а) достижения желанной, но трудно реализуемой цели: *А они, лётчики, так же как железнодорожники... туда-сюда. Только что — летают. А с другой стороны — они хотели быть лётчиками — и пожалуйста — летают. И форма у них...* (Е. Гришковец. *ОдноврЕмЕнно*) [НКРЯ]; *Сперва весть о том, что она [Кейт Миддлтон. — Т.Т.] ждёт ребёнка <...> пронеслась от британских морей до тайги и степей. Затем весь мир, затаив дыхание, следил за её беременностью, едва ли не подсчитывая дни до родов. Потом репортёры дежурили у стен роддома — и вот пожалуйста, наконец-то принца и принцессу можно поздравить! Родился мальчик* (Московский комсомолец, 24.07.2013); *Например, по его представлениям, люди всегда знакомятся с новым словом в его письменном виде; кто-то неправильно его прочёл — и пожалуйста: слово изменилось* (А. Зализняк. *Лингвистика по А.Т. Фоменко*) [НКРЯ]. Данное значение раскрывают следующие контекстные показатели: *хотели быть (лётчиками); затаив дыхание, следил, едва ли не подсчитывая дни, дежурили*. В последнем примере отмечается желательность доказательства изменения некоторого слова учёным, совмещенная со значением результата/следствия: по мнению исследователя, неправильное прочтение слова влечет за собой его изменение: *кто-то неправильно его прочёл — и слово изменилось*;

2) дискурсивные маркеры *здоровствуйте (здрасьте), здрастье-пожалуйста* свидетельствуют о нежелательности создавшейся ситуации, вызвавшей возмущение и негодование: *Когда Эля сказал ей, что собирается жениться, она была вне себя. Как же это так?! Она столько здоровья положила на него, а тут появилась какая-то, хвостом вильнула и, здрастье, отдавай ей сына* (М. Хайкин. *Эля из Парижа* История Гончарной улицы); *Странные существа мужчины. Бросают на произвол судьбы, исчезают без объяснений, сводят с ума молчанием, а потом, в удобное для себя время, здрастье-пожалуйста — прошу под венец. А ведь Сергей еще из лучших. Что такому объяснишь? — Не хочу!* (М. Баканина. *Девять граммов пластика*); — *Все равно отпущ еще, а сюда с таким трудом попали. Жалко улетать. — Это точно, — согласился Борис. — Пробивались-пробивались — и здрастье-пожалуйста, лети обратно. Остаемся, Юр* (А. Берсенева. *Возраст*

на благодарность [Квеселевич, Сасина, 1990: 210; СОШ: 507; СССРЯ: 268]: — *Мой телефон... Откуда он у вас? Ах, это же вы... Вас я не запомнила, но вот сумку вашу... Спасибо!* — *Пожалуйста!* — *ответил Данилов* (А. Шляхов. *Доктор Данилов в морге, или невероятные будни патологоанатома*); — *Спасибо, что заняли мне место. — Пожалуйста* (из разг. речи).

третьей любви) [НКРЯ]. Семантику выражаемой эмоции раскрывают: а) вопросительно-восклицательное предложение: *Как же это так ?!*; б) слова, характеризующие состояние человека: *вне себя, столько здоровья положила, сводят с ума, жалко улетать*; в) оценочная лексика: *появилась какая-то, странные существа*; г) лексика, используемая для описания ситуации: *бросают, исчезают без объяснений, а потом — прошу под венец; сюда с таким трудом попали, пробивались-пробивались — и лети обратно*.

Употребление междометий в несвойственном им значении характерно для спонтанной, неподготовленной речи. Нестандартные употребления рассмотренных семантических групп междометий реализуются в вопросительных и отрицательных междометных предложениях, предложениях фразеологизированной структуры (*Вот тебе здрасьте!*), восклицательных предложениях с оттенком побуждения, включающих в себя два компонента — междометие и обращение (*Ура, товарищи!*), когда субъекту речи для успешной реализации своего коммуникативного замысла требуется выразить определённую эмоцию нестандартными языковыми средствами (например, междометие *ура* в вопросительном предложении выражает не восторг и радость, а непонимание и растерянность). В то же время императивные междометия в художественных текстах в основном передают значения, закреплённые в толковых словарях. Их способность к генерации новых значений очень низкая. Указанная особенность связана с общим значением приказа, принуждения, повеления, присущим всем междометиям данного разряда, однако некоторые императивные междометия в разговорной речи употребляются в несвойственной им ситуации. В ряде случаев несоответствие семантики междометия описанной ситуации создает иронию, что сопровождается выражением эмоций, противоположных тем, которые входят в прямое значение междометия. Обособленное употребление некоторых этикетных междометий наряду с их способностью к выражению модального значения желательности / нежелательности и передаче эмоционального отношения говорящего к описанной в тексте ситуации приводит к появлению на их базе дискурсивных маркеров.

Список литературы

- Квеселевич Д.И., Сасина В.П.* Русско-английский словарь междометий и релятивов. М., 1990.
- Колесникова С.М.* Современный русский язык. Морфология. М., 2015.
- Краткая русская грамматика. М., 1989.
- Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> [НКРЯ].

- Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб; М., 2008 [БТС].
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2013 [СОШ].
- Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А.* Современный русский язык. М., 2010.
- Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М., 2005.
- Сайфеева К.М.* Этикетные формулы: десемантизация и новые смыслы // Русская речь. 2015. № 3. С. 68–75.
- Серёда Е.В.* Изменения в области интеръективации этикетных выражений в свете проблем обучения русскому языку как иностранному // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. 2010. № 1. С. 178–182: [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21702976_79279458.pdf
- Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1997 [СССРЯ].
- Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц / Под ред. Е.И. Дибровой: В 2 ч. Ч. 2. М., 2006.
- Учеваткин А.А.* Междометие как объект лингвистических исследований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1. С. 157–159.
- Шпомер Е.А.* Коммуникативные неудачи в диалогическом общении в соотнесённости с коммуникативными законами и типами языковой личности (на материале немецкого языка). Абакан, 2011.
- Leech G.* Principles of pragmatics. NY, L., 1983.

Tatyana I. Tarelkina

THE SEMANTIC POTENTIAL OF MONOSEMANTIC INTERJECTIONS AND THE MEANS OF IT REALIZATION IN A TEXT

*Moscow State Pedagogical University
1/1 M. Pirogovskaya, Moscow, 119991*

The article deals with the semantic potential of interjections in a text. The author examines the extraordinary facts of the use of interjections in texts and colloquial language revealing the context indexes. Facts of the ironic use of interjections are examined separately, prerequisites to formation of the discursive markers on the basis of interjections are revealed which express the speaker's emotional attitude to reality. Materials of the Russian National Corpus, the data of artistic and publicistic texts are used as examples.

Key words: interjection; semantics; context indexes.

About the author: *Tatyana I. Tarelkina* — Post-graduate student of Moscow State Pedagogical University (e-mail: lady-x-18@mail.ru).

References

- Kolesnikova S.M. *Sovremennyyi russkii iazyk. Morfologiya* [Modern russian language. Morphology]. Moscow, 2015. (In Russ.)
- Kratkaia russkaia grammatika* [Short russian grammar]. Moscow, 1989. (In Russ.)
- Kveselevich D.I., Sasina V.P. *Russko-angliiskii slovar' mezhdometii i reliaivov* [Russian-English dictionary of interjections and relationals]. Moscow, 1990. (In Russ.)
- Leech G. *Principles of pragmatics*. New York, London, 1983.
- Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russ.)
- Noveishii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Newest big defining dictionary of russian language], gl. red. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg, Moscow, 2008. (In Russ.)
- Ozhegov S.I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Defining dictionary of russian language]. Moscow, 2013. (In Russ.)
- Rozental' D. E., Golub I.B., Telenkova M.A. *Sovremennyyi russkii iazyk* [Modern russian language]. Moscow, 2010. (In Russ.)
- Russkaia grammatika* [Russian grammar], v 2 vol., vol. 1. Moscow, 2005. (In Russ.)
- Saifeeva K.M. Etiketnye formuly: desemantizatsiia i novye smysly [Etiquette formulas: lass of meaning and new senses]. *Russkaia rech'*, 2015, No 3, pp. 68–75. (In Russ.)
- Sereda E.V. Izmeneniia v oblasti inter'ektivatsii etiketnykh vyrazhenii v svete problem obucheniiia russkomu iazyku kak inostrannomu [Changes in sphere of interjection of the etiquette expressions in the light of problems of teaching to russian language as foreign language]. *Problemy prepodavaniia filologicheskikh distsiplin inostrannym uchashchimsia*, 2010, No 1, pp. 178–182. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21702976_79279458.pdf. (In Russ.)
- Shpomer E.A. *Kommunikativnye neudachi v dialogicheskom obshchenii v sootnesennosti s kommunikativnymi zakonami i tipami iazykovoii lichnosti (na materiale nemetskogo iazyka)* [Communicative failure in dialogical communication in correlation with communicative laws and types of language personality (on materials of german language)]. Abakan, 2011. (In Russ.)
- Slovar' strukturnykh slov russkogo iazyka* [Dictionary of structural words of russian language], pod red. V.V. Morkovkina. Moscow, 1997. (In Russ.)
- Sovremennyyi russkii iazyk. Teoriia. Analiz iazykovykh edinits* [Modern russian language. Theory. Analysis of linguistic units], pod red. E.I. Dibrovoi: v 2 vol., vol. 2. Moscow, 2006. (In Russ.)
- Uchevatkin A.A. Mezhdometie kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniia [Interjection as object of linguistics researches]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, No 1, pp. 157–159. (In Russ.)

В.М. Кулькина

**ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ В ПРОЗЕ ПОЛА ОСТЕРА
(роман «Измышление одиночества»)¹**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук»
117218, Москва, ул. Кржижановского, д.15, к. 2*

В статье рассматриваются основные приемы формирования постмодернистской системы художественного отображения пространства-времени на примере произведений Пола Остера. Автор оперирует понятием гетеротопия, означая индивидуальное восприятие взаимодействия пространства и времени в движении. Гетеротопия позволяет интерпретировать современную литературу в контексте противоречий социальной и духовной жизни писателя, и использовать базовую форму гетеротопии — место-гетероклит, на основе построения которого анализируется воспоминания Пола Остера в романе «Измышление одиночества».

Ключевые слова: место-гетероклит; гетеротопия; вымысел; утопия; Пол Остер; Мишель Фуко.

Опубликовав в 1982 г. автобиографическую книгу «Измышление одиночества» (*The Invention of Solitude*), Пол Бенджамин Остер признал, что все описанное в ней — это размышление «о некоторых общих проблемах, объектом которых является он сам» [Auster, 1996: 106]. Произведение, призванное «восстановить» образ умершего отца писателя посредством текста, доказало невозможность этого намерения («Портрет невидимки», с. 31). Другим утверждением Остера, ставшим темой второй части книги («Книга памяти»), стало признание вымысла как единственно возможного способа представить образ другого человека. «Измышление одиночества» соединило элементы «достоверного», «фактографического», являющихся признаками мемуарного жанра, с «вымыслом». Постепенное преобладание вымысла в следующих произведениях Остера повлияло на развитие пространственной структуры его романов и ее взаимодействие с вымышленными формами — «комнатами», или метафорической формой сознания персонажей [Auster, 2003: 118–121]. Такие «комнаты» становятся особым способом видения мира писателем. Вымышленные пространства исполняют функции мест-гетероклитов,

Кулькина Варвара Михайловна — сотрудник Института научной информации по общественным наукам (e-mail: retradazia@gmail.com).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта № 17-33-00025.

производящих разрыв в повседневности, *мест, где для субъекта время течет в ином привычном лишь для него ритме, а пространство воспринимается как «реализуемая утопия»* [Кулькина, 2016].

Обращаясь к теме одиночества современного человека, Пол Остер нашел способ отображения мысли и видения в их развитии. Писатель выстраивает сюжеты таким образом, чтобы читатель легко воспринимал динамику восприятия действительности через *гетеротопии* — места, в которых реальное местоположение объекта одновременно и присутствует, и отсутствует.

Иллюстрацией понятий гетеротопия и место-гетероклит может быть музей, в котором связь между временем и местом в общепринятом понимании изменяется. Согласно исследованиям Российского этнографического музея [Вахштайн, 2014; Руденко, 2015], вещи, вышедшие из повседневного обихода и пополнившие ряды экспонатов музеев (т.е. объектов, которые автор понятия Мишель Фуко изначально включает в список гетеротопий [Фуко, 194]), переходят в пространство музейной гетеротопии, где для них меняется привычный ход времени (оно замедляется). Далее экспонаты попадают в семиотическую сеть музея, где каждый предмет связан с другим не только тем, что он приписан к музею, но и новой семиотической нагрузкой (его история включается в истории других экспонатов, он становится искусственно воссозданной частью иной среды). Данный процесс как раз описывает контакт между двумя пространствами, двумя временами.

Другой пример изменения пространства-времени в гетеротопиях сформулирован М. Фуко как разрушение общепринятого понимания места, которое произошло после открытий Галилея в XVII столетии. Знание того, что Земля вращается вокруг Солнца, заставило ученых задуматься о пространстве бесконечности. Место превратилось в движущуюся точку. Другими словами, *протяженность* заменяет *локацию*, а *местоположение* заменяет *протяженность*, так как оно (местоположение) может меняться. Отныне местоположение определяется через отношения между точками. Последняя проблема в определении местонахождения людей — проблема восприятия места и понимания своего местонахождения [Фуко, 2006: 196].

Обращая внимания на то, что человечество начинает по-разному трактовать течение времени, Остер определяет понятие гетеротопии как пространство, противоречащее всем остальным пространствам. У Остера гетеротопия рассматривается как противовес утопии, т.е. местоположение без реального места. Отныне герой являет собственное воплощение реальности, свой частный, малый, взгляд на мир. Пространство-время изменяется в зависимости от точки зрения пишущего, создающего, трактующего свой взгляд на мир персонажа.

Понятие гетеротопии представляет интерес как более концентрированный вариант отражения мировоззрений современного

индивида. Рассуждая о «месте» в книге «Измышление одиночества», Остер пишет: «Память, как место, как здание, как последовательность колонн, карнизов, портиков. Тело внутри ума, словно мы движемся из одного места к следующему, и шаги наши звучат, когда мы идем из одного места в следующее <...> Память: пространство, в котором что-то происходит вторично» [Остер, 2016: 126, 129]. Итак, пространство в прозе Остера начинает превалировать над временем, которое предстает как взаимодействие элементов в пространстве. Свобода от противоречий современного мира допускает «возможное» как вариант *реального*. Но для этого необходима воля человека, приравнивающая вымысел к «реализуемой утопии».

Гетеротопия допускает взаимодействие возможного и реального, объединенных субъективным пониманием места и времени. Роман «Измышление одиночества» — попытка вторгнуться в чужую гетеротопию, сформировало в прозе Остера особое пространство-время, трактовка которого воспроизводилась писателем в сознании его героев в каждом отдельном романе.

«Мир, на который он (отец) смотрел, был местом практическим. Все понималось лишь с точки зрения функциональности, судилось лишь по тому, сколько оно стоит, а никогда не как действительный предмет со своими особыми свойствами» [Остер, 2016: 88]. Источник и база этого места-гетероклита — автобиографическая книга «Измышление одиночества»: «В таком образе мыслей просматривался примитивизм восприятия. В более общем смысле это превращалось в неизбывную чувственную аскезу: закрывая на столь многое глаза, лишаешь себя непосредственного контакта с миром, отсекаешь возможность пережить эстетическое наслаждение. <...> В итоге не видишь мира вообще» [там же: 87].

Итак, условно назовем основной гетеротопией Остера — его дом. Не конкретное здание или квартиру, а место, куда раз за разом мысленно возвращается герой романа. «В какой миг дом перестает быть домом? Когда крышу срывает? Когда бьют окна? В какой миг он превращается в кучу мусора? И вот однажды стены дома наконец обвалятся. Если же дверь еще стоит, нужно только пройти в нее — и ты снова в доме. Приятно спать под звездами. Дождик — ну и ладно. Ненадолго же» — рассуждает Пол Остер [там же: 41].

Дальнейшие размышления о жизненном пространстве — о «комнате» как о «тюрьме» или как о преображающейся в сознании человека «маленьком космосе», «месте перерождения» [Auster, 2003: 73, 118, 121], также содержатся в романе «Измышлении одиночества». Концепт «комнаты» для Пола Остера одновременно является и местом-гетероклитом, отсекающим сознание от мира и выстраивающим свою временную линию в воображении писателя.

Концепт «комнаты» также полностью отвечает шести принципам гетеротопий Фуко:

1) передает место, занимаемое человеком, когда он рассматривает себя в нем в связи со всем окружающим его пространством, в том числе — и с совершенно нереальным;

2) каждая гетеротопия функционирует в рамках общества;

3) гетеротопии сопоставляют в одном единственном месте несколько пространств, которые сами по себе несовместимы (в данном случае «свободная мысль» человека и его «замкнутое в пространстве тело»);

4) гетеротопии связаны с «раскрытием» времени: с его накоплением или с его непостоянством;

5) гетеротопии предполагают систему открытости/замкнутости, которая одновременно делает их проницаемыми и изолированными;

6) особая функция гетеротопии по отношению к остальному пространству: создание иллюзорного пространства, которое изобличает, как еще более иллюзорное, все реальное пространство.

Гетеротопия как пространство и восприятие времени каждого отдельного индивидуума представляет в прозе Пола Остера желание писателя сформулировать пути обретения свободы от противоречий современного мира. В ранних произведениях автор допускает, что «возможность» может превратиться в *действительность*. По мнению Остера, именно сосредоточенный в «комнате» разум человека способен правильно оценить реальность. «Комната — необязательно образ герметичного сознания, и когда мужчина или женщина стоят или сидят в комнате в одиночестве, там, понимает он, происходит больше, нежели безмолвие мысли, безмолвие тела, с трудом старающегося облечь свои мысли в слова. “Полнота и самодостаточность настоящего мгновения”» [Остер, 2016: 225].

Концепт «комнаты» формируется в творчестве Остера, начиная со второй части его воспоминаний (Книга памяти). Точкой отсчета концепта «комнаты» по праву можно назвать цитату из «Мыслей» Паскаля, приведенную здесь же: «Вот в тот миг, осознал он впоследствии, и началась “Книга памяти”. <...> Повторить Паскаля: “Все несчастье людей происходит только от того, что они не умеют спокойно сидеть в своей комнате”» [Остер, 2016: 128]. Писатель подразумевает не просто комнату, не просто часть гетеротопии, а особое, значимое, место. «Комната» каждого персонажа как часть художественного топоса у Остера перерастает в реальный топос. Так, дом отца вызывает у рассказчика воспоминания о детстве, что наполняет материальный объект (дом) новым содержанием. Из обычной локации дом превращается в место-гетераклит, представляющий образ прошлого в настоящем.

Идея о существовании мира, который больше не отражает реальность, изначально прослеживается, как известно, у Бодрийера,

предложившего понятие симулякра как «копии», скрывающей действительность. Остер отмечает, что «перо никогда не сумеет двигаться с той же скоростью, чтобы успевать записывать каждое слово, открытое в пространстве памяти» [Остер, 2016: 224]. Представляя сознание как материальный объект (комната), писатель маскирует реальность от исчезновения из сознания своих героев, тем самым сохраняя идею подлинного. Задачей рассказчика в автобиографии «Измышление одиночества» становится поиск индивидуальности среди абсурдной действительности.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Заключительные замечания // Очерки по исторической поэтике. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html
- Вахштайн В.С.* Пересборка города: между языком и пространством город в теории // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
- Геллер Л.* Воскрешение понятия, или слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 18.
- Городницкий Е.А.* Экфрасис в структуре литературного произведения: изобразительная и нарративная функции // Вестник Днепропетровского университета им. А. Нобеля. Минск, 2014. № 2 (8). С. 13–18.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / Перевод О.А. Печенкина. Тула, 2013. URL: http://lit.lib.ru/p/pechenkina_o_a/jeanbaudrillard-1.shtml
- Кулькина В.М.* Гетеротопия: литературоведческий аспект (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения. М., 2016. № 4. С. 18–25.
- Остер П.* Измышление одиночества. М., 2016.
- Руденко Н.* Гетеротопия как переписание: музейные экспонаты, сети и практики // Социология власти. 2015. № 1. С. 181–195.
- Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006. С. 191–204.
- Шестакова Э.Г.* Гетеротопия — рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // Критика и семиотика. Новосибирск, 2014. № 1. С. 58–72.
- Auster P.* The Invention of Solitude in Collected Prose. N.Y., 2003. P. 121, 73, 118.
- Auster P.* The Red Notebook. L., 1996. P. 106.
- Simut A.* Metaphorical dystopias and the end of the world (s) in Auster's Country of last things and Jose Saramago's Blindness // STUDIA UBB PHILOLOGIA. Cluj-Napoca, Romania. 2012. LVII. N 4. P. 109–117.

Varvara M. Kulkina

THE SPACE/TIME IN PAUL AUSTER'S PROSE (the Novel "Invention of Solitude")

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
15/2 Krzhizhanovskiy, Moscow, 117218*

The article reveals Paul Auster's devices promoting formation of the postmodernist system of reflecting space/time in narratives. Auster uses such a concept as heterotopia which also means individual perception of interaction of space and time in the movement. Heterotopia also allows to interpret modern literature in the context of the writer's contradictions of social and spiritual life which leads the writer to use a basic form of heterotopia — heteroclite. Paul Auster's memoirs in his novel *The Invention of Solitude* were analyzed on the basis of heteroclite.

Key words: Heteroclite; heterotopic space; fiction, utopia; Paul Auster; Michel Foucault.

About the author: *Varvara M. Kulkina* — employee of Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: retradazia@gmail.com).

References

- Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. *Zakljuchitel'nye zamechaniya. Ocherki po istoricheskoy pojetike*. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html
- Vahstajin V.C. Peresborka goroda: mezhdu jazykom i prostranstvom gorod v teorii. *Sociologija vlasti*, № 2, RANHiGS, 2014, pp. 9–38.
- Geller L. Voskreshenie ponjatija, ili slovo ob jekfrasis. *Jekfrasis v ruskoj literature. Trudy Lozanskogo simpoziuma*. M., 2002, pp. 18.
- Gorodnickij E.A. Jekfrasis v strukture literaturnogo proizvedenija: izobrazitel'naja i narrativnaja funkcii. *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta im. A. Nobelja*. Minsk, 2014, № 2 (8), pp. 13–18.
- Baudrillard J. Simuljakry i simuljacija. Perevod O.A. Pechenkina. Tula, 2013. URL: http://lit.lib.ru/p/pechenkina_o_a/jeanbaudrillard-1.shtml
- Foucault M. *Drugie prostranstva. Intellektualy i vlast': Izbrannye stat'i, vystuplenija i interv'ju*. M., 2006, ch. 3, pp. 191–204.
- Kulkina V.M. Geterotopija: literaturovedcheskij aspekt. (Svodnyj referat). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 7. Literaturovedenie*. RZh/RAN. INION. Centr gumanit. nauch. — inform. issled. Otd. literaturovedenija. M., 2016. № 4, pp. 18–25.
- Auster P. *Izmyshlenie odinochestva*. M., 2016.
- Rudenko N. Geterotopija kak pereopisanie: muzejnye jeksponaty, seti i praktiki. *Sociologija vlasti*. № 1. RANHiGS, 2015, pp. 181–195.
- Shestakova Je. G. *Geterotopija — rabochee ponjatie sovremennoj gumanitaristiki: literaturovedcheskij aspekt Kritika i semiotika*. Novosibirsk, 2014, № 1, pp. 58–72.

Н.А. Демичева

**МОСКОВСКИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
О НОВГОРОДСКОМ ПОХОДЕ ИВАНА III 1475–1476 гг.
(ПРОБЛЕМАТИКА И ТЕКСТОЛОГИЯ)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматриваются московские произведения о новгородском походе Ивана III 1475–1476 гг. в летописях XV–XVII вв. Отмечается специфика московской точки зрения на эти события. Анализируются идеология и художественные особенности этих текстов.

Ключевые слова: новгородский поход Ивана III 1475–1476 гг.; московское летописание; текстология.

Присоединение Новгорода к Москве не было единовременным актом. Этот процесс включал три этапа: военный поход Ивана III 1471 г.; поход «миром» Ивана III 1475–1476 гг. и окончательное включение Новгорода в состав Московского государства в 1478 г.

Ранее в цикле статей мы рассматривали проблемы поэтики, текстологии, идеологии и художественных особенностей произведений о присоединении Новгорода к Москве в результате похода 1471 г.¹ Целью же данной работы является анализ аналогичной проблематики в летописных произведениях о походе 1475–1476 гг.

Изучению текстов, посвященных событиям 1475–1476 гг., исследователи уделяли значительно меньше внимания, чем анализу произведений о первом и третьем походах Ивана III на Новгород. Дело в том, что поход 1475–1476 гг. отразился в меньшем количестве летописей, тексты о нем меньше по объему и менее художественны. Они больше ориентированы на документальное изложение фактов.

Демичева Наталья Алексеевна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: natadem@bk.ru).

¹ См., например: *Демичева Н.А.* Краткая повесть о новгородском походе Ивана III 1471 г. в Мазуринском летописце: проблемы идеологии и поэтики // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). М., 2017. С. 43–44; Легитимизация присоединения Новгородской земли к Москве в московском летописании XV–XVI вв. // История государства и права. № 17. М., 2014. С. 16–22; Специфика редакций «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» // Летняя школа по русской литературе. Т. 12. СПб., 2016. № 3. С. 231–240.

Несмотря на это, идеологические позиции составителей этих текстов достаточно хорошо определяются.

Московскую точку зрения на поход 1475–1476 гг. отражают повесть «О поезде великого князя в Новгород», московские рассказы о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Воскресенской летописи, Степенной книге и Мазуринскому летописцу), краткие московские рассказы о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (в Типографской, Вологодско-Пермской, Ермолинской летописях, в Сокращенных сводах 1493 и 1495 гг., в Летописных сводах 1497, 1518 гг.).

Повесть «О поезде великого князя в Новгород» дошла до нас в двух редакциях. Первая редакция находится в Московском своде конца XV в., Симеоновской (конец XV в.), Львовской (XVI в.), Софийской II (первая половина XVI в.), Иоасафовской (первая половина XVI в.), Никоновской летописях (XVI в.), Лицевом летописном своде (вторая половина XVI в.).

Данный текст по происхождению связан с московским великокняжеским летописанием. Так, Московский свод конца XV в. — «великокняжеская летопись в редакции 1-й пол. 1490-х гг.»² Известия с 1410 по 1493 г. в Симеоновской летописи излагаются по Московскому своду конца XV в.³ Иоасафовская летопись сохранила «в своем составе части московского летописания XV — начала XVI в.»⁴ Иоасафовская летопись в свою очередь является «одним из основных источников грандиозного Никоновского летописного свода»⁵. К тому же Никоновская летопись была создана и функционировала при московской митрополичьей кафедре⁶. Лицевой летописный свод создавался в период 1568–1576 гг. по заказу Ивана IV⁷, и одним из его источников являлась Никоновская летопись⁸.

В основе Софийской II и Львовской летописей лежит свод 1518 г., который в свою очередь включает переработанный независимый свод конца XV в. (1489–1490 гг.)⁹. Важным является то, что свод

² Лурье Я.С. Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 34.

³ См.: Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2007 г. // Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. 2-е изд. Симеоновская летопись. М., 2007. С. V.

⁴ Зимин А.А. Предисловие // Иоасафовская летопись / Под ред. А.А. Зимина. М., 1957. С. 3.

⁵ Там же.

⁶ См.: Клосс Б.М. Летопись Никоновская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XIV–XVI в. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 50–51.

⁷ См.: Клосс Б.М. Летописный свод Лицевой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XIV–XVI в. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 30.

⁸ См.: Морозов В.В. От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду (Развитие жанра и эволюция концепции) // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 247.

⁹ См.: Лурье Я.С. Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 405–419.

конца XV в. вышел «из среды оппозиционного духовенства»¹⁰, а в своде 1518 г. «уже не было признаков оппозиции великокняжеской власти»¹¹. Повесть о походе 1475–1476 гг. также является вставкой составителя свода 1518 г. Дело в том, что в Софийской II летописи под 1474 г. (видимо, дата ошибочна и речь идет о том же самом походе) говорится: «Тое ж(е) осени м(е)с(я)ца октября 2 ездиль князь(ь) велики во свою отчину, а тамо ноугородци не дашас(ь) ему в суд. Кн(я)зь велики поймав их и посади в Переславли»¹². Эту летописную запись Лурье считает первичной, а статью «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1) — поздней вставкой из великокняжеского свода¹³. Это подтверждается тем, что повесть «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1) по своей тенденциозности схожа с повестью «О осьмом соборе», «Словесами избранными...» и другими вставками составителя свода 1518 г. Вероятно, это произведение было заимствовано из Московского летописного свода конца XV в.

Повесть «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1) является самым большим по объему и подробным текстом о новгородском походе Ивана III 1475–1476 гг. При построении сюжета этого произведения используется кумулятивный принцип: происходит нанизывание эпизодов, в которых изображаются встречи Ивана III со знатными новгородцами, принятие от них даров, пиры с новгородцами и решение их споров. Можно также отметить, что ввиду этих композиционных особенностей стиль повести близок манере деловых документов.

Важно, что, в отличие от похода 1471 г., во время похода 1475–1476 Иван III, в изложении повести «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1), не предпринимал военного вторжения. Эту особенность отмечал еще Л.В. Черепнин, который трактовал ключевое выражение «поиде миромъ» таким образом: «... это переделка московскими летописцами слов новгородских летописей: «приехал... на миру». В результате такой переделки смысл текста в корне изменился. В первом случае речь шла о нарушении московским правительством мира с Новгородом. Во втором — о мирном правительственном визите в Новгород»¹⁴.

¹⁰ Там же. С. 418.

¹¹ Там же. С. 418–419.

¹² Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. С. 221.

¹³ См.: Лурье Я.С. Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей. С. 413–414.

¹⁴ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 863–864.

В повести «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1) создается образ благочестивого правителя, акцентируется внимание на том, как великий князь молится («... а кн(я)зь велики стояше на службе тѣи умилнѣ и бл(а)гочиннѣ...»¹⁵).

Особенностью данного текста является то, что сами новгородцы благосклонно относятся к походу Ивана III: «... и вес(ь) Великий Новгород с великою любовию срѣтоша...»¹⁶, «... да вси без омѣнки обратишас(ь) к нему с любовию...»¹⁷. Интересно, что в Московском своде конца XV в. вместо «... и вес(ь) Великий Новгород с великою любовию срѣтоша...»¹⁸ читается «...и весь Великий Новгород, государь их невѣгласов, непоставнии людие»¹⁹. О.В. Чирейкина объясняет данную замену тем, что в Софийской II, Львовской и Никоновской летописях намеренно была смягчена эта формулировка для того, чтобы не оскорбить чувства новгородцев и подчеркнуть «отсутствие противоречий между Москвой и Новгородом»²⁰. На наш взгляд, правка приведенной фразы не имела столь важного идеологического значения. Ведь новгородское самоуправление напрямую критикуется в другом фрагменте повести «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1), который читается в указанных летописях без существенных разночтений. К тому же, вряд ли для книжника было важным пощадить чувства новгородцев (в других текстах, включенных в Софийскую II и Львовскую летописи, о новгородцах говорятся намного более обидные слова).

Постоянно акцентируется внимание на том, что новгородцы жалуются на своих же сограждан. Причину этого автор видит в новгородском самоуправлении: «Понеж(е) бо земля она от многа лѣтъ въ своеи воли живяху, а о великих князех, отчине своеи, небрежаху и не послушаху их»²¹. Иван III, по свидетельству этой повести, успешно решал споры новгородцев и наказывал виновных. Автор текста, таким образом, проводит мысль о том, что Новгород должен подчиниться Ивану III, чтобы тот навел там порядок.

Ключевым судебным делом представлена жалоба новгородцев Славковой и Микитиной улиц на новгородских бояр и посадника за грабежи и убийства. Последние были признаны виновными. Интересно, что Иван III сразу после этого велел некоторых из этих людей

¹⁵ Софийская вторая летопись. С. 245.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 246.

¹⁸ Там же. С. 245.

¹⁹ Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 2004. С. 305.

²⁰ См.: Чирейкина О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV–XVII вв. и литературных сборниках: Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001. С. 92.

²¹ Софийская вторая летопись. С. 244–245.

лишить свободы за то, что «... мыслили Великому Новгороду датися за короля»²². Несмотря на просьбы новгородского архиепископа, «... не отпустил княз(ь) велики ни единог(о)»²³. При отказе Иван III приводит следующий аргумент: «Вѣдомо тебе, б(о) гомолцу нашему, и всему Новгороду, отчине нашей, колико от тѣх бояр и наперед сего лихо чинилос(ь). А и нынѣча, что ни есть лиха в нашей отчинѣ, то все от них чинится. Ино како ми за то их лихо жаловати?»²⁴ Получается, что оппозиционные (выступающие в 1471 г. за то, чтобы подчиниться Казимиру IV) бояре оказались дискредитированы и понесли наказание как грабители и убийцы.

Акцент делается на том, что Новгород — отчина великого московского князя и все действия Ивана III во время похода 1475–1476 гг. легитимны. Показательным является эпизод, в котором посол «от короля свиискаго от Герстура» (речь идет о Стене Стуре Старшем, который в то время был регентом Швеции) просил у великого князя, чтобы тот разрешил Новгороду продлить перемирие со шведским королем.

Повесть «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 2) читается в дополнительной тетради к Бальзеровскому списку Софийской I летописи младшей редакции (XVI в.) и в Новгородской летописи Дубровского (XVI в.). Оговоримся, что, возможно, этот текст не является непосредственно редакцией повести «О поезде великого князя в Новгород», а лишь имеет с ней общий источник²⁵. Эта редакция, вероятно, относится к первой трети XVI в.

В данном тексте, как и в повести «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1), говорится, что великий князь «...пойде... миромъ»²⁶, представляется череда встреч Ивана III с новгородцами с указанием дат и перечислением подарков (эти описания совпадают). Однако не все встречи, отмеченные в повести «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1), отражены в этой редакции. Здесь также есть сообщение, отсутствующее в первоначальной повести: «Того же мѣсяца въ 16 прѣхаль владыка Теофиль къ великому князю съ челобитьемъ, съ половиною волостей владычнихъ да съ половиною земли отъ шти монастырей...»²⁷ (далее идет перечисление того, какие волости взял у монастырей и сколько в них обож²⁸). Это

²² Там же. С. 248.

²³ Там же. С. 252.

²⁴ Там же. С. 248.

²⁵ См.: *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб, 1994. С. 153.

²⁶ Софийская вторая летопись. С. 16.

²⁷ Там же. С. 17.

²⁸ Обжа — единица измерения площади, которая применялась для расчета по-земельного налога.

сообщение относится к повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг.²⁹

Однако более существенным представляется отсутствие в данном тексте важных идеологических элементов, связанных с изображением законности власти великого князя в Новгороде, добровольного подчинения новгородцев Ивана III: указания, что новгородцы встречают великого князя «с любовью»; эпизода с судом Ивана III над посадником и боярами; эпизода с заключением внешнеполитического договора Новгорода с разрешения Ивана III. О пойманных посадниках и боярах и их ссылке в другие города говорится уже после логического завершения повести — сообщения об отъезде великого князя из Новгорода, обоснование их ареста отсутствует.

Московский рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Воскресенской летописи) и московский рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Степенной книге и Мазуринскому летописцу) настолько невелики по объему, что сложно сказать, являются ли разночтения свидетельством того, что это разные редакции одного текста или что это разные тексты, имеющие общий источник. В любом случае их целесообразно рассматривать вместе.

Московские рассказы о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (или их общий источник) следует датировать первой половиной XVI в. Дело в том, что Воскресенская летопись была составлена в 40-е годы XVI в.³⁰, Степенная книга создана московским митрополитом Афанасием в 1560–1563 гг.³¹, Мазуринский летописец составлен в последней четверти XVII в.³²

Исходя из приведенных текстологических фактов, нельзя согласиться с утверждениями О.Ю. Чирейкиной о рассказе в Мазуринском летописце: «Это изложение — как бы взгляд постороннего наблюдателя. Вероятно, летописателя XVII в. не волновали в такой степени, как современников, московско-новгородские отношения конца XV в., отсюда и обтекаемый стиль повествования»³³. Отметим, что рассказ в Мазуринском летописце не может отражать взгляд человека XVII в., так как он идентичен рассказу в Степенной книге

²⁹ Московский летописный свод конца XV в. С. 319. Однако изложения эпизода не совпадают полностью (например, указывается разное количество беж по монастырям).

³⁰ См.: *Левина С.А.* О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 379.

³¹ См.: *Покровский Н.Н.* Афанасий (в миру Андрей) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2. Ч. 1. Л., 1989. С. 74–75.

³² См.: *Буганов В.И.* Предисловие // *Полное собрание русских летописей.* Т. XXXI: Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 3.

³³ *Чирейкина О.Ю.* Указ. соч. С. 99–100.

60-х годов XVI в. и явно был из нее заимствован. К тому же, мы склонны считать, что рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Степенной книге и Мазуринскому летописцу) является редакцией рассказа о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Воскресенской летописи).

Данные тексты имеют схожую структуру: отправление Ивана III в поход 22 октября; встреча великого князя с новгородским архиепископом, посадниками и боярами, земскими людьми, чернью; жалоба земских людей и черни на посадников и бояря; арест и ссылка в другие города других виновных бояря; выезд из Новгорода 26 января; приезд в Москву 8 февраля.

Отметим, что в рассказе по Воскресенской летописи больше деталей. Так, в нем, в отличие от рассказа Мазуринского летописца, указано название реки, на которой новгородцы встретили Ивана III («... на рѣцѣ Холовѣ...»³⁴), и дан список бояря и посадников, которых Иван III велел оковать и расослать по другим городам.

В рассказе о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Степенной книге и Мазуринскому летописцу) присутствуют мотивировка похода («... хотя миромъ и любовію исправили непостоянный нравъ жестосердных тамошнихъ людей»³⁵) и оценка суда Ивана III («... по праведному суду...»³⁶). Так, редакция рассказа в Степенной книге ярче отражает московскую точку зрения на события 1475–1476 гг., противопоставляя образ праведного и мирного Ивана III образу жестокосердных новгородцев.

Краткие летописные рассказы о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III присутствуют в Ермолинской (конец XV), Типографской (конец XV — начало XVI в.), Вологодско-Пермской (конец XV — начало XVI в.) летописях, в Сокращенных сводах 1493 и 1495 гг., в Летописных сводах 1497, 1518 гг. Отметим, что все перечисленные летописи испытали влияние великокняжеского летописания и при изложении событий новгородского похода 1475–1476 гг. придерживаются московской точки зрения. Так, во всех этих кратких рассказах есть указание на «мирность» похода (в Типографской летописи и Летописном своде 1497 г.: «... поиде князь Иванъ Васильевичъ к Новугороду, на свою отчиноу, добровольно...»³⁷, в остальных: «...поиде... миромъ»).

В Сокращенном своде 1495 г. и Вологодско-Пермской летописи краткий рассказ состоит из двух предложений, повествующих об

³⁴ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VIII. СПб, 1859. С. 181.

³⁵ Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч. 1. СПб, 1913. С. 543.

³⁶ Там же.

³⁷ Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Пг, 1921. С. 195.

отправлении в Новгород и возвращении в Москву. В Сокращенном своде 1493 г. имеется еще один структурный элемент — информация об аресте шести посадников и бояр (с перечислением имен).

Рассказ Типографской летописи и Летописного свода 1497 г. имеет специфику: добавляется «... и дасть оуправу Великомоу Новгороду, приведе ихъ во всю свою волю...»³⁸; отмечается, что Иван III получил много имущества; возвращение великого князя в Москву охарактеризовано формулой «...с великою честію...»³⁹ Эти особенности отражают московскую точку зрения.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что летописные произведения о новгородском походе Ивана III 1475–1476 гг., отражающие московскую точку зрения на эти события, объединяет то, что в них поход представлен как мирное мероприятие (используется формула «поиде миромъ»). Наиболее яркой и интересной с точки зрения идеологии является первая редакция повести «О поезде великого князя в Новгород». В ней новгородцы «с любовью» встречают Ивана III, как бы отказываясь от сопротивления, которое они пытались оказать в 1471 г., они позволяют великому князю разбирать их внутренние судебные дела и заключают внешнеполитический договор только с его позволения. Все поступки Ивана III показаны как легитимные действия князя по отношению к своей отчизне.

Список литературы

- Буганов В.И.* Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.
- Демичева Н.А.* Краткая повесть о новгородском походе Ивана III 1471 г. в Мазуринском летописце: проблемы идеологии и поэтики // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). М., 2017. С. 43–44.
- Демичева Н.А.* Легитимизация присоединения Новгородской земли к Москве в московском летописании XV–XVI вв. // История государства и права. 2014. № 17. С. 16–22.
- Демичева Н.А.* Специфика редакций «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» // Летняя школа по русской литературе. Т. 12. СПб, 2016. № 3. С. 231–240.
- Зимин А.А.* Предисловие // Иоасафовская летопись / Под ред. А.А. Зимина. М., 1957. С. 3.
- Клосс Б.М.* Летописный свод Лицевой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XIV–XVI в. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 30–32.
- Клосс Б.М.* Летопись Никоновская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XIV–XVI в. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 50–51.
- Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 2007 г. // Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. 2-е изд. Симеоновская летопись. М., 2007. С. V–VI.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

- Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч. 1. СПб, 1913.
- Левина С.А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955.
- Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб, 1994.
- Лурье Я.С.* Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 34.
- Лурье Я.С.* Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 405–419.
- Морозов В.В.* От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду (Развитие жанра и эволюция концепции) // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990.
- Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 2004.
- Покровский Н.Н.* Афанасий (в миру Андрей) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1989.
- Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VIII. СПб., 1859.
- Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М., 2001.
- Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Пг, 1921.
- Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.
- Чирейкина О.Ю.* Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV–XVII вв. и литературных сборниках: Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001.

Natalia A. Demicheva

**MUSCOVITE WORKS ON IVAN III'S 1475–1476
NOVGOROD CAMPAIGN IN CHRONICLES
(PROBLEMS AND TEXTUAL CRITICISM)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article examines the Muscovite chronicles of the 15th–17th centuries which describe the Novgorod campaign of Ivan III in 1475–1476. The paper deals with

the specifics of the Muscovite point of view on those events. The author analyzes the ideological and artistic peculiarities of the editions of this text.

Key words: Ivan III's 1475–1476 Novgorod campaign; Muscovite chronicles; textual criticism.

About the author: *Natalia A. Demicheva* — postgraduate, Department of History of Russian literature, Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University (e-mail: natadem@bk.ru).

References

- Buganov V.I. Predislovie. *Polnoe sobranie russkikh letopisej*, t. XXXI. Letopiscy poslednej chetverti XVII v. M., 1968.
- Demicheva N.A. Kratkaja povest' o novgorodskom pohode Ivana III 1471 g. v Mazurinskom letopisce: problemy ideologii i pojetiki. *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki*. № 3 (69). M., 2017, pp. 43–44.
- Demicheva N.A. Legitimizacija prisoedinenija Novgorodskoj zemli k Moskve v moskovskom letopisanii XV–XVI vv. *Istorija gosudarstva i prava*, № 17. M., 2014, pp. 16–22.
- Demicheva N.A. Specifika redakcij “Moskovskoj povesti o pohode Ivana III Vasil'evicha na Novgorod”. *Letnjaja shkola po russkoj literature*. SPb, 2016, t. 12, № 3, pp. 231–240.
- Zimin A.A. Predislovie. *Ioasafovskaja letopis'*. Pod redakciej A.A. Zimina. M., 1957, p. 3.
- Kloss B.M. *Letopisnyj svod Licevoj*. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. XIV–XVI v., vyp. 2, ch. 2. L., 1989, pp. 30–32.
- Kloss B.M. *Letopis' Nikonovskaja*. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. XIV–XVI v., vyp. 2, ch. 2. L., 1989, pp. 50–51.
- Kloss B.M. *Predislovie k izdaniju 2007 g. Polnoe sobranie russkikh letopisej*, t. XVIII. 2-e izd. Simeonovskaja letopis'. M., 2007, pp. V–VI.
- Kniga Stepennaja carskogo rodoslovija. *Polnoe sobranie russkikh letopisej*, t. XXI, ch. 1. SPb, 1913.
- Levina S.A. O vremeni sostavlenija i sostavitele Voskresenskoj letopisi XVI veka. *TODRL*, t. 11. M.; L., 1955.
- Lur'e Ja. S. *Dve istorii Rusi XV veka: Rannie i pozdnie, nezavisimye i oficial'nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva*. SPb, 1994.
- Lur'e Ja. S. Letopisnyj svod Moskovskij velikoknjazheskij kon. XV v. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*, vyp. 2, ch. 2. L., 1989, p. 34.
- Lur'e Ja. S. Nezavisimyj letopisnyj svod konca XV v. — istochnik Sofijskoj II i L'vovskoj letopisej. *TODRL*, t. 27. L., 1972, pp. 405–419.
- Morozov V.V. Ot Nikonovskoj letopisi k Licevomu letopisnomu svodu (Razvitie zhanra i jevoljucija koncepcii). *TODRL*, t. 44. L., 1990.
- Moskovskij letopisnyj svod konca XV v. *Polnoe sobranie russkikh letopisej*, t. XXV. M., 2004.
- Pokrovskij N.N. Afanasij (v miru Andrej). *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*, vyp. 2, ch. 1. L., 1989.

- Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku. *Polnoe sobranie russkih letopisej*, t. VIII. SPb, 1859.
- Sofijskaja vtoraja letopis'. *Polnoe sobranie russkih letopisej*, t. VI, vyp. 2. M., 2001.
- Tipografskaja letopis'. *Polnoe sobranie russkih letopisej*, t. XXIV. Petrograd, 1921.
- Cherepnin L. V.* Obrazovanie russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vv. *Očerki po social'no-jekonomicheskoj i političeskoj istorii Rusi*. M., 1960.
- Chirejkina O. Ju.* *Povesti o prisoedinenii Novgoroda k Moskve v letopisjah XV–XVII vv. i literaturnyh sbornikah*: Diss.... kand. filolog. nauk. Barnaul, 2001.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В.Г. Кульпина, В.А. Татарин

**Рецензия на кн.: WAWRZYŃCZYK J., WIERZCHOŃ P.
300 TYSIĘCY POLSKICH SŁÓW:**

INDEKS A FRONTE.

Poznań: DM Sorus, 2016. 1053 s.

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1
Российское терминологическое общество (РоссТерм)
117209, Москва, ул. Перекопская, д. 30, к. 1*

В рецензии описываются сводный словарь польской лексики, пути развития современной польской лексикографии и методы составления словарей на основе фотокорпусной лингвистики.

Ключевые слова: словарь; лексикография; рецензия; польский язык.

Словарь «300 тысяч польских слов. Индекс а фронте» представляет собой сводный словарь польской лексики. Его содержимое составляют именно 300 тысяч польских слов, собранных воедино «под одной крышей». И объем, и хронологический срез словаря-индекса чрезвычайно широки — им охватывается огромный период с 1773 и вплоть до 2016 г., называемый новопольским периодом (*doba nowopolska*).

Словарь состоит из предисловия, корпуса словаря и приложения. В предисловии отмечена главная особенность словаря — в словарь включены все слова из указанного исторического периода, в том числе забытые слова. Здесь названы основные источники словаря, в которых можно найти адресную локализацию слов. Главный корпус словаря расположен на 1038 страницах, набран убористым кеглем в четыре столбца (см. уменьшенный фрагмент словаря).

В приложении зафиксированы слова, которые содержат более 28 знаков. Это слова типа сложных слов *etyczno-społeczno-zagraniczno-statystyczny* ‘этически-социально-загранично-статисти-

Кульпина Валентина Григорьевна — доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vgrkulpina@mail.ru).

Татарин Виктор Андреевич — доктор филологических наук, президент Российского терминологического общества (РоссТерм) (e-mail: rossterm@mail.ru).

a A

a	abcup	abiogeneza	abominacyjny
A	abcwajga	abiogeny	abonament
A1	abcwajgować	abiologia	abonamentowo-telefoniczny
ą	abczas	abiologiczny	abonamentowy
Ą	abankować	abiotyczny	abonencki
a-	abdelkaderka	abis	abonent
aa	abdera	abisal	abonentka
aa	abderyta	abisalny	abonować
Aa	abdomen	abisobiont	abonować się
AA	abdomenizer	abisofil	abonowanie
a - a	abdominalny	abisologia	Aboon
aaa	abdruk	Abisynia	aboralny
a-aktualność	abduk	abisynka	aborcja
aaż	abdukacyjny	Abisynka	aborcjogenny
aaż	abdukat	abisyńczyk	aborcjonalista
AB	abdukcja	Abisyńczyk	aborcjonista
abachit	abdukcyczny	abisyński	aborcjonistka
Abacja	abduktor	abisyńsko-włoski	aborcjonistyczny
abadir	abdul	abituriencki	aborcjuszka
abadyccki	abdumka	abiturient	aborcyjno-antykoncepcyjny
abak	abdychtować	abiturientka	aborcyjny
abaka	abdykacja	abitudykcja	abordaż
abakan	abdykacyjny	abiurować	abordażowy
abakański	abdykować	abjumaa	abort
abakować	abdykowanie	abklacze	aborter
abakowanie	abecadlany	abkrajcować	aborterka
abakus	abecadlarka	ablacja	abotour
abandon	abecadlarski	ablacyjny	abotować
abandonować	abecadlarz	ablacyjny	abotowanie
abarot	abecadlnik	ablaktacja	abortus
abarotno	abecadlny	ablaktować	aborygen
abasydzki	abecadło	ablaktowanie	aborygeński
abat	abecadło-literowy	ablatus	abot
Abatareni	abecadliwość	ablatus	abotomizm
abatony	abecadliwość	ablatus	ab ovo
abatyczny	abecadliwość	ablatus	abowiem
abatysa	abecadliwość	ablatus	abp
abazja	abecedarjusz	ablatus	abradować
abazyński	abe-gutnajeryzm	ablatus	Abraham
abażur	Abelard	ablatus	
abażurek		ablatus	

ческий'. Отметим, что в современных языках количество таких многосоставных слов лавинообразно возрастает.

Рецензируемый словарь — один из самых гигантских словарей польского языка, которые мы когда-либо держали в руках, — плод огромной работы, оставшейся в данном издании фактически «скрытой категорией». Авторы словаря Ян Вавжиньчик и Петр Вежхонь особо подчеркивают, что в их словаре нет искусственных креатур, созданных методом морфосинтеза (например, отглагольных существительных от глаголов или рядов придуманных компьютером прилагательных с элементом *анти-* и т.п.). Ведь, как известно, современные компьютерные программы могут «самостоятельно» породить множество дериватов. Словарь «300 тысяч польских слов» заполняют реальные словарные единицы, живущие своей повседневной языковой жизнью. Они зафиксированы в целом ряде источников, в том числе в 44-томном «Лексическом депозитории польского языка» [Depozytorium]¹, строящемся на примерах употребления слов, экс-

¹ В рецензии приняты следующие сокращения: НЖДС — Названия женщин: Дополнительный словарь / Под ред. В. Кульпиной, Я. Вавжиньчика. Autorzy opracowania: Fedoruszkow J., Ignasiak A., Kulpina W., Rodak A., Siemianowska U., Tatarinow W., Wawrzyńczyk J. Warszawa, 2006; ССл — Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / Под ред. Р.П. Рогожниковой. М., 1991; Depozytorium — Depozytorium

церпированных методом фотолексикографирования. А это значит, что какой-либо «осечки» в виде расхождений с оригиналом тут быть не может — фотокопия превратилась в фотодокумент, и всё это есть сейчас на сайте «Национального фотокорпуса польского языка» www.pfjr.pl. Каждый фотодокумент дает эксцерпированное слово «живьем», в его естественном контекстном ореоле, и именно из таких слов, про которые авторам «всё известно» — из какого они издания, когда появились, когда имело место их первое употребление, состоит словарь. Однако в самом словаре эта информация «за кадром». Она в деталях дана в других, не инкорпорированных в словарь, но вполне доступных взору печатных и интернет-изданиях, и верифицируема. Каждый фотодокумент является фактически свидетельством эпохи — если подойти к нему с позиций современной лексикографии и современных требований. Теоретические подходы к современной лексикографии освещены авторами во многих публикациях, в том числе в «Вестнике Московского университета. Серия 22. Теория перевода» в статье «Как революционизировать технологию составления словарей» [Вавжиньчик, Вежхонь, 2017: 94–104].

Рецензируемый словарь можно рассматривать как своего рода словник: он состоит сплошь из заголовочных слов, причем только из них. Если устанавливать связи с нашими отечественными лексикографическими изданиями по жанру и объему, то сами по себе проводятся естественные аналогии между рецензируемым словарем и «Сводным словарем современной русской лексики» под редакцией Р.П. Рогожниковой [ССл, 1991], охватывающим 170 тысяч словарных единиц. Словарь Рогожниковой — так его называют в лексикографическом обиходе, долгие годы служил точкой отсчета для отечественных и зарубежных специалистов-языковедов, «камертоном новизны», позволяющим протестировать какую-либо русскую лексему по этому параметру. И в принципе все было просто — если слово есть в «Сводном словаре», значит, оно отнюдь не новое (хотя у такого ненового слова могло развиваться и совершенно новое значение, но это уже другой вопрос). А если какого-то слова в «Сводном словаре» нет, значит, мы имеем право считать его ново-рожденным. В свое время авторы данной рецензии и один из авторов рецензируемого словаря, Ян Вавжиньчик, также воспользовались

leksykalne języka polskiego: T. 1–44... Warszawa, 2010–2017...; NSRPPS — Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski / Redaktor naukowy J. Wawrzyńczyk; Autorzy haseł: J. Wawrzyńczyk, H. Bartwicka, V. Kulpina, E. Małek. Warszawa, 2008; WSPR — Wielki słownik polsko-rosyjski / Redaktor Naczelny J. Wawrzyńczyk; J. Wawrzyńczyk, M. Kuratczyk, E. Małek, A. Gołubiewa, H. Bartwicka, A. Wawrzyńczyk. Warszawa, 2004; WSRP — Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / Redaktor Naczelny J. Wawrzyńczyk; J. Wawrzyńczyk, M. Kuratczyk, E. Małek, H. Bartwicka. Warszawa, 2004.

«Сводным словарем» в ходе работы в авторском коллективе над словарем «Названия женщин: Дополнительный словарь» (НЖДС), и были чрезвычайно рады, что Словарь Рогожниковой на свете есть и благодаря ему мы можем отследить свежайшие неологические дериваты (и дать их в НЖДС в наисовременнейшем контекстном окружении)².

Издания с точной адресацией и документацией лексики уже долгое время выходят в Польше под редакцией Яна Вавжиньчика. Сначала они были небольшими; первым стал *Informatorium wyrazowe* ‘Словарный информаторий’ — это издание прокладывало путь хронологизационной фотолексикографии, или фотоцитатографии — лексикографии нового типа с новым подходом к иллюстративному материалу, предполагающим полную и точную локализацию лексемы в сетке временных и пространственных координат (см.: [Wawrzyńczyk, 1993]). На помощь лексикографу пришли компьютерные технологии, Познанская электронная библиотека, расширяющийся круг энтузиастов и замечательное научное содружество *Ян Вавжиньчик — Петр Вежхонь*. А иначе такой колоссальный объем работы, который в виде вершины айсберга представлен в словаре «300 тысяч польских слов», проделать было бы просто невозможно. Хотя работа по библиографической адресации польской лексики продолжается, относительно огромнейшего пласта польской лексики она уже проделана.

Объем собранного в рецензируемом словаре материала — это «три Дорошевских». «Дорошевский» — это «Словарь польского языка» — толковый словарь под редакцией Витольда Дорошевского, в свое время (1958–1969), являвший собой чудо лексикографической мысли, но в данном случае мы говорим о нем с точки зрения его «громадьи»: 11 томов-мастодонтов общим объемом 125 тысяч словарных статей.

Итак, рецензируемый словарь продолжает традицию крупных польских лексикографических изданий, а что касается его создателей, в науке кроме соображений целесообразности есть еще такая вещь, как энтузиазм, горячее желание заниматься важным и полезным делом, в данном случае — сосредоточиться на кропотливой работе дотошного исследователя-муравья, который строит свой

² Словник для нашего словаря русских феминативов-неологизмов — обозначений женщин, формировался, например, по признаку профессии (ср. *клипмейкерша*, *клееварищица*, *маркетологша*, *ихтиологиня* и т.п.) или по другим каким-то признакам (*жизнелюбица*, *заводчанка*, *инспираторша*, *мажорница*, *манипуляторка* и т.п.). Лексемы-феминативы включались в наш словарь в строгом соответствии с критерием их отсутствия в словаре под редакцией Р.П. Рогожниковой.

словарный домик, свитый из множества слов, имеющих свою родословную в виде точных координат в пространстве и во времени.

Несмотря на трудоемкость и времязатратность, занятие по хронологической привязке лексики чрезвычайно плодотворно, потому что пресекает на корню умозрительно-схоластические дискуссии о новизне/неновизне слова, о том, освоилось ли данное слово в языке лишь недавно или было в ходу еще до Первой мировой. Наличие датировок позволяет выявить дату первого употребления слова. Так произошло со многими словами, вопрос о новизне которых естественным образом был снят с повестки дня. И это лишь одно из многих положительных свойств словаря. Как и словарь Р.П. Рогожниковой, он может служить удобным, новейшим орфографическим словарем. Каждое слово, представленное в словаре, — есть словарная единица, имеющая в мире слов свой библиографический адрес, свой исходно-первичный облик и все последующие вербальные воплощения, что позволяет отследить тенденцию в развитии «внешности» слова, а благодаря контекстам — семантические тренды.

Важно еще, что состав словаря достаточно разнообразен. Он включает и терминологию, вошедшую в плоть и кровь современного человека. Это терминология бытовой техники, информатики, широко понимаемой сферы культуры, материальной и духовной.

Пояснения к словарю его авторов изобилуют мягким юмором. На оборотной обложке авторы сообщают о том, что сочувствуют бездомным кошкам, но ненавидят бездомные слова: «не переносим, не терпим» (2-я страница обложки). Очевидно, что у авторов словаря бездомных слов просто нет: ни одно ниоткуда не свалилось, не забежало случайно, любое слово «запротоколировано» по полной программе. Собранный авторами словарный материал польского языка периода 1773—2016 гг. превышает миллион лексических единиц. Протяженный временной охват и сверхобъемность позволяют осуществить нагляднейшую тотальную сверку лексики с точки зрения ее принадлежности к базовому составу польского лексикона или к неологии.

Польской лексикографии со всей очевидностью повезло с такими исследователями-следопытами и лексикографами-практиками, как Ян Вавжинчик и Петр Вежхонь. Круг интересов авторов рецензируемого словаря чрезвычайно широк — от японистики до унгаристики (Ян Вавжинчик) и от корейистики до японистики (Петр Вежхонь). Однако более всего внимания достается польскому и русскому языкам. Оба исследователя чрезвычайно плодотворно работают в сфере русского языка и двуязычной (русско-польской и

польско-русской) лексикографии и на этом поле тоже имеют колоссальные, не побоимся этого слова, достижения. Упомянем хотя бы три огромных, совершенно новаторских с точки зрения презентации лексики и грамматики переводных двуязычных словаря под редакцией Я. Вавжиньчика (см.: [WSPR, WSRP, NSRPPR]). П. Вежхоня является автором оригинального, невиданных размеров, обратного словаря (на основе Большого русско-польского словаря Я. Вавжиньчика), который сочетает в себе достоинства грамматического и переводного словаря (см.: [Wierzchoń, 2006]).

Работа над словарем «300 тысяч польских слов» вдохновила Яна Вавжиньчика и Петра Вежхоня на создание международного сборника статей по вопросам формирования словника (сети словарных статей) в словарях разных типов «Вокруг 300 тысяч польских слов. Введение в словникологию» (см.: [Wokół 300 tysięcy...]). Сборник получился в традиционном для авторов рецензируемого словаря стиле — широкоформатный и весьма многостраничный (авторы этой рецензии также приняли в нем участие, чем и гордятся). Несколько статей в сборнике непосредственно касаются «Словаря 300 тысяч польских слов...». Анджей Богуславски в «Глоссе к вопросу о Словаре 300 тысяч польских слов» обращает внимание на трудности с отбором заголовочных слов словаря, опасностью неограниченного приумножения сущностей, приводя среди прочего условный пример такой формации, как «umowa fińsko-chińsko-estońska ‘финско-китайско-эстонский договор’ <...>» даже в этих ограниченных категориях мы столкнемся с многомиллионными величинами» [Bogusławski, 2017: 32]. В статье Лукаша Борхманна говорится в том числе о методах «отграничения «здоровых» слов от шума» (Borchmann, 2017: 45), что весьма релевантно для создания сети заголовочных слов. В. Кайтох полагает, что словарь является предварительным этапом для создания нового словаря польского языка, предоставляя готовые выверенные формы заголовочных слов (см.: [Kajtoch, 2017: 190]).

Завершая рецензию, еще раз выразим свое восхищение оригинальным и поистине гигантским словарем польского языка и в скобках заметим, что любые словари возникают не на пустом месте и не без невероятных человеческих усилий. Им предшествует большая теоретическая и практическая работа — в данном случае, например, одним из источников рецензируемого словаря был 44-томный «Лексический депозитарий польского языка» — фотокорпус, создававшийся на протяжении без малого 20 лет, при этом к его созданию непосредственно причастны и сами авторы-составители словаря, и широкий круг их коллег-словарников. Кроме того, такие проекты

институционализируют весьма устойчивую и перспективную научно-лексикографическую инфраструктуру, способную генерировать новые идеи и импульсы, побуждать к дальнейшей скрупулезной, долговременной, долготерпеливой, но весьма благодарной и плодотворной работе.

Список литературы

- Вавжиньчик Я., Вежхонь П.* Как революционизировать технологию составления словарей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2017. № 2. С. 94–104.
- Названия женщин: Дополнительный словарь / Под ред. В. Кульпиной, Я. Вавжиньчика. Autorzy opracowania: Fedoruszkow J., Ignasiak A., Kulpina W., Rodak A., Siemianowska U., Tatarinow W., Wawrzyńczyk J. Warszawa, 2006.
- Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / Под ред. Р.П. Рогожниковой. М., 1991.
- Bogusławski A.* Glosa do sprawy “300 tysięcy polskich słów” // Wokół 300 tysięcy polskich słów: Wstęp do hasłownikologii / Red. naukowa J. Wawrzyńczyk, P. Wierzchoń. Warszawa, 2017. S. 31–32.
- Borchmann L.* Słowa, których nie ma w książkach // Wokół 300 tysięcy polskich słów: Wstęp do hasłownikologii / Red. naukowa J. Wawrzyńczyk, P. Wierzchoń. Warszawa, 2017. S. 33–46.
- Depozytorium leksykalne języka polskiego: T. 1–44... Warszawa, 2010–2017.
- Kajtoch W.* Uwagi nad dziełem Jana Wawrzyńczyka i Piotra Wierzchońia // Wokół 300 tysięcy polskich słów: Wstęp do hasłownikologii / Red. naukowa J. Wawrzyńczyk, P. Wierzchoń. Warszawa, 2017. S. 185–191.
- Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski / Redaktor naukowy J. Wawrzyńczyk; Autorzy haseł: J. Wawrzyńczyk, H. Bartwicka, V. Kulpina, E. Małek. Warszawa, 2008.
- Wawrzyńczyk J.* Nad projektem Polskiego informatorium wyrazowego. Toruń, 1993.
- Wawrzyńczyk J.* Z leksykografii polskiej i obcej: Szkice, uwagi, polemiki. Warszawa, 2016.
- Wawrzyńczyk J., Wierzchoń P.* 300 tysięcy polskich słów: Indeks a fronte. Poznań, 2016.
- Wielki słownik polsko-rosyjski / Redaktor Naczelny J. Wawrzyńczyk; J. Wawrzyńczyk, M. Kuratczyk, E. Małek, A. Gołubiewa, H. Bartwicka, A. Wawrzyńczyk. Warszawa, 2004.
- Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / Redaktor Naczelny J. Wawrzyńczyk; J. Wawrzyńczyk, M. Kuratczyk, E. Małek, H. Bartwicka. Warszawa, 2004.

- Wierzchoń P.* Indeks a tergo jednostek przekładowych Wielkiego słownika rosyjsko-polskiego z kluczem polsko-rosyjskim. Porządek trnslatowy. Warszawa, 2006.
- Wokół 300 tysięcy polskich słów: Wstęp do hasłownikologii / Red. naukowa J. Wawrzyńczyk, P. Wierzchoń. Warszawa, 2017.

Valentina G. Kulpina, Viktor A. Tatarinov

Review of the Book: WAWRZYŃCZYK JAN, WIERZCHOŃ PIOTR. 300 TYSIĘCY POLSKICH SŁÓW: INDEKS A FRONTE. Poznań: DM Sorus, 2016. 1053 s.

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991
Russian Terminology Society RossTerm
30, k 1, Perekopskaya, Moscow, 117209*

The review describes the summary dictionary of the Polish vocabulary, the ways of development of modern Polish lexicography and methods of dictionary-making on the basis of photocorpus linguistics.

Key words: dictionary; lexicography; review; Polish language.

About the authors: *Valentina G. Kulpina* — Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia (e-mail: vgrkulpina@mail.ru); *Viktor A. Tatarinov* — Dr. Sc. (Philology), President of Russian Terminology Society, Russia (e-mail: rossterm@mail.ru).

References

- Wawrzyńczyk J., Wierzchoń P. Kak revoljucionizirovat' tehnologiju sostavlenija slovarej. *Vestnik Moskovskogo universiteta, serija 22, teorija perevoda*, 2017, № 2, ss. 94–104.
- Nazvanija zhenshhin: Dopolnitel'nyj slovar'*, pod red. W. Kul'pinoj, J. Wawrzyńczyk. Autorzy opracowania: Fedoruszkow J., Ignasiak A., Kulpina W., Rodak A., Siemianowska U., Tatarinow W., Wawrzyńczyk J. Warszawa, 2006.
- Svodnyj slovar' sovremennoj russkoj leksiki: V 2 t.*, pod red. R.P. Rogozhnikovoj. M., 1991.
- Bogusławski A. Glosa do sprawy “300 tysięcy polskich słów”, *Wokół 300 tysięcy polskich słów: Wstęp do hasłownikologii*, red. naukowa J. Wawrzyńczyk, P. Wierzchoń. Warszawa, 2017, ss. 31–32.
- Borchmann L.* Słowa, których nie ma w książkach, *Wokół 300 tysięcy polskich słów: Wstęp do hasłownikologii*, red. naukowa J. Wawrzyńczyk, P. Wierzchoń. Warszawa, 2017, ss. 33–46.

- Depozytorium leksykalne języka polskiego*: T. 1–44... Warszawa, 2010–2017...
- Kajtoch W. Uwagi nad dziełem Jana Wawrzyńczyka i Piotra Wierzchoń, *Wokół 300 tysięcy polskich słów: Wstęp do hasłownikologii*, red. naukowa J. Wawrzyńczyk, P. Wierzchoń. Warszawa, 2017, ss. 185–191.
- Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski*, redaktor naukowy J. Wawrzyńczyk; Autorzy haseł: J. Wawrzyńczyk, H. Bartwicka, V. Kulpina, E. Małek. Warszawa, 2008.
- Wawrzyńczyk J. *Nad projektem Polskiego informatorium wyrazowego*. Toruń, 1993.
- Wawrzyńczyk J. *Z leksykografii polskiej i obcej: Szkice, uwagi, polemiki*. Warszawa, 2016.
- Wawrzyńczyk J., Wierzchoń P. *300 tysięcy polskich słów: Indeks a fronte*. Poznań, 2016.
- Wielki słownik polsko-rosyjski*, redaktor Naczelny J. Wawrzyńczyk; J. Wawrzyńczyk, M. Kuratczyk, E. Małek, A. Gołubiewa, H. Bartwicka, A. Wawrzyńczyk. Warszawa, 2004.
- Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim*, redaktor Naczelny J. Wawrzyńczyk; J. Wawrzyńczyk, M. Kuratczyk, E. Małek, H. Bartwicka. Warszawa, 2004.
- Wierzchoń P. *Indeks a tergo jednostek przekładowych Wielkiego słownika rosyjsko-polskiego z kluczem polsko-rosyjskim*. Porządek trnslatowy. Warszawa, 2006.
- Wokół 300 tysięcy polskich słów: Wstęp do hasłownikologii*, red. naukowa J. Wawrzyńczyk, P. Wierzchoń. Warszawa, 2017.

А.С. Федотов

**Рецензия на кн.: БАЛАКИН А. Ю.
БЛИЗКО К ТЕКСТУ: РАЗЫСКАНИЯ
И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ. СТАТЬИ 1997–2017 годов.
СПб: Пальмира; М.: Книга по требованию, 2017. — 357 с.**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Рецензия на книгу А.Ю. Балакина «Близко к тексту: Разыскания и предположения», в которой собраны статьи исследователя за 1997–2017 гг. Первый раздел книги посвящен А.С. Пушкину и его ближайшему окружению, во втором собраны текстологические исследования, статьи, связанные с атрибуцией, датировкой и комментированием текстов А.Ф. Воейкова, Ф.М. Достоевского, Ю.П. Казакова, русских водевилистов 1830–1840-х годов и др. Самостоятельную ценность представляет первая полная публикация поэмы Воейкова «Искусства и науки». В рецензии предлагается конспективное изложение всех материалов авторского сборника. Книга рекомендована специалистам по разным областям филологической науки.

Ключевые слова: рецензия; история русской литературы; текстология; комментарии; пушкиноведение; А.С. Пушкин, И.М. Муравьев-Апостол, Д.И. Хвостов, Ф.В. Ростопчин, К.Н. Батюшков, А.А. Шаховской, А.Ф. Воейков, Ф.М. Достоевский, Ю.П. Казаков.

Сборник статей А.Ю. Балакина относится к числу книг, отдельные части которых должны рецензироваться специалистами по разным проблемам филологической науки. Под одной обложкой собраны статьи, посвященные вопросам текстологии, атрибуции, научному комментарию и межтекстовым связям русской литературы в основном пушкинской эпохи, хотя книга включает также и работы о Ф.М. Достоевском и «Северном дневнике» Ю.П. Казакова. Сложность для рецензента представляет не только широта интересов исследователя, но и глубина погружения в частные, иногда мелкие историко-литературные темы, отказ, по всей видимости, намеренный, от широких концептуальных обобщений, которые чаще всего и оказываются главным предметом обсуждения в рамках жанра

Федотов Андрей Сергеевич — кандидат филологических наук, PhD, преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anfed86@icloud.com).

рецензии. Не предлагает книга и методологических ноу-хау и даже скорее удивляет тем, насколько продуктивными могут быть давно обкатанные и традиционные в науке подходы. И вместе с тем книга, безусловно, заслуживает внимания историков литературы и может послужить отправной точкой для новых научных штудий.

Книга открывается блоком исследований пушкинского наследия.

В статье «Псевдо-Пушкин в школьном каноне: Метаморфозы “Вишни”», впервые опубликованной в коллективной монографии о связи педагогической практики и русского поэтического канона¹, рассмотрена история вхождений в школьные хрестоматии предположительно пушкинского стихотворения «Вишня», решительно неудобного в своей первоначальной форме для изучения детьми по непристойности содержания. Готовя в начале 1860-х годов знаменитое «Русское слово», К.Д. Ушинский помещает в нем стихотворение «Утро», в котором первые 10 «пушкинских» строк из «Вишни» дополняются совершенно нейтральной концовкой, сочиненной либо самим Ушинским, либо Л.Н. Модзалевским и превращающей текст в сугубо пейзажную зарисовку. Именно в этом виде стихотворение навсегда закрепляется в школьном каноне, выпадая из него только в сложные послереволюционные годы. Дополнительно способствует этому то, что текст рано был положен на музыку и входил в специальные песенники для школьников. Однако если Ушинский и Модзалевский прекрасно отдавали себе отчет в той насильственной операции, которую они проделали с текстом псевдо-Пушкина, то их советские преемники, вернувшие в 1944 г. «Утро» в классическую хрестоматию «Родная речь», уже однозначно атрибутировали стихотворение Пушкину. Здесь, по мнению Балакина, сработал обычный механизм школьной канонизации: сложные проблемы с авторством несущественны для педагогической практики, а других причин отказаться от атрибуции «всего хорошего» лучшему русскому поэту не существует. И даже если обнаружится, что и первые 10 строк «Утра» Пушкину не принадлежат, в культуре текст останется надежно закрепленным за Пушкиным, утверждает Балакин.

Сильной стороной исследователя вообще является критическое отношение к устоявшимся и застывшим представлениям о литературе. Статья «Пушкин и книга И.М. Муравьева-Апостола “Путешествие по Тавриде в 1820 году”» посвящена творческим связям Пушкина. Ранее считалось, что «Бахчисарайский фонтан» связан с травелогом Муравьева-Апостола, а стихотворения «К Чаа-

¹ Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика и поэтический канон. Тарту, 2013.

даеву. С морского берега Тавриды» и «Фонтану Бахчисарайского дворца» являются прямыми репликами на это литературное путешествие. Между тем, как показывает Балакин, знакомство Пушкина непосредственно с текстом Муравьева-Апостола произошло уже после завершения работы над указанными произведениями. В послании «К Чаадаеву» Пушкин спорит о расположении храма Дианы не с Муравьевым-Апостолом, а с их общим знакомым и собеседником, одесским археологом и знатоком крымских древностей И.П. Блаرامбергом (только с ним, замечает Балакин, имело смысл спорить о *месте* храма, Муравьев-Апостол вовсе отрицал его существование), а стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца», вероятно, является репликой на соответствующий эпизод рецензии Воейкова на книгу Муравьева-Апостола. Эта рецензия, как показывает исследователь, была прочитана Пушкиным раньше самого «Путешествия».

В статье «Александр Сергеевич Пушкин и его тетушка» оспорено традиционное издательское решение, согласно которому шутивная элегия на смерть А.Л. Пушкиной, написанная совместно Пушкиным и А.А. Дельвигом, печатается в собраниях стихотворений Дельвига в варианте, приведенном в письме Пушкина к П.А. Вяземскому от конца апреля 1825 г. («Ох, тетинька! Ох, Анна Львовна!»). Существующий в многочисленных списках другой вариант элегии («Ах, тетушка! Ах, Анна Львовна...»), вероятно, был озвучен Дельвигом на одном из московских дружеских обедов и в конечном итоге привел к скандалу в семье Пушкина. Эта гипотеза приводит исследователя к двум выводам: 1) жалобы Пушкина на Дельвига в письме к Вяземскому («конечно, Дельвиг более виноват, нежели я») подразумевают не большее участие Дельвига в сочинении стихотворения, а то, что именно из-за Дельвига оно распространилось и привело к ссоре Пушкина с дядей В.Л.; 2) само стихотворение должно помещаться в собраниях Пушкина и Дельвига в разных версиях.

В еще одной монографической статье («Пушкин и “Невский альманах”. Заметки к теме») рассматривается литературно-журнальный контекст стихотворения Пушкина «Примите “Невский альманах”...». Балакин задается вопросом о том, как могло выйти так, что ужасно недовольный Е.В. Аладиным, издателем «Невского альманаха на 1825 год», Пушкин помещает собственное стихотворение в нем уже на следующий год. Ярость Пушкина при получении первого выпуска альманаха вызвана, видимо, заметкой «Северной Пчелы», в которой сообщалось, что новое издание, обещавшее «во всех газетах и афишах» сочинения «Пушкиных, Крыловых, В.А. Жуковского», не только не включает сочинений указанных авторов, но и вообще не удалось. Борющийся в это время с многочисленными контра-

факторами Пушкин по этому объявлению должен был составить самое неблагоприятное мнение об издателе «Невского альманаха». Между тем «Северная Пчела» и ее редактор Ф.В. Булгарин, видимо, блефовали, чтобы рассорить Аладьина с пишущей братией. Никаких объявлений «во всех газетах и афишах» (за исключением публикации одного из контрибьюторов А.Е. Измайлова, сделанной без ведома Аладьина) не было², а присылка Пушкину альманаха была просто жестом доброй воли со стороны издателя. Как полагает Балакин, в промежутке между выходом первого выпуска «Невского альманаха» и созданием «Примите “Невский альманах”...» (середина февраля — 27 марта 1825 г.) Аладьину удалось убедить Пушкина в своей невинности.

Три заметки, составившие статью «Пушкин — читатель Хвостова» вносят уточнения в представления как о Д.И. Хвостове, так и о связях Пушкина с поэтом-метроманом. Так, любопытно, что при естественно ироническом эксплицитном выражении Пушкиным своего отношения к творчеству Хвостова, стихотворение последнего о холере «Июль месяц», видимо, всерьез Пушкина заинтересовало. В архиве Хвостова Балакиным обнаружено известие о том, что Пушкин встречался с Хвостовым в конце 1831 г. и якобы похвалил его стихи. Заметки следует рассматривать в контексте появившегося в последнее время интереса к Хвостову (см. недавнюю монографию И.Ю. Виницкого³). Хвостов в новой исследовательской перспективе интересен как феномен своего рода, а отношение к нему рассматривается как значимая характеристика крупных агентов литературного поля.

Блок о Пушкине включает также две мелкие эвристические заметки. В одной из них («Граф Нулин» и граф Ростопчин. Об одной фразе пушкинской поэмы») показано, как в строках «Графа Нулина» об артисте Потье, в одиночку поддерживающем славу парижских театров, очевидно, отразился анекдот об остроумной реплике графа Ростопчина, в которой Потье отводилась аналогичная роль — только он (в отличие от герцога Отрантского и князя Талейрана), по словам графа, до сих пор не уронил репутации столицы Франции. Анекдот зафиксирован в многочисленных источниках и, конечно, должен был быть известен Пушкину. Отдельная заметка («Неизвестный отзыв современника о пушкинской “Полтаве”») посвящена мнению

² В способности исследователя добраться до *той самой* рукописи или книги, *того самого* объявления сомневаться не приходится: ср. примечание о работе с неотреботанными фондами Модзалевских на с. 17 или замечание о редком экземпляре первого тиража «Путешествия» Муравьева-Апостола на с. 28.

³ См.: Виницкий И. Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М., 2017.

офицера Петра Лялина о поэме Пушкина «Полтава», высказанному в письме к Хвостову. Отрицательное отношение Лялина к поэме и противопоставление ее «Ивану Выжигину» Булгарина расширяет наши представления о рецепции этого текста Пушкина, как бы опуская ее на уровень ниже — реагирует не профессиональный литератор, а так сказать рядовой читатель (такие отзывы для этой эпохи крайне дефицитны), демонстрируя при этом высокую степень солидарности с общим (средним) мнением критики.

Одна из самых «сильных», на наш взгляд, статей — «Еще раз о прагматике и датировке пушкинских помет на второй части “Опытов в стихах и прозе” К.Н. Батюшкова». В ней предлагается оригинальное прочтение пушкинских помет на экземпляре «Опытов». Исходя из крайне правдоподобных предположений, что 1) Пушкин делал эти пометы и комментарии не для себя и что 2) издателем «Сочинений в прозе и стихах» впавшего в безумие Батюшкова в 1834 г. был С.С. Уваров, а редактором — его непосредственный подчиненный П.А. Плетнев, Балакин утверждает, что «пометы Пушкина предназначались для Плетнева, который <...> обратился к Пушкину с просьбой помочь ему в этой работе, высказать свои суждения о составе будущего сборника, отметить неудачные стихи и сократить длинноты. И Пушкин выполнил эту просьбу» (с. 129). Если набор презумптивных гипотез Балакина верен, это позволяет объяснить, почему, в конечном итоге замечания Пушкина не были учтены: «Возможно, дело было в разнице взглядов на творчество Батюшкова: для литератора Пушкина это был живой собеседник, волею судеб не успевший тщательно подготовить к печати собрание своих сочинений; Плетнев же, вероятно, смотрел на наследие впавшего в безумие поэта как филолог, стараясь представить его публике с дипломатической точностью: для него это был уже “литературный памятник”» (с. 132).

Второй раздел сборника включает статьи, не связанные прямо с творчеством Пушкина. Раздел открывается заметкой о сохранившейся в единственном списке строфе из «Дома сумасшедших» Воейкова («Шаховской — персонаж “Дома сумасшедших” А.Ф. Воейкова»). Речь в этой строфе идет о Шаховском, и, видимо, имеются в виду обстоятельства литературной перебранки, последовавшей за статьей некоего В. Кл-нова (Балакин полагает, что под таким псевдонимом скрылся брат Воейкова — И.Ф. Воейков, см. прим. на с. 145) «Письмо к издателю», помещенной в «Сыне Отечества» и содержавшей резкий выпад против Шаховского, его актерской школы и всего русского театра.

Особое место в книге занимает объемная публикация полного текста дидактической поэмы Воейкова «Искусства и науки», сопро-

вожденная небольшой вступительной статьей («Поэма А.Ф. Воейкова “Искусства и науки” как несостоявшийся поэтический проект»). Вопреки мнению современников Воейкова и позднейших исследователей поэма была не только дописана, но и издана целиком. В преамбуле к публикации Балакин восстановил творческую историю поэмы и историю публикации ее разрозненных частей. По мнению исследователя, поэма не была издана отдельной книгой, потому что к моменту окончания работы изменились как статус жанра, так и репутация автора. «Если бы “Искусства и науки” были изданы в виде книги в первой половине 1820-х годов, они имели бы шанс прозвучать и быть замеченными; во второй же половине этого десятилетия такая публикация выглядела бы как анахронизм» (с. 160).

В статье «Стихотворение “Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года”» и его автор (История одной мистификации)» реконструируется удивительная история о том, как стихотворение, традиционно атрибутируемое по первой публикации Батюшкову, на самом деле было написано Воейковым. Воейков идет на сознательный подлог для того, чтобы поднять престиж малозаметного журнала «Славянин». Поражает в этой истории настойчивость, с которой Воейков стремится к осуществлению этой «мистификации» (цензор Сербинович, заподозривший неладное, показал текст В.А. Жуковскому и затем отказал в публикации, тогда разгневанный Воейков провел текст в печать через цензора Гаевского), и цинизм самой выходки, кажется, напрасно не подчеркнутый Балакиным. Ведь, учитывая обстоятельства (Батюшков был жив, но безумен), речь должна идти даже не о мистификации, а о настоящем подлоге. Любопытно было бы посмотреть на ситуацию еще из двух возможных ракурсов: 1) как на эпизод из истории канонизации Батюшкова; 2) как на специальный психологический кейс, ведь редактор «Славянина» этой акцией фактически признал, что Батюшков бесконечно превосходит его, Воейкова, как поэт, что одно только имя Батюшкова делает стихотворение «лучше».

Статья «“И может быть, проснется Шарш...” В поисках биографии одного забытого поэта 1830–1840-х годов» представляет собой своего рода литературоведческую повесть о том, как удалось отыскать сведения о безвестном эпигоне 1830–1840-х годов П.Я. Шаршавине. Интересен здесь не сам Шаршавин (сведения о нем, надо полагать, будут закреплены в соответствующей статье словаря «Русские писатели»), а именно путь, который проходит историк литературы, чтобы добраться до труднодоступной и частично утраченной информации.

В статье «“Литературный” водевиль 1830–1840-х годов. Водевиль как средство журнальной и литературной полемики» раскрыты

многочисленные «личности» так называемых «литературных» водевилей, т.е. таких, которые использовались авторами указанной эпохи для сведения счетов с литературными противниками прямо на сценических подмостках⁴. Сам водевиль предстает совершенно специфическим объектом изучения — своего рода сценическим фельетоном, с присущими фельетону полемической остротой и свободой, а русский театр — средой, гораздо более разомкнутой и агрессивной, чем могло казаться до этого.

Две статьи книги посвящены творчеству Достоевского.

В рассказе о жестоком убийце Петрове из «Записок из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского исследователем обнаружена явная отсылка к недавней полемике «Времени» с «Русским вестником» М.Н. Каткова («Отголосок одного литературного скандала в “Записках из Мертвого дома” Достоевского»). Полемика вспыхнула после публикации в журнале братьев Достоевских статьи П.А. Кускова «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов». В этой статье, в частности, содержался возмущивший Каткова рассказ о преступнике, убившем человека за четвертак, потому что ему не на что было выпить водки⁵. В вышедшей через два месяца после окончания полемики седьмой главе первой части «Записок» о Петрове, например, сказано: «Вот такой-то режет человека за четвертак, чтоб за этот четвертак выпить косушку, хотя в другое время пропустит мимо с сотнею тысяч». На фоне такого вопиющего текстуального совпадения вывод Балакина представляется нам слишком осторожным: «Мы не склонны думать, что последняя фраза — это осознанный ответ Каткову. Вряд ли Достоевский мог рассчитывать, что либо сам редактор “Русского вестника”, либо кто-то из читателей, пусть даже внимательно следивших за журнальными боями, обратит на нее внимание и соотнесен со скандальными фельетонами. Конечно, нет. Видимо, в момент создания интересующей нас главы “Записок...” писатель мысленно спорил с Катковым, и фрагмент этого спора случайно выплеснулся на их страницы» (с. 292). Нам как раз представляется, что это совершенно прямое включение в публицистическую полемику, не противоречащее творческим принципам Достоевского, ср. выпады против Чернышевского и Некрасова в «Записках из подполья».

⁴ Некоторые дополнения к статье Балакина нам удалось сделать в работе: «Опытный литератор и драматический писатель»: об одном эпизоде водевильной войны 1840 года // Текстология и историко-литературный процесс. Сб. статей. Вып. 2. М., 2014. С. 80–92.

⁵ Заметим, что сам этот «четвертак» становится своего рода мемом, употребление которого выходит далеко за пределы разбираемой полемики.

В другом исследовании о Достоевском («Еще об авторстве статьи «Выставка в Академии художеств за 1860–61 год», атрибутируемой Достоевскому») показано, что утвердившаяся в текстологии точка зрения, согласно которой одним из авторов «Выставки в Академии художеств за 1860–61 год» (ВАХ 60–61) был П.М. Ковалевский, является ошибочной. Балакин предлагает гипотезу, по которой Достоевскому принадлежат два абзаца с критикой картины В.И. Якоби «Привал арестантов», вступающей в отчасти комическое противоречие с похвалой картине в начале ВАХ 60–61. Только в этом фрагменте содержатся прямые обращения к автору картины, что в целом не характерно для статьи. Балакин проводит любопытный эксперимент — изымает эти два абзаца из статьи, и ее логическая связанность не нарушается. Предлагается в концовке статьи и конкретное решение для издателей собрания сочинений Достоевского, в котором «следует печатать несомненно принадлежащий Достоевскому фрагмент как <“Интерполяция в анонимную статью «Выставка в Академии художеств за 1860–61 год»”> с подробным рассказом в примечаниях истории вопроса» (с. 313).

Сборник включает статья «По следам героев “Северного дневника” Юрия Казакова» — отчет о результатах экспедиции по маршруту, описанному в этом произведении. Любопытные сведения из этой статьи могут стать важным подспорьем для будущих историков русской литературы.

Все тексты книги, за исключением впервые собранной воедино поэмы Воейкова, ранее были опубликованы в различных научных журналах и сборниках. Републикация под одной обложкой не только облегчает доступ к этим ценным статьям, но и составляет своего рода портрет исследователя — человека, ценящего точное знание, готового к неблагодарной работе с «мелочами», исходящего из высокой ценности этих «мелочей», когда они обнаруживаются в русской классической литературе и позволяют внести, пусть и небольшие, но все же важные изменения в ее понимание.

Сам жанр авторского сборника ранее публиковавшихся статей — при всем значении его, о котором сказано абзацем выше, — видимо, через какое-то время умрет. Его заменят сервисы типа Academia.edu, если, конечно, смогут справиться с сопротивлением журналов, агрессивно охраняющих права на публикации (для России это пока, кажется, не слишком актуальная проблема). В самом деле, чем разнообразнее ваша научная работа, тем меньше вероятность, что книгу будут читать от доски до доски. Однако заменить архаистское удовольствие — держать в руках печатный результат двадцатилетних штудий — пока все же невозможно.

A.S. Fedotov

**Review of the Book: BALAKIN A. YU. APPROACHING
THE TEXT: INVESTIGATIONS AND HYPOTHESES.
ARTICLES OF 1997–2017.
Saint-Petersburg: Palmyra; Moscow: Book on Demand,
2017. — 357 p.**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Review of A.Yu. Balakin's book "Approaching the Text: Investigations and Hypotheses", which contains articles of 1997–2017. The first section of the book is devoted to A.S. Pushkin and his inner circle, the second includes textual researches, articles related to attribution, dating and commenting on texts of A.F. Voeikov, F.M. Dostoevsky, Yu.P. Kazakov, Russian vaudevillists of the 1830s–1840s. The first complete publication of Voeikov's poem "Art and science" provided in this book has an independent value. The review offers a concise presentation of all materials of the book. The collection of Balakin's works is recommended to specialists in various fields of philological studies.

Key words: Review; History of Russian Literature; Textology; Commentary; Pushkin Studies; A.S. Pushkin; I.M. Murav'ev-Apostol; D.I. Khvostov; F.V. Rostopchin; K.N. Batiushkov; A.A. Shakhovskoi; A.F. Voeikov; F.M. Dostoevsky; Yu.P. Kazakov.

About the author: *Andrey S. Fedotov* — Candidate of Philology, PhD, Lecturer of the History of Russian Literature Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anfed86@icloud.com).

О.Р. Темиршина

Рецензия на кн.: РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ XX ВЕКА: БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. Т. I: А — Л / Сост. А.А. Холиков; под общ. ред. О.А. Клинга и А.А. Холикова; редколл.: О.А. Клинг (гл. ред.), А.А. Холиков (зам. гл. ред.), В.И. Масловский, О.В. Никандрова, Е.И. Орлова. М.; СПб: Нестор-История, 2017. 532 с., илл.

*Образовательное частное учреждение высшего образования
«Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова»
111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21*

В рецензии рассматриваются главные особенности Словаря, выявляются основные методологические ориентиры издания, анализируется композиционная структура словарной статьи. Показано, что основным методологическим постулатом авторов-составителей становится установка на отрицание узконаправленческого подхода к литературе, что обуславливает богатство и разнородность, материала, включенного в Словарь.

Ключевые слова: биографии ученых; теория литературы; энциклопедия; метод; история литературы; русское литературоведение.

Биобиблиографический словарь «Русские литературоведы XX века» — издание уникальное. Книга представляет собой масштабный свод биографий литературоведов, чьи труды определили своеобразие русской науки о литературе прошлого столетия. Первый вышедший том («А — Л») включает 378 словарных статей, участие в его подготовке приняло 254 автора из учебно-научных центров всего мира.

Словарь представляет богатейший материал и восполняет существенный пробел в изучении русского литературоведения XX в. История развития литературоведческих школ и концепций недостаточно исследована, а временами — по понятным историческим причинам — является идеологически ангажированной и предвзятой. Отсюда и основной посыл составителей тома: дать импульс серьезному академическому изучению истории литературоведения и «показать всё многообразие науки о слове в советскую эпоху... несводимую к официозу» (с. 6).

Темиршина Олеся Равильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (e-mail: olesja@temirshina.ru).

Исходные теоретические постулаты Словаря содержатся в «Теоретико-методологических замечаниях», написанных заместителем главного редактора издания А.А. Холиковым. Обозначая методологические установки авторов и составителей, Холиков поднимает и гораздо более общие проблемы, касающиеся осмысления *биографии ученого*. Какие компоненты этой биографии важны, какую роль играют личностные качества исследователя, как они соотношены с его путем в науке, нужно ли изучать эстетические пристрастия литературоведов — вот вопросы, которые Холиков ставит во введении к Словарю. Фактически все эти вопросы сводятся к одному: как индивидуально-психологические особенности литературоведа влияют на научное творчество. Для того чтобы определить эти сложные закономерности биографу, по мнению Холикова, «необходимо охарактеризовать не только социальные механизмы, но хотя бы частично отразить внутренний мир ученого» (с. 11). Забегая вперед, скажем, что установка на выявление психологического фактора в научном творчестве в полной мере воплотилась в ключевых статьях Словаря.

Очевидно, что составление любого словаря начинается с формирования словника. В преамбуле А.А. Холиков также обозначил формальные параметры отбора имен: главным условием включения биографии в Словарь стало наличие у литературоведа «опубликованных исследований, написанных на русском языке, научно значимых, оригинальных или типичных для своего времени» (с. 9). Кроме того, в Замечаниях обозначен и «этический императив» издания — «о здравствующих — ни слова!».

Однако формирование словника работа отнюдь не механическая: она, предполагая рефлексию над методологическими установками, заставляет выявить сущностную специфику литературоведения и, в конечном счете, определить концептуальные основы Словаря. Каковы же эти установки?

В первую очередь редакторы и составители издания отрицают «направленческий» подход к науке о литературе. Методология литературоведения, полагают они, синтетична по существу, она органично вбирает в себя разные методологические коды. Именно поэтому составители акцентируют свое внимание не на научном направлении, к которому принадлежал тот или иной ученый, а на самой его творческой биографии.

Задача показать развитие науки сквозь призму жизнеописания — исключительно трудна, она связана с обработкой огромного массива данных¹. Однако корректное решение этой задачи делает Словарь

¹ А.А. Холиков указывает, что «изначально объем словника насчитывал 1023 имени», однако в результате «только первый том <...> включает 378 статей» (с. 9).

поистине уникальным изданием: здесь нет схоластического перечисления методов и направлений, но есть живые биографии, за которыми угадывается контур эпохи.

Отрицание направленного подхода предполагает включение в Словарь биографий не только филологов-литературоведов (хотя им, как пишет редактор, отдается первостепенное значение), но и ряда знаковых для науки о литературе фигур из смежных областей. Отрадно, что в Словарь попали Л.С. Выготский (психолог), П.Г. Богатырев (фольклорист, этнограф), М.Я. Геллер (историк)... По-видимому, составители хотели нарисовать целостную картину развития науки, которая бы включала в себя как *ретроспективное* влияние «инодисциплинарных» концепций на становление ученых, так и их *перспективное* влияние на будущее литературоведения. Так, например, без Выготского история развития науки о литературе была бы неполной, и не только потому, что он занимался анализом художественных текстов, но и потому, что его концепции существенно повлияли на последующую традицию, связанную с психолингвистическим подходом к художественному произведению.

Междисциплинарность литературоведения закономерно предполагает осмысление его собственных методологических предпосылок. Общеизвестно, что в гуманитарных науках нет вертикальной иерархии методов. При этом грань между синтетической методологией и волюнтаризмом тонка: методологический плюрализм часто оборачивается исчезновением самого понятия *метод*, поэтому вопрос о ревизии методологии является как никогда актуальным. И в этом аспекте полезность и своевременность Словаря трудно переоценить: ориентируясь на понимание литературоведения как комплексной дисциплины, его авторы и составители предлагают рассмотреть развитие методологии через призму биографий отдельных ученых (разумеется, с поправкой на алфавитное ограничение, от А до Л), не выделяя в качестве доминантного тот или иной метод, но пытаясь показать развитие теории с исторических позиций.

Еще одной стороной понимания теории литературы как синтетической науки является включение в том биографий писателей и поэтов, занимавшихся в те ли иные периоды своей жизни литературоведческой деятельностью. Так, в Словарь попали Ахматова, Белый, Алданов, Бродский, Вяч. Иванов, Анненский, Есенин... Репрезентативной в этом плане является статья о Блоке (А.П. Авраменко²), где выявляются специфические черты блоковской эссеистики: лиризм, тяготение к импрессионизму, исповедальность. Определяя основные темы публицистики Блока, Авраменко показывает, что теорети-

² Эта статья А.П. Авраменко, опубликованная уже после смерти автора, стала одной из последних его работ.

ческая мысль Блока организована по лирическому принципу: она кружит вокруг нескольких важных для его творчества тем, которые воплощаются в ключевых критических статьях.

Жизнеописание писателя-литературоведа демонстрирует художественную литературу в ее теоретической рефлексии. Исследование этого «нейтрального» пространства — между литературой и литературоведением — очень важно, ибо оно часто оказывается той территорией, где прорастают принципиально новые смыслы (достаточно, например, вспомнить роль Белого в развитии русской семиотической традиции³).

В Словарь вошли биографии не только маститых ученых, но и тех, кого можно назвать «рядовыми» науки. Включение в Словарь этого биографического материала и позволяет представить эпоху во всем ее многообразии и полноте, и, по нашему глубокому убеждению, дает возможность ученому, занимающемуся историей науки, проследить пути становления новых концепций и взглядов.

Комплексный подход к науке о литературе, предполагающий максимально широкий охват материала, является, несомненно, главным достоинством Словаря. Тем не менее некоторые, на наш взгляд, значимые для литературоведения фигуры в словник не попали. Мы прекрасно осознаём, что перед составителями стояла серьезнейшая проблема отбора имен, однако все-таки удивляет отсутствие в Словаре жизнеописания Брюсова, который профессионально занимался литературоведением. Фигура Брюсова крайне репрезентативна для целей Словаря, в частности, было бы интересно рассмотреть творческую биографию вождя символизма в аспекте тесной связи его стиховедческих штудий с поэзией.

Еще один поэт, которого несправедливо обошли вниманием, — Гумилев. Гумилев пытался создать поэтику на новых основаниях, совместив формальный аспект с нормативным. Биография Гумилева была бы в Словаре более чем уместна, так как его поэтика, с одной стороны, является порождением своего исторического времени, а с другой стороны, существенно опережает его: интерес к фонике и семантике, попытка обнаружить системную связь между разными уровнями текста — все это позже стало объектом литературоведческого анализа второй половины XX столетия.

Хотелось бы увидеть и биографию известнейшего стиховеда своего времени К.Д. Вишневского. Научная судьба Вишневского парадоксальна: его изыскания в области истории и теории стиха до сих пор актуальны и востребованы, однако ключевые работы ученого

³ См. об этом: *Иванов Вяч. Вс.* Очерки по предыстории и истории семиотики // *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 1999. С. 655–657.

не переиздаются и являются труднодоступными. В связи с чем мы надеемся, что историческая справедливость будет восстановлена и в третьем, дополнительном, томе биография Вишневого займет свое место.

Теперь обратимся к главной единице Словаря — словарной статье. Структура словарной статьи состоит из нескольких блоков: краткие сведения о литературоведе (даты рождения и смерти, указание на основные сферы деятельности, научный профиль), научная биография и библиографический перечень. Библиографическое приложение само по себе содержит важнейшую информацию, ибо включает в себя не только названия всех ключевых трудов автора, но и мемуарные, архивные источники, а также работы, посвященные самому литературоведу.

Как организовано содержание статьи? Жизнеописание ученого, как было справедливо замечено в «Теоретико-методологических замечаниях», — жанр, не подчиняющийся правилам (ибо сам объект жизнеописания — жизнь — слабо формализован). Опираясь на опыт изданий такого рода (и одновременно отталкиваясь от него), составители постулируют принципиальную близость биографий писателя и литературоведа — комплексная философско-эстетическая природа литературоведения, которое находится между полюсами описательной и объяснительной науки, требует именно такого подхода. Именно поэтому многие из авторов статей не ограничиваются сухим изложением фактов научной биографии, но рассказывают об эстетических и нравственно-духовных взглядах ученого. В некоторых наиболее удачных случаях авторам статей удастся определить закономерности человеческой судьбы, тесно сопряженной с наукой.

Именно в таком ракурсе рассматривается научная биография Г.Д. Гачева. А.Г. Гачева, автор статьи, выявляет принципы эволюции научных взглядов героя жизнеописания и показывает, как его философская картина мира воплощается в научных исследованиях. Целостное прочтение биографии сопрягается здесь с определением «психотипа» ученого, описывается его «когнитивный стиль», тяготеющий к универсальности и всеединству.

Эту биографию с известной долей условности можно назвать «объяснительной», ибо ее автор предлагает не столько перечень трудов и терминов, сколько концепцию личности. А.Г. Гачева показывает, что философские установки ученого оказываются жизненной доминантой, которая и обуславливает смыкание науки и судьбы в живом органическом единстве. Жизнеописание, выполненное с таких позиций, является не просто стандартной биографией, оно оказывается своеобразной призмой, которая преломляет лучи истории, науки и культуры XX в.

Главный принцип смысловой композиции статей — сочетание историко-хронологического и концептуально-теоретического подходов. Это сопряжение предполагает «двойной» сценарий организации материала статьи: необходимо как выстроить хронологию жизни и творчества, так и показать вклад ученого в науку о литературе, резюмировать его основные научные концепции.

Репрезентативной в этом плане является статья С.И. Кормилова о М.Л. Гаспарове, где автору удалось в сжатой и семантически концентрированной форме рассказать о творческой биографии литературоведа. При всей своей лаконичности эта творческая биография затрагивает весь спектр научных интересов Гаспарова и является практически исчерпывающей. Излагая основные идеи ученого, С.И. Кормилов не только рассказывает о разработках Гаспарова в тех или иных областях литературоведения, но и дает общее представление о развитии тех ключевых литературоведческих проблем, которые его привлекали. Так, читатель узнает массу фактов об античной литературе, эволюции русского стиха, поэзии вагантов, имманентном анализе текстов...

Описывая вклад Гаспарова в развитие науки, С.И. Кормилов указывает на те принципиально новые подходы, идеи и исследовательские жанры, которые пресуществились в научной деятельности литературоведа. При этом научное мировоззрение Гаспарова интерпретируется в контексте общих тенденций развития науки о литературе. Примечательно, что эта интерпретация дается не в рамках механистического подхода «*Гаспаров на фоне...*» — автор статьи показывает органическую включенность исканий Гаспарова в историю русского литературоведения. Так, С.И. Кормилов обращает внимание на рефлексию ученого по поводу литературоведческой методологии, указывая, например, что Гаспаров считал Бахтина и Лосева философами, а не филологами. Акцент на осмысление разных по своей природе методов позволяет вычлнить основные линии развития науки о литературе и продемонстрировать проблематичность единственного верного подхода к ней.

Если в статье о Гаспарове на первый план выходит концептуальное осмысление научного наследия, то в статье Б.Ф. Егорова (при участии Т.Д. Кузовкиной), посвященной другому крупнейшему литературоведу — Ю.М. Лотману, — напротив, ставится акцент на биографическое начало. Жизнеописание Лотмана занимает практически половину статьи. Естественно, что формат библиографической статьи «тесен» для развернутой биографии. Именно поэтому биографические подробности выбираются главным автором статьи не наугад, их выбор строго обусловлен концептуальным замыслом — продемонстрировать тесную связь личной судьбы Лотмана с культурой и наукой его времени.

Не последнюю роль в жизнеописании Лотмана играет и психологический компонент: Б.Ф. Егоров показывает, как научные увлечения Лотмана в известной мере предопределились психологическим складом его личности. И даже такая, казалось бы, мало-значимая деталь, как назначение Лотмана на должность старосты в студенческой группе, где он показал «хорошие организаторские и товарищеские качества» (с. 469), предвещает перспективный взгляд на дальнейшие события жизни Лотмана, когда те же организаторские способности он проявит при создании тартуско-московской семиотической школы.

Обстоятельства личной судьбы теснейшим образом сопряжены с обстоятельствами исторического плана. Эта связь человека и эпохи была блестяще продемонстрирована автором статьи. Не остался без внимания и вопрос о механизмах научной традиции — он также рассматривается в биографическом аспекте: Б.Ф. Егоров показывает, как осуществлялась ее живая передача, от учителя к ученику. Гуковский, Эйхенбаум, Томашевский, Пропп, Мордовченко — все эти выдающиеся ученые, связанные с филологическим факультетом ЛГУ, куда поступил Лотман, оказали прямое влияние на становление его научных взглядов.

Тема переплетения науки и судьбы стала лейтмотивом статьи о Н.Я. Берковском (В.И. Масловский, при участии Л.С. Дубшана). Научный стиль работ ученого, как показано в статье, был обусловлен всем строем его мировоззрения: Берковский, противопоставляя себя структуралистам и не принимая «сциентизм», полагал, что истинное знание сопряжено с культом живой жизни, вечно изменчивой и неопределённой. Склад личности Берковского обусловил интерес ученого к немецкому романтизму и предопределил сам вектор его изучения — с позиции «творимой жизни».

Диалектика *жизни как таковой и искусственно построенной модели жизни* занимала не только Берковского. Фактически весь XX век прошел под знаком борьбы этих диаметрально противоположных концепций гуманитарного знания. Так в биографической статье отразился один из самых животрепещущих вопросов литературоведения, связанный с поиском своего места в современной парадигме науки.

Исключительно интересной в концептуально-биографическом аспекте является статья о Г.А. Белой (О.А. Клинг, Е.И. Орлова). Ее авторы показывают, что индивидуальный стиль Белой является отражением ее личности, сочетающей в себе высочайшую интеллектуальную культуру с интересом к социально-этическим вопросам. Примечательно, что первая монография Белой была посвящена *стилевым* вопросам советской прозы 1920-х гг. Таким образом, авторы

статьи подводят читателя к мысли о том, что интерес Белой к языку имеет несомненную психологическую подоплеку, которая, к слову, обнаруживается и в выборе объекта исследования. Так, соединение строго академического литературоведения с живым интересом к текущему литературному процессу характерно для многих деятелей 1920-х гг., которые стали героями первых книг Белой.

К числу «объемных» жизнеописаний можно отнести и статью о А.Ф. Лосеве (А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи), где представлена линия развития «философского литературоведения», тесно сопряженного с исканиями Серебряного века. Авторы, выявляя ключевые понятия, являющиеся опорными пунктами эстетики Лосева, показывают, что его энциклопедизм базируется на соловьевском принципе всеединства, который определил архитектонику и внутреннюю логику развертывания философско-эстетических концепций ученого.

Примечательно выявление двойственного отношения Лосева к структурно-семиотической традиции, на которое указывают авторы статьи: так, с одной стороны, Лосев ввиду идейных разногласий с Лотманом не смог опубликовать работу о символе в «Трудах по знаковым системам», а с другой стороны, в своих поздних работах философ существенно обновил структурно-семиотический подход, обогатив его интересом к феноменологии символа. История расставила точки на «і»: Лосев опередил свое время, поставив вопросы о порождающей семантике символических структур, а Лотман пришел к идее семантической многомерности символа.

Знаковой фигурой для русской науки о слове оказался Бахтин, соединивший в своем творчестве несколько важнейших тенденций современного гуманитарного знания. Как показали авторы статьи о Бахтине Н.Д. Тамарченко и В.И. Тюпа, Бахтин является представителем синтетического литературоведения, которое находится между полюсами лингвистики и философии. Особенное внимание в статье уделяется «перспективной рецепции» идей Бахтина в западном литературоведении: нарратология, «философия диалогизма», металингвистические искания — все эти концепции, активно развивающиеся в западной науке, теснейшим образом связаны с именем Бахтина.

Отрадно, что авторы жизнеописания не просто предлагают компендиум философии и эстетики ученого, но выявляют закономерности развития его научного творчества. Так, изложение основных теоретических постулатов философии и эстетики Бахтина строится на определении ключевых смысловых понятий, которые, являясь центрами притяжения интересов ученого, формируют базовую логику-философскую основу его теории.

Но не только внутренняя логика развития теории интересует авторов статьи, они выявляют связь исканий Бахтина с философ-

ской традицией эпохи символизма и постсимволизма. Указывая на амбивалентную рецепцию идей Бахтина в современном литературоведении, где сама сущность наследия ученого стала «предметом сомнений и дискредитации» (с. 97), Н.Д. Тамарченко и В.И. Тюпа доказывают, что интерпретация бахтинского наследия в строго формальных рамках невозможна — Бахтин в первую очередь крупный философ своего времени. Именно поэтому Бахтин и полемизировал с формалистами, которые, как известно, исключали из сферы литературоведческого исследования художественную аксиологию. Такой многоаспектный взгляд на научное творчество Бахтина позволяет проследить развитие его идей во времени, выявить их смыслообразующий потенциал для интеллектуальных исканий второй половины XX в. и показать литературоведение как поле, на котором взаимодействуют разные концепции.

К сожалению, в рамках рецензии невозможно рассказать о других, не менее значимых и интересных статьях Словаря. Однако даже этот небольшой обзор некоторых биографий показывает, что жизнеописание крупнейших исследователей — это «в свернутом виде история отечественного литературоведения XX века» (с. 11).

Чтобы оценить всю масштабность замысла, необходимо сказать несколько слов о развитии проекта. Предполагается, что в третий дополнительный том войдут персоналии, по разным причинам не попавшие в первые две книги. Кроме того, в третьем томе будет составлен указатель терминов и понятий, что позволит проследить историю реального функционирования терминологии. В контексте методологического плюрализма, царящего в гуманитарных науках и подчас трансформирующегося в эклектизм, задача определения смыслового объема ключевых терминов становится особенно актуальной.

В самих словарных статьях ключевые понятия выделяются курсивом и полужирным шрифтом. Выделение терминов позволяет не только составить общее представление об интересах ученого, но и быстро найти нужную информацию. Количество выделенных слов также говорит о степени «теоретичности» статьи, о преобладании в ней либо исторического, либо концептуального подходов. В связи с чем нам показалось, что в некоторых случаях возникает нежелательный «перевес» в ту или иную сторону.

Так, в статье об С.С. Аверинцеве выделен только один (!) термин — «духовный стих», хотя в сферу интересов Аверинцева попадали и символ, и миф, и архетип... В то же время в сравнительно небольшой статье, посвященной В.Я. Кирпотину, в статусе терминов появляются такие узкие понятия, как «благодаристы» и «вопрекисты».

Однако несмотря на эти несущественные недочеты (которые попросту неизбежны из-за глобальности замысла) издание Словаря, безусловно, является знаменательным событием для отечественного литературоведения. В нем впервые была представлена масштабная и целостная картина развития науки о слове, данная сквозь призму биографий ученых. Нельзя не отметить и высокий полиграфический уровень издания, это касается и шрифта, и бумаги, и оформления обложки. Особого внимания заслуживают фотографии, большая часть которых публикуется впервые.

Опыт Словаря показывает, что русское литературоведение прошлого столетия представляет собой не механическую сумму идей-методов-биографий, а целостность, где сумма не сводима к частям. Внимательное изучение представленных в Словаре биографий приводит к тому, что за их совокупностью проступают более общие механизмы развития науки о литературе, которое предстает как многомерный и сложноорганизованный процесс, когда за историей людей проступают контуры истории идей.

Olesya R. Temirshina

Review of the Book: '20th CENTURY RUSSIAN LITERARY CRITICS: BIOBIBLIOGRAPHIC DICTIONARY. V. 1: A–Л / Compiled by A.A. Kholikov; under the general editorship of O.A. Kling and A.A. Kholikov; the editorial board: O.A. Kling (Ed.-in-Chief), A.A. Kholikov (Deputy Ed.-in-Chief), V.I. Maslovsky, O.V. Nikandrova, E.I. Orlova. M.; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017

*Griboedov International Law and Economics Institute
21 Shosse Entuziastov, Moscow, 111024*

In the article the main features of the reviewed Dictionary are examined, the main methodological guidelines of the publication are identified, the composition structure of the dictionary entry is analyzed. It is shown that the main methodological postulate of authors/compilers is to deny a narrowly oriented approach to literature, which determines the wealth and heterogeneity of the material included in the Dictionary.

Key words: biographies of scholars / scientists; literature theory; encyclopedia; method; history of literature; Russian literature theory.

About the author: *Olesya R. Temirshina* — Doctor of Philology, Department of Journalism and Literature History, Griboedov International Law and Economics Institute (e-mail: olesja@temirshina.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Д.П. Ивинский

А.П. СУМАРОКОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья представляет собой краткий обзор докладов, прочитанных на организованной кафедрой истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова юбилейной научной конференции «Сумароков и русская литература», приуроченной к 300-летию со дня рождения поэта.

Ключевые слова: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; история русской литературы; Сумароков; Державин; Лермонтов; Достоевский.

7—8 декабря 2017 г. кафедра истории русской литературы филологического факультета провела юбилейную научную конференцию, приуроченную к 300-летию со дня рождения А.П. Сумарокова, одного из создателей новой русской литературы и театра, активного участника литературной жизни, вплоть до начала пушкинской эпохи оказывавшего прямое или косвенное влияние на русский историко-литературный процесс.

Вступительное слово «Сумароков и Московский университет» произнес профессор *Д.П. Ивинский*, отметивший, что конференция его памяти, впервые проводимая в Московском университете, имеет дополнительные, кроме чисто научных, основания: Сумароков сотрудничал с театром Московского университета; с Московским университетом были связаны поэты, считающиеся учениками Сумарокова и, по крайней мере, соизмерявшие свою литературную деятельность с его творчеством (М.М. Херасков); Н.И. Новиков издавал посмертное собрание сочинений Сумарокова как член Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете; это собрание, как и ряд других посмертных московских изданий произведений Сумарокова, печаталось в типографии Московского университета.

Ивинский Дмитрий Павлович — профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru).

Доклады участников конференции были разделены оргкомитетом на три группы.

Первая секция была посвящена теме «Поэтика Сумарокова» (ведущие *Д.П. Ивинский, В.Л. Коровин*).

Основное внимание в докладе *Т.Е. Абрамзон* (Магнитогорский государственный технический университет) «О творчестве Сумарокова 1774 года, классицизме и проблеме с — измами» было уделено последнему году творчества Сумарокова. Помимо создания новых произведений, он занимается перелицовкой «старых», создавая новые сверхтекстуальные единства. Торжественные оды сплетены в похвальную летопись России, размышления о стрелецком бунте обрели форму стихотворной хронологической загадки, элегии обращены в поэтический цикл, две эпистолы — в наставление писателям, из трагедий «выбраны» нежные двустушия, из которых составлена любовная гадательная безделка. При этом «классицист» Сумароков, обличитель барочных метафор Ломоносова, обнаруживает барочное отношение к слову и перерастает классицизм, отступает от него, вряд ли сознательно.

А.В. Архангельская (МГУ) в докладе «Приходит ли Пармен? (Об одной ремарке в трагедии А.П. Сумарокова “Димитрий Самозванец”»)» обратилась к особенностям пространственно-временной организации последнего явления V действия исторической трагедии Сумарокова. Ключевой в трагедии и в силу этого детально разработанный эпизод демонстрирует, что сумароковская трагедия в заключительный период творчества драматурга приобретает качественно новые признаки: ремарки перестают быть простыми характеристиками действий персонажей или способов произнесения отдельных реплик, а становятся характерологическими, оживляют и драматизируют собственно сценическое действие, организуют сценическое пространство, так что речь, поза, жест и движение начинают работать как единое целое.

А.Н. Качалкин (МГУ) выступил с докладом «Жанры деловых и художественных текстов в творчестве Сумарокова». Кратко обсудив ключевые особенности истории русской деловой прозы, выступающий остановился на вопросе о сумароковском влиянии на русский литературный язык и, в частности на язык деловой прозы.

В докладе *В.Л. Коровина* (МГУ) «О переложениях А.П. Сумарокова из Библии» речь шла о текстах, вошедших в сборник «Стихотворения духовные» (1774). В основном это переложения псалмов, многие из которых сделаны, по словам Сумарокова, «с лутчих переводов» «с еврейского подлинника». Оценивая славянскую Псалтирь как произведение «худого переводчика» «с греческого», свои переложения он создавал как альтернативу принятым в церковном обиходе

текстам. Сумароков акцентирует тему ложности благочестия, выражающегося в исполнении обрядов, и антитезу «истины» и ее «вида» (напр., в «Истории Сосанны»: «Не истину они, но вид ея брегли»). По мнению докладчика, в библейских переложениях Сумарокова выражено неприятие существующего уклада религиозной жизни соотечественников. Так, три его переложения — «Из 1 главы Исаии», «Из 1 главы плача Иеремиина», «Из 5 главы Варуха» — образуют единый цикл: обличение народа за грехи; наказание; помилование (с обетованием подлинно богоугодной жизни).

На второй секции читались доклады по теме «Сумароков и русская литература» (ведущие *О.Л. Довгий* и *И.С. Юхнова*).

Н.И. Михайлова (Государственный музей А.С. Пушкина) в докладе «И.С. Барков и А.П. Сумароков» обсудила проблемы реконструкции сложной, во многом не проясненной истории формирования литературных репутаций И.С. Баркова и кратко охарактеризовала историко-литературный смысл противостояния Сумарокова Ломоносова и Баркова Сумарокову. Основная часть доклада была посвящена анализу выявленных докладчиком параллелей между текстами трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» и одой Баркова «Синав и Трувор».

Ю.Б. Орлицкий (РГГУ) посвятил свое выступление «10 псалмов Сумарокова в контексте первых русских опытов свободного стиха (Собакин, Сумароков, Державин, Струйский, эпиграмматики)» ранней русской истории свободного стиха. Были подробно охарактеризованы источники переводов Сумарокова, его предшественники и последователи. Михаил Собакин предстал в качестве поэта, который писал свободным стихом задолго до Сумарокова — еще в 1738 г., не выходя при этом за рамки традиции панегирической поэзии, а Николай Струйский — поэта, который написал несколько стихотворений свободным стихом не потому, что к этому стремился, а потому, что не умел писать правильно.

В докладе *А.Д. Ивинского* (МГУ) «Неизвестное стихотворение М.Н. Муравьева о Сумарокове» были введены в научный оборот неопубликованное стихотворение Муравьева «Ты читатель их, Петров, участник той же мощи», а в связи с его анализом — также остающиеся ненапечатанными стихотворения «Порицатель» (ОР РГБ), «Воспитанник богинь, любви сопутниц красных» (ОПИ ГИМ) и отрывок из филологических заметок Муравьева (ОР РГБ). Данные материалы позволили докладчику предложить новую интерпретацию литературных отношений Муравьева и Хераскова, с одной стороны, и Муравьева и Сумарокова — с другой.

Доклад *О.Л. Довгий* (МГУ—РГГУ) «Ломоносов versus Сумароков: реплика Арзамасского старосты» был посвящен попытке В.Л. Пуш-

кина использовать рифму в литературной полемике: перестановка слов в формуле «слава россов», поставленной в конце строки (стихотворение «Вечер»), повлекла, по хитроумному авторскому замыслу, вместо ожидаемой рифмы «Ломоносов», имя героя трагедии Сумарокова. Несмотря на то что эксперимент прошел незамеченным, он представляет интерес, по крайней мере, в трех отношениях: как попытка обновления рифменного репертуара; как свидетельство эволюции литературного канона (прижизненные враги оказались приравнены друг к другу) и, наконец, как редкий пример использования рифмы в качестве орудия литературной полемики.

И.С. Юхнова (Нижегородский государственный университет) выступила с докладом «Лермонтов и Сумароков». Отметив, что Лермонтов ни разу не упомянул о Сумарокове, *И.С. Юхнова*, опираясь на ряд предшественников, обозначила сумароковский литературный подтекст как лермонтовской литературной современности, так и его творчества, подробно остановившись на восходящей Сумарокову форме лирического диалога, которую Лермонтов воспринял через пушкинское посредство, и выстроив линию преемственности (не исключавшую разнообразные трансформации исходной модели) от сатиры Сумарокова «Пиит и друг его» к пушкинскому «Разговору книгопродавца с поэтом» и далее к стихотворению Лермонтова «Журналист, читатель и писатель».

Доклад *С.В. Мыслякова* (РГСУ) был посвящен жанру «разговоров мертвых», появившемуся в русской литературе благодаря Сумарокову и получившему развитие на отечественной почве как во второй половине XVIII, так и в XIX столетии. Сумароков положил начало двум русским вариантам «разговоров»: философско-этическому и сатирическому, в том числе и литературно-полемическому. Последнее получило неожиданное продолжение в 1870-е годы на страницах «Дневника писателя» Достоевского, который обратился к жанру «разговоров» не только как беллетрист, но и как литературный критик-публицист, редактор журнала «Гражданин». В ходе литературной полемики семидесятых годов к «разговорам мертвых» обращались и современники Достоевского (Л. Панютин, Л. Маяков, Н. Лейкин и др.), как и он весьма далекие от Сумарокова, но продолжившие разработку заданной им жанровой традиции, которая обретет новую жизнь в литературе «серебряного века».

Л.Ф. Кацис (РГГУ) выступил с докладом «Сумароков в стихотворении Мандельштама «Есть ценностей незыблемая скала...», обсудив источники выражения Мандельштама «ценностей незыблемая скала». Докладчик предложил включить исследуемое стихотворение в ряд текстов Мандельштама («Взвеселился, наконец...», «Среди священников левитом молодым...», «Когда сгустится мрак над венчиком

свечи...»), которые связаны с темой восстановления Иерусалимского Храма и основаны на соответствующих Псалмах Давида. В таком случае «ценностей незыблемая скала», которая располагается «над скучными ошибками веков», оказывается библейским пророчеством о Храме, а соответствующие Псалмы, посвященные подъему к Храму, называются «Песнь ступеней». Таким образом, именно Храм и ступени (скала, лестница) оказываются ключом к данному стихотворению. В этом контексте было рассмотрено упоминание Мандельштама о Сумарокове, который был и переводчиком Псалмов, считавший необходимым переводить Псалмы в наибольшем приближении к еврейскому оригиналу, и масоном, и по этим причинам храмовая образность была определяющей для Мандельштама при использовании имени и образа Сумарокова в стихах подобной тематики.

Д.П. Ивинский (МГУ) в докладе «Сумароков и “дворянская фронда”» остановился на спорных аспектах историко-литературной концепции Г.А. Гуковского и предложил считать конец 1759 г. временем резкого охлаждения отношений Сумарокова с литературной группой М.М. Хераскова, а наиболее выразительным симптом этого охлаждения — ряд материалов последнего номера журнала Сумарокова «Трудолюбивая Пчела», в том числе статью «К бессмысленным рифмоторцам», в которой, по мнению выступающего, были задеты не только Ломоносов и Тредиаковский, но и Херасков с его трагедией «Венецианская монахиня», и его литературное окружение, не порывавшие с Сумароковым и выдвинутой им концепцией поэтического стиля, но жаждавшие сложности, а потому дрейфовавшие в сторону Ломоносова и Поповского, не случайно приглашенного Херасковым в журнал «Полезное увеселение» (1760).

Третья секция была посвящена теме «Сумароков и европейские литературы» (ведущие *Н.И. Михайлова* и *Л.В. Чернец*).

В докладе *Н.Т. Пахсарьян* «Сумароков во французской литературе XVIII века» были представлены результаты изучения многочисленных параллелей между произведениями Сумарокова и западноевропейских авторов, охарактеризованы переводы его произведений на европейские языки. Докладчик подчеркнула, что сам факт подражания Сумарокова Расину, Корнелю, Мольеру в глазах европейских литераторов представал как симптом изживания русской культурной элитой той «грубости и дикости», с которой они привыкли ассоциировать Россию и русскую жизнь. В этой связи была подробно проанализирована заметка Прево о Сумарокове и его трагедии «Синав и Трувор» и другие источники.

Л.В. Чернец выступила с докладом «“Эпистола II, о стихотворстве” А.П. Сумарокова в контексте западноевропейских поэтик», в кото-

ром рассмотрела многообразные связи сумароковской эпистолы с поэтиками и близкими к ним сочинениями Аристотеля, Горация, Буало в контексте литературной деятельности и Сумарокова, которая была охарактеризована в докладе в категориях эстетики классицизма. При этом творческая практика Сумарокова, по мнению выступающей, далеко не в полной мере соответствовала предписаниям Буало, на которого вроде бы последовательно ориентировался Сумароков-теоретик литературы.

А.Ф. Багаева в докладе «Рецепция наследия А.П. Сумарокова в Болгарии» обсудила предпосылки формирования выраженного интереса к Сумарокову в болгарской литературе и филологической среде и охарактеризовала немногочисленные переводы его произведений на болгарский язык, выполненные Кириллом Кадийским и Красимиром Георгиевым.

Все доклады заинтересованно обсуждались.

Dmitry P. Ivinsky

A.P. SUMAROKOV AND RUSSIAN LITERATURE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is a brief overview of the reports read at the Department of the History of Russian Literature of the Philological Faculty of the MV Lomonosov Moscow State University. The Lomonosov jubilee scientific conference “Sumarokov and Russian literature”, dedicated to the 300th anniversary of the poet's birth.

Key words: Moscow State University named after M.V. Lomonosov; the history of Russian literature; Sumarokov; Derzhavin; Lermontov; Dostoevsky

About the author: *Dmitry P. Ivinsky* — Professor of the Philological Faculty of Moscow State University named after MV Lomonosov (e-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru).

Е. М. Васильев

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

*Житомирский государственный университет имени Ивана Франко
100008, г. Житомир, ул. Большая Бердичевская, 40*

В статье содержится информация о II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы литературоведческой терминологии», проведенной на факультете иностранной филологии Ровенского государственного гуманитарного университета. Прослеживается история украинских терминологических студий последних лет. Анализируется содержание докладов, прозвучавших на пленарных заседаниях конференции. Характеризуется также проблематика выступлений пяти ее секций.

Ключевые слова: литературоведение; терминология; терминосистема; конференция.

Именно под таким названием 28–29 апреля 2017 г. на факультете иностранной филологии Ровенского государственного гуманитарного университета (Украина) состоялась II Международная научно-практическая конференция. В ней приняли личное или заочное участие литературоведы и лингвисты Украины, России, Беларуси, Польши, Узбекистана.

Неслучайно именно город Ровно взял на себя роль своеобразного центра современных украинских терминологических штудий. В апреле 2015 г. здесь успешно прошла солидная, тогда еще Всеукраинская научная конференция «Актуальные проблемы литературоведческой терминологии», подкрепленная изданием одноименного научного сборника. А еще ранее — в апреле 2007 г. — в Ровно был проведен Пятый этап Межвузовского научного семинара «Терминосистема славянского литературоведения». Этот семинар начинался довольно скромно: в марте и апреле уже далекого 2005 г. по инициативе литературоведческих кафедр Житомирского и Волынского университетов были проведены его первые два этапа (соответственно в Житомире и

Васильев Евгений Михайлович — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры германской филологии и зарубежной литературы Житомирского государственного университета имени Ивана Франко (e-mail: eugeneparadox1971@gmail.com).

Луцке), вскоре в роли хозяев выступил Тернопольский педагогический университет, затем вновь Житомир и, наконец, Ровно. И если во время первого этапа семинара прозвучало лишь восемнадцать докладов, то в программе пятого, ровенского, значилось уже более шестидесяти выступлений. Таким образом, уже более десяти лет назад семинар перерос свой камерный формат, трансформировался в довольно масштабную конференцию, а время подтвердило, что совместный научный проект способен создать еще не один высококачественный филологический продукт.

II Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы литературоведческой терминологии» была приурочена к 25-летию факультета иностранной филологии Ровенского государственного гуманитарного университета. Потому вполне логичным стало выступление на первом пленарном заседании декана *Г.И. Николайчук*, рассказавшей об истории, сегодняшнем дне и перспективах руководимого ею факультета. Высокий статус конференции маркировало и то, что с приветственными и вступительными словами выступили три проректора университета: *Я.Б. Петровский*, *А.В. Дейнега* и *Ю.В. Пелех*.

Собственно научную часть Пленарного заседания открыл доклад «Интертекстуальность: терминологические значения и способы ее проявления в художественной литературе» *Л.К. Оляндэр* (Луцк). На материале поэмы Евгения Евтушенко «Тринадцать» было продемонстрировано возрастание роли интертекста как формо- и смыслообразующего элемента в системе художественного целого, в частности в организации (поли) диалогической ситуации в тексте за счет расширения в нем способов пересечения чужих текстов.

О мотивации включения природоведческих научных терминов в литературоведческое поле говорила в своем докладе *О.В. Червинская* (Черновцы). Как показательный термин она рассмотрела так называемую аллотропию — понятие, введенное в науку минералогом и химиком Е.Я. Берцелиусом еще в 1841 г. для обозначения разных форм существования однородных элементов.

Образы-термины в критических статьях Евгения Замятина стали предметом обстоятельного доклада профессора МГУ имени М.В. Ломоносова *С.И. Кормилова*. Статьи Замятина, писавшиеся в основном в первой половине 1920-х годов, как отметил докладчик, — это писательская критика, полухудожественная в своих средствах. В ней наблюдается сложная градация в обозначении явлений литературы и искусства от общепринятых терминов до заменяющих их понятных метафор и условных «терминов», привычных в определенное время.

С.А. Кочерга (Острог) коснулась в докладе проблемы изучения геопэтики, феномен которой сформировался на стыке геокультуры, имагологии, литературоведения, психологии и других наук. В русле этих студий начало функционировать понятие топосфера, которое, по мнению выступающей, является коммуникативной категорией, совокупностью моделей коммуникативных ситуаций в литературном тексте.

О необходимости определять сказку как метажанр, наделенный особым свойством взаимодействовать с другими жанрами, становится их внутренней составляющей, говорилось в докладе *М.В. Моклицы* (Луцк). Анализируя сказку «Синяя Борода», приведенную как пример психоаналитической интерпретации, она подвергла критике толкование тех ее аспектов, которые требуют филологического осмысления образной речи.

Завершило программу заседания выступление *С.И. Ковник* (Кривой Рог). Оно было посвящено понятийно-терминологической системе категории «пэтика густативов». Литературовед попыталась несколько расширить ее содержание, предложив ряд понятий, способствующих формированию представления о функционировании в литературных произведениях густативной лексики, густативных образов, процессов, пищевых вкусов персонажей, дающих возможность по-новому посмотреть на описания блюд и процессов их приготовления.

Работа конференции продолжилась в пяти секциях. Среди докладов секции «Теоретические аспекты литературоведческой терминологии» следует отметить выступления *В.Э. Просцевичуса* (Мариуполь) о прямом значении как фикции; *Р.А. Дзыка* (Черновцы) о рецепции теории интертекстуальности современной украинской поэтикой; *С.Н. Нестерук* (Ровно), посвященном кинотранскрипции как освобождению от литературности; *О.В. Оздемир* (Ровно), в котором рассматривались проблемы нарратологического анализа литературы non-fiction.

Из докладов секции «Генологические проблемы литературоведческой терминологии» выделим следующие: *В.А. Хмель* (Ровно) о методологии исследования колядочного текста в сравнительном аспекте; *Н.В. Никоряк* (Черновцы), посвященный открытости жанрового определения киносценарной формы; *А.Е. Васильевой* (Ровно) об интермедальных измерениях современной литературной сказки (на материале «растаманской сказки»). Также были зачитаны доклады *О.В. Богдановой* (Санкт-Петербург) и *Б.П. Иванюка* (Елец). В фокусе внимания выступления *О.В. Богдановой* была проблема жанровой дефиниции «Песен восточных славян» Л. Петрушевой.

Склонная к игровой поэтике и экспериментаторству, Петрушевская одновременно следует в своей литературной игре за пушкинским циклом «Песен западных славян» и создает текст на основе диффузии жанров, в стратегии смешения жанровых констант различных образований. Автор опирается на традиционные фольклорные (сказка, баллада, былина, быличка) и литературные (история, исторический анекдот, «страшилка») жанровые формы, свободно трансформирует их и порождает неустойчивое жанровое единство, способное к трансформации и диффузии. Б.П. Иванюк представил оригинальную версию осмысления метажанра (преимущественно на стихотворном материале), основанную на последовательном соотношении с понятиями жанра, мотива, системы и направления, предложил описание таких метажанров, как пастораль, бестиарий и плантарий.

Терминологические проблемы историко-литературного процесса рассматривались участниками третьей секции. *Т.В. Кушнирова* (Полтава) рассуждала о типах хронотопов в романе «Коллекционер» Дж. Фаулза, а *И.И. Куликова* (Харьков) — о термине антиутопия в контексте литературного процесса XX в. *И.А. Бестюк* (Ровно) проанализировала поэтику марша в интермедийальном формате 1920–1930-х годов. *Б.Н. Синевиц* (Ровно) осветила проблему национальной специфики художественного творчества в литературоведческом наследии Е. Маланюка. Творчество Р.П. де Айялы в контексте такого течения испанского модернизма, как новесентизм, изучила *М.М. Капелюшная* (Киев). На материале повести П. Кралюка «Зона» *А.Л. Матчук* (Ровно) проанализировала средства реализации подтекста.

Необычайно интенсивно прошла работа секции «Проблемы драматургической терминологии». *А.В. Литовская* (Харьков) говорила о месте агона в структуре комедий Аристофана и его соотношении с конфликтом аристофановских произведений, а *Ж.И. Бортник* (Луцк) — об особенностях сюжета современной монодрамы в пьесах «Голос тихой бездны» Неды Нежданой и «Любовь к русской лапте» Вадима Леванова. *Д.П. Капелюх* (Ровно) остановился на особенностях функционирования драматургической ремарки в эпохи античности и средневековья. *Ю.Г. Кабина* (Черкассы) осветила постмодернистскую интерпретацию ренессансного парадокса в пьесе Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». *Е.М. Васильев* (Житомир) рассмотрел жанровую модель трагифарса в современной драматургии, выделил ряд жанровых признаков, отличающих трагифарс от трагикомедии. Сразу несколько выступлений были посвящены актуальной в современном драмоведении

проблематике, связанной с метадрамой, метатеатральностью и процессами «метаизации». *А.А. Висыч* (Луцк) представила типологию метадрамы в современном литературоведении. *Л.В. Закалюжный* (Житомир) рассмотрел интермедийные аспекты современной украинской метадрамы. *Н.Л. Липисивицкий* (Житомир) говорил о чертах метадраматичности и метадрамы в малых формах немецкой драматургии.

В секции «Терминологические вопросы лингвостилистики и лингвопоэтики» прозвучали доклады *Т.П. Беценко* (Сумы), посвященный теоретическим вопросам лингвостилистики, в частности законам фонической организации поэтического текста, и *А.В. Емца* (Хмельницкий) о спорных вопросах терминологии лингвостилистики; выступления ровенских филологов: *Л.Р. Пелех* о языково-культурной парадигме межкультурной коммуникации; *Л.М. Воробьевой* о проблемах лингвопоэтики в контексте филологической концепции *А.А. Потебни*; *Т.Г. Сербиной* и *А.Н. Чеберяк* о парцелляции в языке газет; *И.Н. Самборской* о внутренней форме слова в терминологической системе современной лингвистики; *Н.И. Вовчук* о способах образования окказиональных слов в русской поэзии, в том числе терминологии нестандартного словообразования.

Пленарное заседание второго дня конференции открылось докладом *А.Л. Глотова* (Острог), в котором были подняты проблемы использования литературоведческой терминологии в журналистиковедческом контексте. Выступление *В.Н. Назарца* (Ровно) было посвящено поэтическому посланию — одной из жанрово-тематических разновидностей адресованной лирики. В качестве доминантного генологического признака послания предложено рассматривать введенную автором в художественно-коммуникативную структуру лирического произведения адресно-диалогическую установку. Большой интерес у присутствующих вызвал доклад о путях формирования новой терминологии в корейской драме 1920–1940-х гг., исполненный *Г.А. Амановой* (Ташкент).

На основе конференционных докладов был издан второй выпуск научного сборника «Актуальные проблемы литературоведческой терминологии», куда вошли статьи почти шестидесяти ученых из четырех стран. Регулярные терминологические конференции, равно как и публикация сборников, вселяют надежды на продолжение терминоведческих филологических студий, на расширение и в то же время уточнение понятийных границ, проявляющиеся в постоянном стремлении к терминологической определенности. Таким образом, украинские терминологические литературоведческие студии — это действительно всерьез и, хочется верить, надолго.

Evgeniy M. Vasilyev

ACTUAL PROBLEMS OF LITERARY TERMINOLOGY

*Zhytomyr Ivan Franko State University
V. Berdichivska str., 40, Zhytomyr, 10008*

The article focuses on the II International scientific and practical conference “Current Issues of Literary Terminology” held at the Faculty of Foreign Philology of the Rivne State Humanitarian University. The history of the Ukrainian terminology research of recent years is traced. The content of reports presented at the plenary sessions of the conference is analyzed. The problems of the talks delivered at its five sections are also characterized.

Key words: literary criticism; terminology; terminological system; conference.

About the author: *Evgeniy M. Vasilyev* — Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Germanic philology and foreign literature, Zhytomyr Ivan Franko State University (e-mail: eugeneparadox1971@gmail.com).

Д.Д. Черепанов

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«“Я ЖЕ ОСТАНУСЬ ТЕМЕН”:
Я.М.Р. ЛЕНЦ В РОССИИ (1780–1792)»
(Регенсбург, 24–25 ноября 2017 г.)**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Обзор освещает конференцию, посвященную московскому периоду творчества Я. Ленца. В докладах был подведен итог работы по систематизации тематических комплексов, мотивов и символики недавно введенных в научный оборот поздних текстов писателя. Представлены результаты сопоставительного анализа поздних и ранних произведений Ленца, а также исследования его взаимодействия с московским окружением. Изучение поэтики поздних текстов Ленца позволяет по-новому оценить их историко-литературное значение.

Ключевые слова: конференция, история литературы, XVIII век, Просвещение, интермедальность, культурный трансфер, Я.М.Р. Ленц, Н.И. Новиков, Ж.-Ж. Руссо.

2017 год — 225-й со дня смерти Я.М.Р. Ленца (1751–1792), который провел последние 11 лет жизни в Москве — был отмечен сразу несколькими событиями, связанными с его именем. Широкому кругу читателей в Германии о Ленце напомнило немецкое издание романа Олега Юрьева «Неизвестные письма»¹. Одновременно был опубликован фундаментальный академический справочник по Ленцу², подводящий итоги интенсивного изучения его творчества последних десятилетий. Этому предшествовала публикация Х. Томмеком критического издания текстов Ленца, относящихся к московскому периоду его творчества³, и издание трактатов Ленца о социальных реформах⁴.

Черепанов Даниил Дмитриевич — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ddcherep@gmail.com).

¹ Jurjew O. Unbekannte Briefe. Berlin, 2017.

² J.M.R. Lenz-Handbuch. Berlin; Boston, 2017.

³ Lenz J.M.R. Moskauer Schriften und Briefe. In 2 Bdn. Berlin, 2007.

⁴ Schriften zur Sozialreform / Hg. von E. Griffiths und D. Hill. In 2 Bdn. Frankfurt a. M., Bern u. a., 2007.

Посвященная позднему творчеству Ленца конференция «“Я же останусь темен”: Я.М.Р. Ленц в России (1780—1792)» (24—25 ноября 2017 г.) собрала в Регенсбургском университете небольшой, но представительный круг исследователей из России и Германии. Доктор *Х. Томмек* (Регенсбургский университет), организатор конференции, выразил в своем вступительном слове надежду, что постепенно входящие в научный оборот московские тексты писателя помогут преодолеть стереотипное представление о «больном Ленце», художественное наследие которого будто бы исчерпывается ранними драмами и «Заметками о театре». Труднодоступность «позднего» Ленца для читателя и исследователя во многом связана с особенностями его поэтики и фрагментарностью текстов, образующих не набор обособленных «произведений», а единый интермедийный текст. В своем докладе он представил основные результаты своей многолетней работы по систематизации тематических комплексов, мотивов и символики этого текста.

Доклад *Д.Д. Черепанова* (Москва, МГУ) был посвящен сопоставлению московских текстов писателя с его ранними богословскими трактатами, с одной стороны, и с теоретическими положениями *Н.И. Новикова* и *И.Г. Шварца* — с другой. Анализ показал, что Ленц не только сохранил ряд принципиальных философских положений, сформулированных им еще в Страсбурге, но и плодотворно развивал их в Москве, живо реагируя на новое окружение.

Х. Боссе (Фрайбург), автор целого ряда работ по творчеству Ленца и нескольких монографий по художественной литературе и педагогике XVIII в., предложил оригинальную интерпретацию писем Ленца к его отцу, соединив исследование исторического и социального контекстов с анализом символики и структуры текста. Соединяя руссоистский мотив «крика природы» с библейскими образами (двойным возгласом Иисуса при распятии, Мф. 27), Ленц в переписке создает художественный текст, предвосхищающий позднейшие проекты «спасения мира в слове» и одновременно подчеркивающий бессилие художника, погружающегося в вынужденное молчание.

Сообщение *И.Н. Лагутиной* (Москва, Высшая школа экономики) о творчестве Ленца в контексте культурной политики Екатерины II позволило прояснить некоторые моменты, оставшиеся прежде неясными для комментаторов. Важным для воссоздания широкого исторического и литературного контекста было выступление *М. Шиппана* (Вольфенбюттель), известного специалиста по эпохе Просвещения и руководителя проекта по исследованию творчества *Н.М. Карамзина*. *В. Кошмаль* (Регенсбург), специалист

по славистике, предложил интерпретацию написанного по-русски «Донесения» Ленца: понимание этого крайне насыщенного текста, соединяющего инженерный проект с описанием московского быта и пронизанного сложной символикой, затрудняется языковой интерференцией. Как отметил в ходе обсуждения *Ю. Линк* (Дортмунд), источником интерференции являются, помимо немецких, французские языковые конструкции. Схожее явление наблюдается и в переводах Ленца с русского на немецкий. *Ю. Линк* — автор известной монографии о Гёльдерлине и Руссо — в своем докладе предложил не только комментированный перевод герметического гимна Ленца “*Le jour d’Helene*”, написанного по-французски, но и теоретическое осмысление этого произведения с точки зрения жанровой традиции. Интерпретация сложной метафоричности намеренно зашифрованного текста потребовала кропотливого семантического и функционального анализа, а сопоставление с стратегиями письма других лириков рубежа XVIII–XIX вв. позволило Ю. Линку вписать позднее творчество Ленца в историко-литературный контекст. «Вертикальные связи» между творчеством Я.М.Р. Ленца и лирикой XX в. помог раскрыть доклад *А.Л. Вольского* (СПб, РГПУ им. А.И. Герцена): наследие немецкого писателя, несмотря на временное расстояние, оказалось значимо для культурного трансфера между русскоязычным и немецкоязычными мирами.

Результаты работы *Ю. Шефер* (Бохум), принимавшей активное участие в составлении справочника по Ленцу в 2017 г., позволяют оценить новаторство позднего Ленца, в набросках которого наблюдается устойчивая склонность не только к синтезу драматургии, графики и прозаического фрагмента, но и к включению в сферу художественного не-фикциональных жанров. Такое развитие сопровождается авторской рефлексией, воплощающейся в «автоматареференциальных актах».

Наметившийся в последние годы интерес к позднему, московскому, периоду жизни писателя, плодом которого стала и эта конференция, позволяет надеяться на исчезновение «белых пятен», которые до сих пор не позволяли воспринять творчество Я.М.Р. Ленца как единое целое.

Список литературы

- Jurjew O.* Unbekannte Briefe. Berlin, 2017.
J.M.R. Lenz-Handbuch. Berlin; Boston, 2017.
Lenz J.M.R. Moskauer Schriften und Briefe. In 2 Bdn. Berlin, 2007.
Schriften zur Sozialreform / Hg. von E. Griffiths und D. Hill. In 2 Bdn. Frankfurt a. M.; Bern u. a., 2007.

Daniil D. Cherepanov

**“‘ICH ABER WERDE DUNKEL SEIN’:
J.M.R. LENZ IN RUSSIA (1780–1792)”
INTERNATIONAL CONFERENCE
(Regensburg, 24–25th of november 2017)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article reviews the international conference on J.M.R. Lenz' later work held in Regensburg in November 2017. Papers presented at the conference systematized themes, motives and symbols from Lenz' texts only recently noticed by researchers. Comparative analysis of the writer's earlier and later texts, studies of his Russian context and late poetics lead to a reevaluation of his "obscure" late years now seen as a productive period of doubtless historical interest.

Key words: conference; history of literature; 18th century; age of Enlightenment, intermediality; cultural transfer; J.M.R. Lenz; N.I. Novikov; J.-J. Rousseau.

About the author: *Daniil D. Cherepanov* — Candidate of Philology, Lecturer at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ddcherep@gmail.com).

References

Jurjew O. *Unbekannte Briefe*. Berlin, 2017.

J.M.R. Lenz-Handbuch. Berlin; Boston, 2017.

Lenz J.M.R. *Moskauer Schriften und Briefe*. In 2 Bdn. Berlin, 2007.

Schriften zur Sozialreform. Hg. von E. Griffiths und D. Hill. In 2 Bdn. Frankfurt a. M., Bern u. a., 2007.

ПАМЯТИ...

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЗАЛИЗНЯК

24 декабря 2017 г. скончался крупнейший российский ученый, лингвист самого широкого профиля, лауреат Государственной премии РФ, профессор МГУ, академик Андрей Анатольевич Зализняк.

А.А. Зализняк родился в 1935 г. в Москве, где прошла вся его жизнь. В 1958 г. он окончил романо-германское отделение филологического факультета МГУ; в студенческие годы был председателем Научного студенческого общества МГУ, в течение года стажировался в Париже. Более полувека, в 1960–2017 гг. Андрей Анатольевич работал в академическом Институте славяноведения. В 1960-е годы началась и его педагогическая деятельность на филологическом факультете МГУ, первоначально он вел спецкурсы на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания, читал санскрит, арабский и другие семитские языки. В 1967 г. А.А. Зализняк перешел на кафедру структурной и прикладной лингвистики, где начал вести основные лингвистические курсы. Здесь он (с перерывом в несколько лет в 1980-е годы) преподавал до конца жизни.

Интересы ученого были исключительно разносторонними. Как правило, исследователи подразделяются на два типа: собирателей фактов и создателей теорий. Андрей Анатольевич, что бывает не так часто, совмещал в себе оба эти типа. Умение собирать и классифицировать факты, в том числе при составлении словарей, сочеталось со стремлением рассматривать эти факты в теоретическом плане. Он был и теоретиком языкознания, и лексикографом, и филологом, блестяще интерпретировавшим памятники. Будучи выдающимся полиглотом, он занимался самыми разными языками: славянскими, французским, санскритом, семитскими и многими другими. Образец его описания конкретного языка — грамматический очерк санскрита, включенный в словарь В.А. Кочергиной (впервые издан в 1978 г.): при ограниченном объеме краткое, но полное и компактное представление сложнейшей грамматики этого языка. Но прежде всего ученый занимался русским языком и в его современном состоянии, и в его истории.

Первым его большим исследованием (не считая изданного в 1961 г. «Краткого русско-французского учебного словаря») была диссертация «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка». В 1965 г. она защищалась как кандидатская диссертация, но была удостоена степени доктора филологических

наук. На ее основе в 1967 г. была издана книга «Русское именное словоизменение».

В этом труде А.А. Зализняк, опираясь на сложившиеся традиции русистики, наиболее четко сформулированные А.А. Смирницким, исчерпывающе исследовал важнейший компонент русской грамматики: систему имени, включая прилагательное. Он уточнил основные понятия (словоформа, лексема, парадигма и др.) и всесторонне рассмотрел устройство именного словоизменения русского языка. 1960-е годы были временем, когда в нашей лингвистике активно внедрялись математические методы, развивалось сотрудничество лингвистов с математиками, в котором участвовал и А.А. Зализняк. В его книге чувствуется дух той эпохи: строжайшая логичность, умение строить формальные модели. И в то же время Андрею Анатольевичу никогда не было свойственно стремление непременно формализовать всё, что можно, всегда содержательная сторона у него преобладала.

Разработанный в диссертации и книге подход был затем на гигантском материале (охватывавшем не только систему имени, но всю грамматику) применен при создании обширнейшего «Грамматического словаря русского языка», впервые изданного в 1977 г. Такой словарь был на русском материале составлен впервые. В те годы еще не было современных компьютеров, и автор словаря всё делал вручную; иначе как научным подвигом это не назовешь. Являясь незаменимым справочным пособием, словарь в то же время основывается на четкой и хорошо разработанной научной теории.

Казалось бы, специализация А.А. Зализняка определилась: крупнейший исследователь современного русского языка, раскрывающий возможности структурного подхода к нему. Однако со второй половины 1970-х годов в его научной деятельности происходит поворот в сторону исторической лингвистики. Тогда это выглядело более неожиданным, чем могло бы выглядеть сейчас. Среди считавших себя «передовыми» лингвистов еще преобладали шедшие от Ф. де Соссюра представления о приоритете синхронных исследований, тогда как историческая лингвистика казалась «традиционной». Конечно, Андрей Анатольевич здесь среди развивавших точные методы лингвистов был не одинок: достаточно упомянуть В.В. Иванова и В.Н. Топорова. Но у него изменение тематики было особенно заметно. При этом он не ограничивался чисто лингвистическим изучением диахронии, а широко применял в своих исследованиях и филологические методы анализа древних текстов, которые его коллегам могли казаться совсем уже традиционными. Еще недавно структурная лингвистика боролась за строгое отделение лингвистики (включая диахроническую) от филологии, но теперь, на новом этапе развития науки о языке, пришло время на более высоком уровне

сочетать лингвистические (включая сравнительно-исторические) и филологические исследования.

Первым крупным исследованием такого рода у А.А. Зализняка была книга «От праславянской акцентуации к русской» (1985). Здесь рассмотрены три следовавшие друг за другом во времени синхронные акцентуационные системы: праславянская, русская XIV–XVII вв. и современная, которые сопоставляются между собой. Акцентуация вообще представляет собой чаще всего недостаточно разработанную область исследований, и если история фонем русского языка к тому времени уже была хорошо изучена, то здесь А.А. Зализняк очень многое сделал впервые. В книге комбинируются синхронные методы, компаративный метод реконструкций и филологические методы; восстановление системы акцентуации XIV–XVII вв. основано на скрупулезном анализе памятников.

В книге, как и в других работах А.А. Зализняка, постоянно поднимались теоретические вопросы, важные и для конкретных исследований. Вот лишь один пример. Известно, что все крупнейшие достижения сравнительно-исторического языкознания основаны на восходящей к А. Шлейхеру гипотезе родословного древа, согласно которой развитие языков основано на процессах их дивергенции (расхождения), а конвергенция значения не имеет. Однако эта гипотеза имеет лишь эмпирические подтверждения, и ряд лингвистов выступали против нее. А.А. Зализняк в данной книге уточнил, что гипотеза в чистом виде не работает для диалектов и близкородственных языков. «Традиционное представление о монолитном правосточнославянском языке, дальнейшее развитие которого характеризовалось только дивергенцией, является по меньшей мере упрощенным; в действительности здесь значительную роль играли также конвергентные процессы».

Но наибольшую известность и славу принесли Андрею Анатольевичу, казалось бы, узкие по тематике и чисто фактологические работы по изучению берестяных грамот в Новгороде и других городах. Он не был в этой области первопроходцем, как сейчас иногда думают: первые новгородские грамоты открыли в 1951 г., когда А.А. Зализняк еще учился в школе, и они сразу стали объектом научного изучения. Однако с того времени, когда он начал ими заниматься, научный уровень их исследований сразу значительно поднялся. Он работал в содружестве с видным историком академиком В.Л. Яниным, отвечавшим за исторические интерпретации, позже к ним присоединился ученик А.А. Зализняка А.А. Гиппиус, ныне член-корреспондент РАН. С 1986 г. вышли в свет четыре тома (VIII–XI) публикаций грамот с комментариями, ежегодно итоги полевых исследований печатались в журнале «Вопросы языкознания», также после окончания каждого полевого сезона Андрей Анатольевич

выступал с публичными лекциями в МГУ, привлекавшими большое количество слушателей, даже тех, кто данными вопросами никогда не занимался. Последняя лекция состоялась 26 октября 2017 г., менее чем за два месяца до его смерти.

Если отдельная грамота и содержала лишь частную информацию, то рассмотрение корпуса грамот в совокупности давало уже очень много. Масса новых, ранее не известных науке слов и грамматических форм, уточнение датировок тех или иных диахронических явлений, информация об особенностях новгородского диалекта, данные о языковой ситуации в древнем Новгороде (этому вопросу была специально посвящена одна из его статей). До открытия грамот в Новгороде, а потом и еще в нескольких городах Северной Руси мы очень мало знали о разговорных разновидностях русского языка XI–XV вв., а теперь об этом известно намного больше. И значение берестяных грамот далеко выходит за пределы лингвистики и филологии. Они содержат уникальный материал о социальном устройстве, имущественных отношениях, образе жизни, привычках жителей Древней Руси.

На основе анализа грамот А.А. Зализняк смог рассмотреть диалект в целом, чему была посвящена книга «Древненовгородский диалект» (1995). Он показал неточность традиционной его характеристики как одного из северорусских диалектов, поскольку его отличия от других географически близких диалектов более значительны и заставляют во многом пересмотреть традиционные представления о восточнославянском языковом ареале.

Новым образцом сочетания методов лингвистики и филологии стала впервые изданная в 2004 г. книга «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста». Поводом к ее написанию послужила многолетняя дискуссия о подлинности или подложности этого замечательного памятника. В противовес его обычной датировке концом XII в. историк А.А. Зимин в 1960-е годы объявил его подделкой конца XVIII в. Мнения участников дискуссии часто бывали недостаточно обоснованными, а то и подогревались разными ненаучными обстоятельствами. А.А. Зализняк подошел к теме со строго научных позиций, признав, что чисто исторической аргументации здесь недостаточно, и необходим анализ языка. Он показал, что языковые особенности памятника действительно указывают на XII в., а тогдашний уровень знаний об истории русского языка не позволял в конце XVIII в. сделать такую имитацию, которая была бы неотличима от древнерусского памятника. Следовательно, памятник подлинный.

Андрей Анатольевич всегда мог быть объективен и давать оценки независимо от пристрастий и личных отношений. Вот такой эпизод. В 1965 г. лингвисты структуралистского лагеря были возмущены статьей В.И. Абаева с критикой структурной лингвистики, кото-

рая, по его мнению, дает результаты в фонологии, но не в семантике (что время отчасти подтвердило). И в те же дни на занятии по санскриту А.А. Зализняк похвалил одну из славяно-санскритских этимологий В.И. Абаева, дав урок студентам уметь отделять науку от конъюнктуры. Но когда с 1990-х годов Россию захлестнула волна псевдонаучных публикаций, Андрей Анатольевич не пожалел сил и времени для борьбы с такой дилетантской «наукой», даже если она исходила от людей, компетентных в других областях. Этому была посвящена его ярко написанная книга «Из заметок о любительской лингвистике» (2010), которая, как и его публичные лекции, внесла большой вклад в формирование у наших граждан правильных представлений о языке. К сожалению, она известна менее широко, чем публикации его оппонентов.

Можно отметить и работы А.А. Зализняка по истории науки о языке, среди которых особо следует выделить его предисловие к русскому переводу «Мемуара о первоначальной системе гласных в индоевропейском языке» Ф. де Соссюра (1977). Это образец анализа значительного лингвистического сочинения, где за многочисленными частностями скрываются важные теоретические положения, которые А.А. Зализняк сумел кратко и убедительно сформулировать.

И совсем необычный аспект его деятельности. Он сыграл ведущую роль (наряду с А.Н. Журиным) в разработке жанра лингвистической задачи, который уже много лет используется на лингвистических олимпиадах, проводимых МГУ (теперь и совместно с другими вузами). Задачи А.А. Зализняка не раз печатались в сборниках, а затем были собраны вместе и изданы под редакцией В.А. Успенского.

И нельзя не сказать о значении личности Андрея Анатольевича, которая сыграла огромную роль в подготовке специалистов в МГУ. Его по-настоящему любили. У него было много учеников, которые активно работают во многих областях науки о языке.

Заслуги А.А. Зализняка были высоко оценены. В 1987 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1997 г. академиком РАН. В 2007 г. получил Большую золотую медаль имени М.В. Ломоносова, а в следующем году был удостоен Государственной премии Российской Федерации.

Активную деятельность ученый, несмотря на возраст, продолжал до конца дней. Уже в последнее десятилетие жизни он издал книги «Древнерусские энклитики» и «Древнерусское ударение: общие сведения и словарь».

Почти все книги А.А. Зализняка не раз переиздавались и продолжают переиздаваться. Его идеи живут и продолжают развиваться учениками. Память о нем останется надолго.

В.М. Алтатов

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 9. ФИЛОЛОГИЯ»**

1. Рукописи следует представлять в формате .doc (Word 1997–2003) или .docx

2. Рекомендуемый объем предоставляемой к публикации статьи — для кандидатов и докторов наук — до 25 000 знаков с пробелами, для аспирантов и соискателей — до 20 000 знаков с пробелами с учетом двух списков литературы (см. пункты 7–8).

3. Шрифт Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полторный. Название статьи: 16 пунктов полужирным по центру страницы. Без автоматической расстановки переносов.

4. Текст рукописи предоставляется в виде единого файла. Рукопись условно делится на два блока: 1) блок русского текста; 2) блок английского текста.

БЛОК РУССКОГО ТЕКСТА (по порядку):

- фамилия и инициалы автора (либо авторов через запятую) — сначала указаны инициалы (без пробела между инициалами), затем фамилия;
- название статьи;
- место работы/учебы автора (полное официальное название организации, город, страна)
- текст аннотации/резюме (объемом не менее 200 слов); аннотация должна отражать основное содержание статьи, ее структуру и выводы
- ключевые слова (до 20 слов, с поясняющих слов «Ключевые слова:...» через точку с запятой);
- основной текст статьи (с подрубриками, правила оформления текста см. ниже);
- список литературы (правила см. ниже);
- сведения об авторах (с подзаголовком «Сведения об авторах.»/«Сведения об авторе.» о каждом авторе: имя и отчество полностью, фамилия; должность, регалии, электронный адрес. Мобильный телефон автора или одного из соавторов исключительно для выпускающего редактора.)

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА

- **Внутритекстовые ссылки** — в **квадратных скобках** фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

В результате данного эксперимента [Реннебакер, 2011: 143–144] ученые установили, что придумывать истории так же полезно, как и описывать свой собственный травматический опыт, — это положительно сказывается на здоровье.

- **Рисунки, таблицы, схемы,** графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, и помещаться в печатное поле страницы.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

Список упорядочивается по алфавиту, вначале книги на русском языке, потом — на иностранных языках в порядке английского алфавита. Если в списке литературы оказывается несколько работ одного автора, изданных в один год, то к датам их издания добавляется буквенный индекс (2001a, 2001b, etc.); аналогично с внутритекстовыми ссылками.

Для статьи в журнале или сборнике:

ФИО автора / авторов (не более пяти ФИО; сначала фамилия, потом инициалы; без пробелов между инициалами, без запятой между фамилией и инициалами; если авторов более пяти — убрать последующие и после последних инициалов через пробел дать пояснение «et. al.»). Название статьи // Название сборника/журнала. Год издания. Номер. Страницы.

Например:

Гуревич Д.Л. Лексические бразилизмы и их типы. // Древняя и новая романия. № 1 (17), 2016. С. 45-56.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Под ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М., 1994. С. 63-71.

Для книги:

ФИО автора / авторов (так же, как для статьи). Название книги. Место издания, год издания. Например:

Rossari C. Les opérations de reformulation. Berne, 1991.

Для коллективной монографии и других научных изданий с большим количеством авторов:

Название издания / Под ред. И.О. Фамилия. Место издания, год издания. Например;

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.

Для эл. ресурсов:

ссылки на электронные ресурсы оформляются по аналогии с предыдущими разделами, только в конце добавляется точная ссылка на интернет-ресурс и дата обращения к нему. Например:

Пример:

Dabla-Norris E., Minoiu C., Zanna L.-F. Business cycle fluctuations, large shocks, and development aid new evidence. [Washington, D. C.], International Monetary Fund, 2010. URL: <http://site.ebrary.com/id/10437418> (accessed: 20.06.2014).

БЛОК АНГЛИЙСКОГО ТЕКСТА (по порядку):

- автор/авторы (транслитерированные инициалы и фамилии через запятую, без пробела между инициалами в порядке: А.А. Ivanov) [правила транслитерации те же, что для списка литературы (см. ниже), за исключением тех случаев, когда автор настаивает на транслитерации своей фамилии не по ГОСТ в связи с тем, что его фамилия уже присутствует в базах данных в его варианте транслитерации];

- название статьи в переводе на английский (транслитерировать не нужно);
- аннотация на английском [По сути, это краткое изложение статьи, которое должно быть представлять собой самостоятельный текст на правильном английском языке, а не быть калькой русского варианта. Аннотация должна включать цель и задачи; материал и методы, результаты, выводы. Текст аннотации дается без приведения статистических данных (цифровых), без библиографических ссылок, по возможности без специальных аббревиатур (если есть, то единожды расшифровать). Объем аннотации не менее 200 и не более 300 слов.];
- ключевые слова на английском (с поясняющих слов «Key words:...» через точку с запятой, каждое слово/фраза — со строчной буквы), которые должны отражать содержание статьи, включать общепринятые в дисциплине термины и другие важные коррелирующие с содержанием работы понятия.
- список литературы (References), который является транслитерированным оригиналом списка литературы из статьи (транслитерируются все русские слова в «романский» алфавит, см. ниже);
- сведения об авторах (с подзаголовка «About the authors.»/ «About the author.» о каждом авторе: имя и отчество полностью, фамилия; должность, регалии, контактная информация).

Транслитерированный список литературы (References) включает все ссылки из «русского» списка в порядке оригинала (структура списка сохраняется — она равна той, что в списке литературы для русской печатной версии), но все русские буквы транслитерируются (см. ниже). Список включает также все ссылки на иностранные источники.

Библиографические ссылки в списке для английского блока оформлять по схеме:

- автор/авторы (**не более пяти** фамилий; сначала фамилия, потом инициалы; без пробелов между инициалами, без запятой между фамилией и инициалами; если авторов более пяти — убрать последующие и после последних инициалов через пробел дать пояснение «et al.»),
- название статьи, если оно русское, давать в транслитерированном виде и далее в квадратных скобках без разделения знаками препинания — название статьи в переводе на английский язык,
- далее через точку (**не** через две косые!) курсивом с прописной буквы — название журнала (транслитерированное и за ним в квадратных скобках с прописной буквы — переводное, как его определяет издатель журнала),
- далее через запятую — год, выпуск (том), номер (если есть и то, и другое, а номер/выпуск равен тому и дается в скобках, то перед скобками — пробел), диапазон страниц с уточнением «pp.»,
- в конце записи, если описано русскоязычное издание, после точки пояснить в скобках: «(In Russ.)»,
- если есть doi, то после точки указать doi:

Avtor A.B., Avtor V.G. Nazvanie stat'i [Перевод названия статьи]. *Nazvanie zhurnala*, год, выпуск, номер, pp. 00-00. (In Russ.). doi: 0000.

Avtor A.B., Avtor V.G., Avtor D.E., Avtor Zh. Z., Avtor I.K. et al. Nazvanie stat'i [Перевод названия статьи]. *Nazvanie zhurnala*, год, выпуск, номер, pp. 00-00. (In Russ.).

Avtor A.B., Avtor V.G., Avtor D.E. Nazvanie stat'i [Перевод названия статьи]. *Nazvanie zhurnala*, год, выпуск (том), номер, pp. 00-00. (In Russ.).

Если не статья, а **монография/книга**, то:

Автор, затем курсивом — транслитерированное название книги и в квадратных скобках без курсива — переводное название книги. Далее после точки — город, издательство (как его заявляет издатель), а если транслитерированное название в себе не несет указания, что это название издательства, например «Недра», то добавить «Publ.»), год. Далее после точки — количество страниц с уточнением «р.»:

Avtor A.B., Avtor V.G. Nazvanie monografii ili knigi [Перевод названия монографии или книги]. Название города на английском, *Nazvanie izdatelstva Publ*, год. 00 p.

Если другой тип издания, см.: Кириллова, О.В. Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus. Ч. 1. М., 2013. С. 58–62. URL: http://elsevierscience.ru/files/kirillova_editorial.pdf

Статьи и книги, выпущенные на английском языке, в смысле пунктуации оформляются так же (где нужно, точки и запятые между частями библиографического описания, курсивом обозначается название журнала/сборника, а если непериодическое издание, то курсивом — название книги/монографии).

Ссылки на электронные ресурсы оформляются по аналогии с предыдущими разделами, только в конце добавляется точная ссылка на интернет-ресурс и дата обращения к нему.

Пример:

Dabla-Norris E., Minoiu C., Zanna L.-F. 2010. *Business cycle fluctuations, large shocks, and development aid new evidence*. [Washington, D. C.], International Monetary Fund. URL: <http://site.ebrary.com/id/10437418> (accessed: 20.06.2014).

Frot E. 2009. *Aid and the financial crisis: Shall we expect development aid to fall?* Stockholm Institute of Transition Economics, Stockholm School of Economics. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1402788 (accessed: 28.05.2013).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
Серия 9. Филология
MOSCOW STATE UNIVERSITY BULLETIN.
Series 9. Philology
ISSN 0130—0075

Общая информация

Журнал основан в 1946 году. До 1959 выходил в составе историко-филологической серии, затем в составе серии «Филология, журналистика», с 1965 — как отдельная серия «Вестника Московского университета»: до 1976 — «Серия 10. Филология», с 1976 и по настоящее время — «Серия 9. Филология».

Является одним из крупнейших российских периодических изданий по филологическим наукам. Публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, отчеты о конференциях и круглых столах по своему научному профилю. Выходит 6 раз в год; объем каждого номера — 15–17 п. л. (240–270 полос).

Входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальности «Филология», включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Индексируется в международных информационных системах Brill, De Gruyter Saur, EBSCOhost, Gale, ProQuest.

Полнотекстовая версия журнала доступна онлайн (номера текущего года — по подписке, номера прошлых лет — свободно).

Все приланные в редакцию статьи и материалы рецензируются в порядке двойного либо одностороннего слепого рецензирования. Плата за рецензирование и публикацию с авторов не взимается. Гонорар не выплачивается.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Этические нормы

Редакционная коллегия журнала «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология» в своей работе придерживается законодательства РФ в отношении авторского права и плагиата, а также этических норм и принципов, принятых международным сообществом, в том числе выраженных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors) и Кодексе поведения для издателя журнала (Code of Conduct for Journal Publishers), разработанных Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics (COPE)). Для проверки оригинальности статьи используется система «Антиплагиат».

При работе с входящими материалами редколлегия обеспечивает конфиденциальность персональных данных и результатов научных исследова-

ний. При организации рецензирования редколлегии обязуется следить за отсутствием конфликта интересов и руководствоваться лишь критериями оригинальности, научной значимости и актуальности текстов. «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» является дискуссионной площадкой, где обсуждаются, в первую очередь, магистральные направления развития филологической науки в России и за рубежом, где приветствуются критические обзоры материалов журнала, публикации научных школ филологического факультета, ведущих лингвистов и литературоведов Московского университета, вышедшие за последнее десятилетие.

Редколлегия принимает на рассмотрение только новые материалы, ранее не опубликованные. Авторы обязуются соблюдать этические нормы и правила научных исследований. Подавая материал, авторы подтверждают его оригинальность и самостоятельность, отсутствие нарушений авторских прав других физических и юридических лиц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Главный редактор

РЕМНЁВА Марина Леонтьевна, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике

КОБОЗЕВА Ирина Михайловна, д.ф.н., профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению

ТОЛМАЧЕВ Василий Михайлович, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ответственный секретарь по лингвистике

КНЯЗЕВ Сергей Владимирович, д.ф.н., профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ответственный секретарь по литературоведению

ЗЫКОВА Галина Владимировна, д.ф.н., профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Члены редколлегии:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по науке

БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич, к.ф.н., доцент кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович, д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ИЗОТОВ Андрей Иванович, д.ф.н., профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

КОРМИЛОВ Сергей Иванович, д.ф.н., профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна, д.ф.н., профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ПЕТРУХИНА Елена Васильевна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ФРОЛОВА Ольга Евгеньевна, д.ф.н., старший научный сотрудник, зав. лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь:

СТРЕЛЕЦ Илья Эрнстович, к.п.н., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ /
INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL**

АМАТУЦЦИ Антонелла / AMATUZZI Antonella, PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т)

БЁМИГ Михаэла / BÖNMIG Michaela, PhD, профессор (Италия, ун-т Неаполя)

ВАВЖИНЬЧИК Ян / WAWRZYŃCZYK Jan, PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т)

ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ)

ВОЛЬФ Юрген / WOLF Jürgen, PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т, Ин-т немецкой филологии Средних веков)

ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полочкий гос. ун-т)

ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит / DEUTSCH KORNBLATT Judith, PhD, профессор (США, Висконсинский ун-т)

ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН)

ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия ИЯ РАН)

ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ)

ЗОЛотова Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т)

ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна / INKOVA-MANZOTTI Olga, д.ф.н, профессор (Швейцария, Женевский ун-т)

ЙОВАНОВИЧ Томислав / JOVANOVIĆ Томислав, PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т)

ЛЕЙТЕ Марли Квадрос / LEITE Marli Quadros, PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу)

МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т)

МИРЧЕВСКАЯ-БОШЕВА Биляна / МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна, PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия)

МОТТИРОНИ Эжени / MOTTIRONI Eugénie, PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т)

МУСТАЙОКИ Арто / MUSTAJOKI Arto Samuel, PhD, профессор (Финляндия, Хельсинкский ун-т)

НАЛЕПИН Алексей Леонидович, к.и.н., д.ф.н. (Россия ИМЛИ РАН)

НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна / NEMEC-IGNASHEV Diane, PhD, профессор (США, Карлтон колледж)

НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер / NESSELRATH Heinz-Günter, PhD, профессор, действительный член Геттингенской академии наук (Германия, Геттингенский ун-т)

НИВА Жорж / NIVAT Georges, PhD, почетный профессор Женевского ун-та, действительный член Европейской академии (Франция, Европейская академия)

ОРЛАНДО КАВАЛЬЕРЕ Арлете / ORLANDO CAVALIERE Arlete, PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу)

ПАЛМЕР Найджел Фентон / PALMER Nigel Fenton, PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т)

ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН)

РАСКНИНИ Элиза / RASCHINI Elise, PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль)

РОБЕРТС Джейн / ROBERTS Jane, PhD, профессор (Великобритания, Лондонский ун-т)

УХЛИК Младен / UHLIK Mladen, PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

ЦЭРЭНЧИМЭДИЙН Саранцацрал / ТSĒRĒNCHIMĒDIĪN Sarantsatsral, д.ф.н., профессор, почетный профессор МГУ (Монголия, Монгольский гос. ун-т)

АВТОРАМ / FOR OUR CONTRIBUTORS

К публикации принимаются статьи и материалы на русском и английском языках.

Все материалы, предлагаемые авторами для публикации, направляются на электронный адрес edit@philol.msu.ru либо представляются в редколлегию на CD (и, при желании, в распечатке); рукопись может быть также направлена на адрес редколлегии по почте.

Требования к оформлению публикаций:

– Во всех публикуемых текстах (статьях, материалах, сообщениях, обзорах, рецензиях) должны содержаться сведения об авторе по-русски и по-английски: имя, фамилия и отчество полностью, ученая степень и ученое звание (если применимо), место работы, должность, контактная информация (e-mail обязательно, телефон по желанию).

– Все статьи и материалы должны содержать аннотацию (не менее 200 слов, полностью отражающих идею работы) и ключевые слова (3–6 слов) на русском и английском языках.

– Все примечания должны быть оформлены в виде постраничных сносок.

– Библиографические ссылки даются в тексте, с указанием в квадратных скобках фамилии автора, года издания и страницы, например: [Иванов, 2015: 121]; для многотомного издания номер тома указывается римской цифрой: [Иванов, 2015, IV: 121].

– Список литературы располагается в конце статьи. Порядок представления библиографических единиц алфавитный (по фамилиям авторов либо по названию сборников или периодических изданий), без нумерации. В список литературы включаются только те работы, на которые автор ссылается в тексте.

– Транслитерированный список литературы (выполненный в «романском» алфавите в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.34–2014 к упрощенной транслитерации) строго обязателен. Предпочтительный вариант оформления списка — таблица из двух столбцов: в левом — русскоязычный список, в правом — транслитерированный (так, чтобы каждая строка таблицы содержала информацию об одной единице библиографии в двух вариантах). Для автоматической транслитерации можно воспользоваться ресурсом translit.ru. Если автор настаивает на отличном от ГОСТ варианте транслитерации своей фамилии, он должен сообщить об этом редакции.

Требования к файлам:

– Формат .doc, .docx или .rtf file.

– Максимальный объем — 20000 символов, включая пробелы. В отдельных случаях превышение объема допускается по решению редколлегии.

– Шрифт Times New Roman, кегль 12, полуторный интервал.

– Все дополнительные шрифты, схемы и рисунки должны быть приложены также в виде отдельных файлов.

Рецензирование:

– Все присланные материалы рецензируются специалистами в соответствующей области в порядке двойного слепого либо одностороннего слепого рецензирования; по возможности выдерживается принцип внешнего рецензирования. По решению редколлегии рукопись может быть принята к публикации, отклонена или возвращена автору для переработки. Решение сообщается автору в письменной форме в течение двух месяцев после сдачи рукописи.

– Если отзыв о рукописи положительный, автору высылаются замечания и рекомендации рецензентов, и после того, как будут сделаны все

необходимые исправления, текст утверждается к печати в текущем номере журнала.

С января 2018 г. издательство МГУ принимает номера в печать только при наличии заполненных и подписанных договоров с каждым автором (или соавторами). При получении подтверждения согласия редакции на публикацию автор (или соавторы) должны заполнить лицензионный договор, распечатать в двух экземплярах, подписать (автором или соавторами), отсканировать (сфотографировать) один подписанный экземпляр и прислать скан на адрес редакции: edit@philol.msu.ru оба подписанных экземпляра отправить почтой: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, к. 902 (оргсекретарю).

КОНТАКТЫ / CONTACTS

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, к. 902

Телефон: +7 495 939-53-80; +7 499 391-28-31

E-mail: sagitil@mail.ru; edit@philol.msu.ru

Оргсекретарь — Стрелец Илья Эрнстович

**Текст лицензионного договора
см. на с. 249–256 настоящего номера.**

ЛИЦЕНЗИОННЫЙ ДОГОВОР
на право использования научного произведения
в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 9. Филология»

г. Москва

Автор (соавторы): _____

_____ ,

(ф. и. о. автора и всех соавторов)

именуемый(е) в дальнейшем по отдельности или совместно «Автор» или «Соавторы», с одной стороны, и Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице директора Издательского Дома (Типографии) МГУ Вераксы Александра Николаевича, действующего на основании доверенности №195-17/010-50 от 20.09.2017 г., с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. Предмет договора

Автор (Соавторы) с момента вступления настоящего Договора в силу, предоставляет Издателю, на безвозмездной основе, на срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, исключительную лицензию на использование созданного Автором (Соавторами) научного произведения, далее — Статьи, с названием _____

_____ ,

(название статьи)

одобренной и принятой к опубликованию на русском языке в журнале с названием «**Вестник Московского университета. Серия 9. Филология**», именуемом в дальнейшем «Журнал», в пределах, пред-

усмотренных настоящим Договором, без сохранения за Автором (Соавторами) права выдачи аналогичных лицензий другим лицам.

В соответствии с п. 2 ст. 1270 ГК РФ и настоящим Договором, под использованием Статьи понимается:

воспроизведение Статьи и/или её отдельной части на русском языке в любой материальной форме, в том числе на бумажном и электронном носителе в виде отдельного произведения и/или в составе Журнала (-ов), и/или в базах данных Издателя и/или иных лиц, по усмотрению Издателя;

распространение Статьи и/или её отдельной части на любом носителе на русском языке по всему миру в виде отдельного произведения и/или в составе Журнала (-ов), и/или в базах данных Издателя и/или иных лиц, по усмотрению Издателя;

доведение Статьи или ее отдельной части до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к Статье из любого места и в любое время по собственному выбору, в том числе через Интернет

сублицензирование (выдача разрешений на использование Статьи и/или её отдельных частей) полученных по настоящему Договору прав третьим лицам, с уведомлением Авторов (Соавторов) об этом, путем размещения соответствующей информации на сайте Издателя.

Иные права, прямо не переданные Издателю по настоящему Договору, включая патентные права на любые процессы, способы или методы и прочее, описанные Автором (Соавторами) в Статье, а также права на товарные знаки, сохраняются за Автором (Соавторами), иными правообладателями.

Предоставление прав по настоящему Договору включает право на обработку формы предоставления Статьи для ее использования во взаимодействии с компьютерными программами и системами (базами данных), публикации и распространения в машиночитаемом формате и внедрения в системы поиска (базы данных).

2. Автор (Соавторы) гарантирует, что:

Автор (Соавторы) является (-ются) действительным (-и) правообладателем (-лями) исключительных прав на Статью;

Автор (Соавторы) не передавали ранее и не будут передавать в будущем третьим лицам Права, предоставленные Издателю по настоящему Договору;

Статья является оригинальным произведением, не представлена на рассмотрение в другие издания, и не была опубликована ранее в других печатных и/или электронных изданиях (кроме публикации препринта (рукописи) Статьи на веб-сайте Автора (Соавторов)

и/или в архиве (-ах) препринтов, например — таких как arxiv.org), а также что Статья не является «заказным» или служебным произведением;

Статья содержит все предусмотренные действующим законодательством об авторском праве ссылки на цитируемых авторов и источники опубликования заимствованных материалов;

Автором (Соавторами) получены все необходимые разрешения на используемые в Статье результаты, факты и иные заимствованные материалы, правообладателем (-лями) которых Автор (Соавторы) не является (-ются);

Статья не содержит материалы, не подлежащие опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующими законодательными актами РФ и ее опубликование и/или распространение Издателем не приведут к разглашению секретной (конфиденциальной) информации (включая государственную, служебную тайну).

3. Права и обязанности Автора (Соавторов):

Автор (Соавторы) обязуется (-ются):

Представить рукопись Статьи в редакцию Журнала в соответствии с Правилами для авторов, опубликованными на сайте Издателя или редакции Журнала.

В процессе подготовки Статьи к опубликованию:

соблюдать требования Издателя и/или редакции и/или редколлегии Журнала;

вносить в текст Статьи исправления, указанные рецензентами и принятые Редколлегией Журнала, и/или, при необходимости, по требованию редакции и/или редколлегии Журнала доработать Статью в сроки, согласованные дополнительно;

читать корректуру (-ы) Статьи в сроки, предусмотренные Издателем;

вносить в корректуру Статьи только тот минимум правки, который связан с необходимостью исправления допущенных в оригинале ошибок.

Не публиковать Статью в других печатных и/или электронных изданиях на русском языке и не распространять её без согласия Издателя;

Использовать электронную копию Статьи, подготовленную Издателем и переданную Автору (Соавторам), исключительно в соответствии с условиями настоящего Договора.

Автор (Соавторы) вправе:

Пользоваться печатными или электронными препринтами неизданной рукописи Статьи в форме и содержании, принятыми редакцией Журнала для опубликования. Такие препринты могут

быть размещены в виде электронных файлов на веб-сайте Автора (Соавторов) и/или, на защищенном внешнем веб-сайте работодателя Автора (Соавторов), и/или в архиве препринтов (например, arxiv.org), но не в коммерческих целях. При этом Автор (Соавторы) должен (-ы):

включить в препринт следующее предупреждение: «Это препринт Статьи, принятой для опубликования в (название Журнала, (С), авторское право (год), владелец авторского права, указанный в Журнале)»;

обеспечить электронную ссылку на сайты Издателя, имеющие в адресной строке фрагмент «msu».

Безвозмездно фотокопировать или передавать коллегам копию напечатанной Статьи целиком или частично для их личного или профессионального использования, для продвижения академических или научных исследований или для информационных целей.

Использовать отдельные материалы из опубликованной Статьи в написанной Автором (Соавторами) книге.

Использовать отдельные рисунки и/или таблицы и/или отрывки текста из Статьи в собственных целях обучения или для включения их в другую работу, или для представления в электронном формате во внутренней (защищенной) компьютерной сети или на внешнем веб-сайте Автора (Соавторов) или его работодателя.

Включать материалы Статьи в учебные сборники для использования в аудитории, для безвозмездного распространения материалов студентам Автора (Соавторов) или сохранять материалы в электронном формате на локальном сервере для доступа студентов, как к части курса обучения, а также для внутренних обучающих программ в учреждении работодателя, но не для систематического распространения или свободного доступа.

4. Издатель обязуется:

За свой счет обеспечить рецензирование Статьи, научное, литературное и художественно-техническое редактирование, изготовление и/или обработку иллюстративного материала, изготовление бумажного и электронного оригинала-макета, воспроизведение и распространение Статьи в бумажной и/или электронной форме в соответствии с условиями настоящего Договора и графиком выхода Журнала.

Согласовывать с Автором (Соавторами) вносимую в Статью правку с учетом условий п.п. 2 и 3 настоящего Договора;

Предоставить Автору (Соавторам) корректуру верстки Статьи и внести обоснованную правку Автора (Соавторов).

Автору (Соавторам) PDF файл (электронный оттиск) Статьи после её опубликования при условии предоставления Автором (Соавторами) электронных адресов.

5. Издатель гарантирует:
неприкосновенность Статьи и защиту её от искажений;
международный стандарт полиграфических работ;
соблюдение личных неимущественных и иных прав Автор
(Соавторов).

6. Издатель имеет право:

При любом последующем разрешенном использовании Автором (Соавторами) и/или иными лицами Статьи (в том числе любой ее отдельной части, фрагмента), требовать от указанных лиц указания ссылки на Журнал, Издателя или иного правообладателя Журнала, Автора (Соавторов) или иных обладателей авторских прав, название Статьи, том, номер Журнала и год опубликования, указанных в/на Журнале.

По своему усмотрению размещать в СМИ и других информационных источниках (в т. ч. в Интернете) предварительную и/или рекламную информацию о предстоящей публикации Статьи.

Устанавливать правила (условия) приема и опубликования материалов в Журнале. Редакция Журнала принадлежит исключительное право отбора и/или отклонения материалов, направляемых в редакцию Журнала с целью их опубликования. Материальный носитель рукописи Статьи, направляемой Автором (Соавторами) в редакцию Журнала, возврату Издателем не подлежит. Редакция Журнала в переписку с Автором (Соавторами) по вопросам (мотивам) отклонения Статьи Редакцией Журнала не вступает, рецензии не высылает.

Использовать Статью по своему усмотрению любыми способами, в пределах настоящего Договора.

Другие условия Договора

Настоящий Договор вступает в силу в случае и с момента вынесения Редакцией Журнала решения о принятии Статьи к опубликованию и действует в течение срока, предусмотренного в п. 1 настоящего Договора. Если Статья не принимается к публикации или Автор (Соавтор) на стадии принятия решения Редакцией отозвал рукопись, настоящий Договор утрачивает силу.

В соответствии со ст. 1269 ГК РФ Автор (Соавторы) имеют право отказаться от ранее принятого решения об обнародовании (воспроизведении) Статьи (право на отзыв) при условии возмещения Издателю причиненных таким решением убытков. Если Статья опубликована, Автор (Соавторы) также обязаны публично оповестить о ее отзыве. При этом Автор (Соавторы) вправе изъять из обращения ранее выпущенные экземпляры Статьи, Журнала, возместив Издателю и третьим лицам (подписчикам) причиненные этим убытки.

В случае предъявления третьими лицами к Издателю требований (претензий, исков), связанных с нарушением исключительных авторских и/или иных прав интеллектуальной собственности третьих лиц при использовании Статьи Издателем, или в связи с заключением Автором (Соавтором) настоящего Договора, Автор (Соавторы) обязуется (-ются):

немедленно, после получения уведомления Издателя, принять меры к урегулированию споров с третьими лицами, при необходимости вступить в судебный процесс на стороне Издателя и предпринять все зависящие от него действия с целью исключения Издателя из числа ответчиков;

возместить Издателю понесенные судебные расходы, расходы и убытки, вызванные применением мер обеспечения иска и исполнения судебного решения, выплаченные Издателем третьему лицу суммы за нарушение исключительных авторских и иных прав интеллектуальной собственности, а также иные убытки, понесенные Издателем в связи с несоблюдением Автором (Соавторами) гарантий, предоставленных им (-и) по настоящему Договору.

Стороны договорились, что в соответствии со ст. 160 ГК РФ, допускают и признают воспроизведение текста настоящего Договора и подписей Сторон на настоящем Договоре и иных документах, связанных с его заключением, с помощью использования средств механического, электронного или иного копирования собственноручной подписи и текста Договора, которые будут иметь такую же силу, как подлинная подпись Стороны или оригинальный документ. Факсимильные (электронные) копии документов действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

В соответствии со ст. 428 ГК РФ настоящий Договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются Издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к настоящему Договору в целом. Направление Автором (Соавторами) рукописи Статьи для опубликования в Журнале, считается акцептом, т.е. согласием Авторам (Соавторам) на опубликование Статьи в соответствии с условиями настоящего Договора и Правилами для авторов, с обязательным заключением Сторонами настоящего Договора на указанных условиях.

Все иное, прямо не урегулированное настоящим Договором, подлежит урегулированию Сторонами в соответствии с действующим законодательством РФ, правилами (условиями) приема и опубликования материалов в Журнале (Правилами для авторов), действующими у Издателя на момент отправки Статьи в редакцию Журнала.

Реквизиты и Подписи Сторон:

Автор (Соавторы) (заполняется по каждому соавтору):

Автор для переписки:

Фамилия: _____

Имя: _____

Отчество: _____

Паспорт №: _____

Выдан (кем, когда): _____

Адрес (место регистрации и адрес для переписки):

Контактный телефон: _____

e-mail: _____

В соответствии со ст.9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», даю своё согласие Издателю на сбор, хранение и обработку моих персональных данных, приведенных выше.

дата

подпись

Автор (Соавтор):

Фамилия: _____

Имя: _____

Отчество: _____

Паспорт №: _____

Выдан (кем, когда): _____

Адрес (место регистрации и адрес для переписки):

Контактный телефон: _____

e-mail: _____

В соответствии со ст.9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», даю своё согласие Издателю на сбор, хранение и обработку моих персональных данных, приведенных выше.

дата

подпись

Издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Директор Издательского Дома
(Типографии) МГУ

А.Н. Веракса

Редколлегия Журнала
«Принято к публикации»
(заполняется сотрудником редакции Журнала)

дата

подпись